

СОЧИНЕНІЯ

ПУШКИНА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ
ПОРТРЕТА, СНИМКОВЪ СЪ ЕГО ПОЧЕРКА И СЪ ЕГО РИСУНКОВЪ, И ПРОЧ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ИЗДАНІЕ П. В. АННЕНКОВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1855

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 1-го Ноября 1854 года.

Ценсоръ *А. Фрейгангъ.*

Въ Типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПЕРВАГО ОТДѢЛА.

1851 г.

—

I.

КРАСАВИЦА.

(въ альбомъ Г***.)

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красъ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердце ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтись съ ней, смущенный, ты,
Вдругъ остановишься невольно,

Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

—

II.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витѣи?
Зачѣмъ анаѣмой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Неразъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? — вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ.....

За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
 Что на развалинахъ пылающей Москвы
 Мы не признали наглой воли
 Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
 За то ль, что въ бездну повалили
 Мы тяготящій надъ царствами кумиръ,
 И нашей кровью искупили
 Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
 Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
 Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
 Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
 Иль намъ съ Европой спорить ново?
 Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
 Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
 Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
 Отъ потрясеннаго Кремля
 До стѣнъ недвижнаго Китая,
 Стальной щетиною сверкая,
 Не встанетъ Русская земля?
 Такъ высылайте жъ намъ, витии,
 Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
 Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
 Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

—

III.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
 Мы братской тризной поминая,

Твердили: «Шли же племена,
 «Бѣдой Россіи угрожая;
 «Не вся ль Европа тутъ была?
 «А чья звѣзда ее вела!...
 «Но стали жъ мы пятою твердой,
 «И грудью приняли напоръ
 «Племень, послушныхъ волю гордой,
 «И равенъ былъ неравный споръ.
 «И что жъ? свой бѣдственный побѣгъ,
 «Кичась, они забыли нынѣ;
 «Забыли Русскій штыкъ и снѣгъ,
 «Погребшій славу ихъ въ пустынь.
 «Знакомый пиръ ихъ манить вновь —
 «Хмѣльна для нихъ Славяновъ кровь:
 «Но тяжко будетъ имъ похмѣлье;
 «Но дологъ будетъ сонъ гостей
 «На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
 «Подъ знакомъ Сѣверныхъ полей!
 «Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ.
 «Но знайте, прошеные гости!
 «Ужъ Польша васъ не поведетъ:
 «Черезъ ея шагнете кости!...»
 Сбылось — и, въ день Бородина,
 Вновь наши вторглись знамена
 Въ проломы падшей вновь Варшавы;
 И Польша, какъ бѣгушій полкъ,
 Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый —
 И бунтъ раздавленный уможъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
 Враговъ мы въ прахъ не топтали;
 Мы не напомнимъ нынѣ имъ
 Того, что старыя скрижали

Хранять въ преданіяхъ нѣмыхъ;
 Мы не сождемъ Варшавы ихъ;
 Они народной Немезиды
 Не узрять гнѣвнаго лица,
 И не услышатъ пѣснь обиды
 Отъ лиры Русскаго пѣвца.

Но вы, мучители Палатъ,
 Легкоязычные витіи,
 Вы, черни бѣдственный набатъ,
 Клеветники, враги Россіи!
 Что взяли вы?... Еще ли Россъ
Больной, разслабленный колоссъ?
 Еще ли Сѣверная слава
 Пустая притча, лживый сонъ?
 Скажите: скоро ль намъ Варшава
 Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отвинемъ строй твердынь?
 За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
 За кѣмъ останется Волянь?
 За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
 Признавъ мятежныя права.
 Отъ насъ отторгнется ль Литва?
 Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
 Сей пращуръ Русскихъ городовъ,
 Сроднить ли съ буйною Варшавой
 Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
 Смутили ль Русскаго Владыку?
 Скажите, кто главой поникъ?
 Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
 Сильна ли Русь? Война, и моръ,
 И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ

Ее, обьснуясь, потрясали —
 Смотрите жъ: все стоитъ она!
 А вокругъ нея волненья пали—
 И Польши участь рѣшена...

Побѣда! Сердцу сладкій часъ!
 Россія, встань и возвышайся!
 Греми, восторговъ общій гласъ!...
 Но тише, тише раздавайся
 Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
 Могучій мститель злыхъ обидъ,
 Кто покорилъ вершины Тавра,
 Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
 Кому Суворовскаго лавра
 Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
 Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы:
 Вострепетала тѣнь его
 Отъ блеска имъ начатой славы!
 Благословляетъ онъ, герой,
 Твое страданье, твой покой,
 Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
 И вѣсть триумфа твоего,
 И съ ней летящаго за Прагу
 Младаго внука своего.

—

IV.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
 Свою святую годовщину,

Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ задравныхъ чашъ
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно ль, друзья?... Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того Царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душею часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болъ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой; —
И всѣхъ мы братски поминали.

И, мнится, очередь за мной...
 Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
 Товарищъ юности живой,
 Товарищъ юности унымой,
 Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
 Пировъ и чистыхъ помышлений,
 Туда, въ толпу тѣней родныхъ
 На вѣкъ отъ насъ ушедшій геній..

—

V.

ЭХО.

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
 Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ
 Поеть ли дѣва за холмомъ —
 На всякой звукъ
 Свой откликъ въ воздухъ пустомъ
 Родишь ты вдругъ.

Ты внимешь грохоту громовъ
 И гласу бури и валовъ,
 И крику сельскихъ пастуховъ —
 И шлешь отвѣтъ;
 Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
 И ты, поэтъ!

=

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1831 года.

- I. Стихотвореніе напечатано было впервые въ журналѣ: Библиотека для Чтенія 1834, томъ III, № 5 и повторено изданіемъ стихотвореній Пушкина 1835 г. (Часть четвертая), безъ перемѣнъ. Посмертное изданіе перепечатало его оттуда, тоже безъ измѣненій.
- II. Стихотвореніе: Клеветникамъ Россіи и слѣдующее за нимъ: Бородинская Головщина, напечатаны были отдѣльною книжкой въ 1831 г., вмѣстѣ съ стихотвореніемъ В. А. Жуковскаго: Русская Слава. Книжка имѣла заглавіе: «На взятіе Варшавы, три стихотворенія В. Жуковскаго и А. Пушкина (Спб. въ Военной Типографіи, 1831 г. in. 8°)». За тѣмъ обѣ пьесы нашего поэта вошли въ составъ изданій 1832 г. и посмертнаго. На рукописи первой изъ нихъ: Клеветникамъ Россіи, находится эпиграфъ: Vox et graeterea nihil и помѣтка: «2 Августа. Село Царское.» Второе стихотвореніе написано уже въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, какъ видно изъ самого содержанія, но тоже въ Царскомъ Селѣ, куда поэтъ нашъ переѣхалъ, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, изъ Москвы.
- III.

IV. Посмертное издание въ 9-мъ дополнительномъ томѣ своемъ 1841 г., гдѣ явилось стихотвореніе впервые, дало ему произвольное оглавленіе: Лицейская Годовщина. Въ рукописи нѣтъ никакого названія для пьесы, и если ужъ непременно нужно было названіе, то конечно приличнѣе и сходнѣе съ прежними образцами было бы для нея оглавленіе: «19-е Октября 1831 г.» По крайнѣй мѣрѣ точно такая помѣтка находится въ концѣ стихотворенія на рукописи Пушкина, да тамъ же есть и одна дополнительная строфа. Послѣ трогательнаго возванія къ тѣни недавно почившаго Дельвига и вообще къ шести друзьямъ, покинувшимъ сей свѣтъ, Пушкинъ продолжаетъ:

Тѣснѣй, о милые друзья,
 Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ!
 Почившимъ пѣснь окончилъ я:
 Живыхъ надеждою поздравимъ —
 Надеждой нѣкогда опять
 Въ пиру Лицейскомъ очутиться,
 Всѣхъ остальныхъ еще обнять —
 И новыхъ жертвъ ужъ нестрашиться.

V. Стихотвореніе, впервые напечатанное въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1832 г. и повторенное за тѣмъ изданіями 1832 г. и посмертнымъ. Выѣстъ съ нимъ кончается для насъ третья часть стихотвореній Пушкина, вышедшая въ 1832 г. и только послѣдняя, четвертая, появившаяся въ 1835 г. остается для немногихъ лирическихъ пьесъ, которыя Пушкинъ еще помѣстилъ въ ней.

1852 г.

—

I.

РОДРИГЪ.

На Испанію родную
Призвалъ Мавра Юліанъ;
Графъ за личную обиду
Мститъ рѣшился Королю.

Дочь его Родригъ похитилъ,
Обезчестилъ древній родъ;
Вотъ за что отчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули потокомъ
На Испанскіе брега —
Царство Готевъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

Готѣы пали не безславно :
Храбро билися они;

Долго Мавры сомнѣвались,
Одолѣеть кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ :
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Конь любимый Короля;

Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли.
Короля почли убитымъ —
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ живыхъ остался :
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужъ смерти лишь алкалъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаяся его;
Мимо дротики летали;
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

На-послѣдокъ, утомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Отъ ладони отклеилъ,

Бросилъ на земь шлемъ пернатый
И блестящую броню —
И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.

Отъ полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ;

Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распутяхъ видитъ онъ;
Всѣ толпой бѣгутъ отъ Мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеньи Христіанъ;
Всѣ Родрига проклинаютъ —
И проклятыя слышитъ онъ,

И съ поникшею главою
Мимо ихъ пройти спѣшитъ,
И не смѣетъ даже молвить :
Помолитесь за него.

Наконецъ на берегъ моря
Въ третій день приходитъ онъ —
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

Въ той пещерѣ онъ находитъ
Крестъ и заступъ — а въ углу
Трупъ отшельника и яму,
Имъ изрытую давно.

Тлѣнне трупа не коснулось;
Онъ лежитъ окостенѣвъ,
Ожидая погребенья
И молитвы Христіанъ.

Трупъ отшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ-король,

И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онъ питаться сталъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ,
Какъ предшественникъ его.

Короля въ уединеніи
Сталъ лукавый искушать,
И видѣньями ночными
Кроткій сонъ его мутить.

Онъ проснется съ содроганьемъ,
Полонъ страха и стыда ;
Упоеніе соблазна
Сокрушаетъ духъ его.

Хочетъ онъ молиться Богу
И не можетъ : бѣсъ ему
Шепчетъ въ уши звуки битвы,
Или страстныя слова.

Онъ въ уныніи проводитъ
Дни и ночи недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.

Но отшельникъ, чьи остатки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

Въ сновидѣннѣ благодатномъ
Онъ явился Королю,

Бѣлой ризою одѣянъ
И сіянемъ окруженъ.

И Король, объятый страхомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщаль ему Угодникъ :
Встань — и міру вновь явись.

Ты вѣнецъ утратилъ царской;
Но Господь рукъ твоей
Дастъ побѣду надъ врагами,
А душѣ твоей покой.

Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ,
И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился Король....

—

II.

РОМАНСЪ.

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму —
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердцѣ врѣзалось ему.

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ неподымалъ.

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. свою кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ,

Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ дигъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала Мусульманъ...

Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ, строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

—

III.

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
 Волнениямъ любви безумно предаваться!
 Спокойствіе мое я строго берегу
 И сердцу не даю пымать и забываться.
 Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жъ порой
 Не погружуся я въ минутное мечтанье,
 Когда нечаянно пройдетъ передо мной
 Младое, чистое, небесное созданье?
 Пройдетъ и скроется!.... Уже ль не можно мнѣ,

 Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
 Благословлять ее на радость и на счастье,
 И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей :
 Веселья, миръ души, безпечные досуги,
 Все..... даже счастье того, кто избранъ ей,
 Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

—

IV.

А. Д. БАРАТЫНСКОЙ.

Когда-то, помню съ умиленьемъ,
 Я смѣлъ васъ нянчить съ восхищеньемъ :
 Вы были дивное дитя.
 Вы расцвѣли : съ благоговѣньемъ
 Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
 За вами сердцемъ и глазами

Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянка старая, горжусь.

—

V.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ
Не касался я перомъ;
Виноватъ, въ столъ моему
Уже давно безъ строгъ привѣтныхъ
Залежался твой альбомъ.
Въ имянины, очень кстати,
Пожелать тебѣ я радъ
Много всякой благодати,
Много сладостныхъ отрадъ,
На Парнассѣ много грома,
Въ жизни много тихихъ дней,
И на совѣсти твоей
Ни единого альбома
Отъ красавиць, отъ друзей.

—

VI.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Въ тревогъ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и Двора

Я сохранила взоръ холодный,
 Простое сердце, умъ свободный
 И правды пламень благородный —
 И какъ дитя была добра,
 Смѣялась надъ толпою вздорной,
 Судила здраво и свѣтло.
 И шутки злости самой черной
 Писала прямо на-бѣло.

—

VII.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

(ИЗЪ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКАГО.)

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
 Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
 Ладона сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
 Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
 Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
 Медъ и сыръ молодой — все готово; весь убранъ цвѣтами
 Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
 Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
 Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
 Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы приступимъ:
 Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
 Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться, но слава
 Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо.

—

VШ.

(ИЗЪ АӨЕНЕЯ.)

Славная флейта, Феонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ,
Старецъ ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпаль родилъ,
И вдохновенный, нарекъ младенца Феономъ. За чашей
Сладостно Вакха и Музъ славилъ пріятный Феонъ.
Славилъ и Ватала онъ, молодого красавца : прохожій !
Мимо гробницы спѣша, вымолви : здравствуй, Феонъ !

=

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1832 года.

=

- I. Романсъ, данный впервые 9-мъ дополнительнымъ томомъ посмертнаго изданія (1841) подъ заглавіемъ: Родригъ, котораго нѣтъ въ рукописи. Тамъ на черновомъ оригиналѣ находится вверху небольшая программа: «Родригъ спасается въ пещерѣ одинъ. Его сны, искушенія» и больше ничего. Все стихотвореніе есть только первоначальный очеркъ, который Пушкинъ предполагалъ раздѣлить на нѣсколько отдѣловъ. Последняя часть его о Родригѣ—побѣдитель не была написана.
- II. Это стихотвореніе, помѣщенное посмертнымъ изданіемъ 1841 г. въ такъ называемыхъ: Сценахъ изъ Рыцарскихъ временъ, гдѣ оно было совсѣмъ затеряно помѣщаемъ, на этотъ разъ, отдѣльно. Если мы не сдѣлали того же для стихотвореній: «Чертогъ сіялъ» и «Стамбулъ Гяуры нынче славятъ», заключенныхъ тоже въ прозаическихъ статьяхъ, то единственно по причинѣ ихъ всеобщей извѣстности. Настоящее превосходное подражаніе вмѣстѣ съ тѣмъ, которое ему предшествуетъ, останавливаютъ вниманіе еще и по выбору, какой сдѣлалъ Пушкинъ изъ многочисленнаго цикла Испанскихъ и Провансальскихъ романсовъ.

- III. Стихотвореніе, какъ мы уже сказали, напечатанное сперва въ Альманахъ Г. Владиславлева: Альманахъ на 1838 г. и со-всѣмъ пропущенное въ посмертномъ изданіи. Мы отнесли его къ 1832 г., потому, что въ оригиналѣ находится помѣтка, хотя сдѣланная и не собственною рукою Пушкина: «27 Октября 1832»
- IV. Стихотвореніе, напечатанное впервые въ журналѣ: Отечественныя Записки 1840 г., № 1 и перешедшее отсюда въ 9-й дополнительный томъ посмертнаго изданія.
- V. Другое стихотвореніе, данное Отечественными Записками 1839 г., № 1 и перешедшее въ посмертное изданіе 1841 г. Мы не знаемъ лица, къ которому оно написаѡо, но можемъ догадываться по одному стиху его, что владѣтель альбома былъ литераторъ и поэтъ. Въ Отечественныхъ Запискахъ находилась помѣтка: 1832.
- VI. Эти стихи въ альбомѣ были напечатаны впервые въ журналѣ: Отечественныя Записки 1840 г., № 10 и отсюда перешли въ 9-й дополнительный томъ посмертнаго изданія 1841 г. Въ рукописи помѣтка: «16 Марта 1832».
- VII. Какъ эта пьеса, такъ и слѣдующая за ней первоначально напечатаны въ журналѣ: Библиотека для Чтенія 1834 г., томъ V, съ заглавіемъ: «Подражанія Древнимъ» и помѣткой: 1832. На рукописяхъ, однакожь, помѣтка другая, именно: 1833, но мы сохраняемъ годъ, данный Пушкинымъ печатно своему произведенію. «Чистый лоснится полъ» — переписано имъ было на бѣло, но карандашемъ 12 Января 1833 г., а «Славная флейта, Θεонъ, здѣсь лежитъ» 1-го Января того же года и тоже карандашемъ. Изданіе стихотвореній Пушкина 1835 г. сохранило ихъ заглавіе, но отбросило помѣтки и такъ обѣ пьесы перешли и въ посмертное изданіе.
- VIII. Можно прибавить, что въ рукописяхъ Пушкина есть еще одно подражаніе Древнимъ, написанное карандашемъ и въ одно время съ двумя предшествующими пьесами. Вотъ оно:

ВИНО.

(Ионъ Хіоскій)

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный,
Шумный зачинщикъ обидъ, милый заступникъ любви.

1855 г.

—

I.

ВОЕВОДА.

Поздно ночью изъ похода
Воротился Воевода.
Онъ слугамъ велить молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ..... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

И мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ...
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ,
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ !

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора :
Я васъ, хамы!..... Дай ружье;

Приготовь мѣшокъ, веревку,
 Да сними съ гвоздя винтовку.
 Ну, за мною!..... Я жъ ее!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ,
 Тихимъ крадутся дозоромъ,
 Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
 На скамейкѣ у фонтана,
 Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна —
 И мужчина передъ ней.

Говорить онъ : «Все пропало,
 Чѣмъ лишъ только я, бывало,
 Наслаждался, что любилъ :
 Бѣлой груди воздыханье,
 Нѣжной ручки пожиманье —
 Воевода все купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
 Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
 Отъ меня ты отперлась.
 Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
 Серебромъ лишъ побряцалъ онъ,
 И ему ты отдалась.

«Я скакалъ во мракъ ночи
 Милой панны видѣть очи,
 Руку нѣжную пожать;
 Пожелать для новоселья
 Много лѣтъ ей и веселья,
 И потомъ навѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ,
 Онъ колѣна ей цѣлуетъ,
 А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,

Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,»
Бѣдный хлопецъ прошепталъ :
«Вѣтеръ что ли, плачуть очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.»

— «Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку.... Наводи....
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣ.... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише;
Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался.
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся.....
Хлопецъ видно промахнулся :
Прямо въ лобъ ему попалъ.

—

II.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта : на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода,
Пазъ идетъ на Поляковъ, а Ольгердъ на Прусаковъ,
А на Русскихъ Кестуть-воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранить васъ Литовскіе боги!).
Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду,
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ Русскихъ добычей.
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоценныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ Прусаковъ, отъ проклятыхъ Крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго:
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта —
Янтарию — что песку тамъ морскаго.

Третій съ Пазомъ на Ляха пусть ударить безъ страха :
Въ Польшѣ мало богатства и блеску,
Сабель взять тамъ нехудо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

Нѣтъ на свѣтѣ Царицы краше Польской дѣвицы.
Весела — что котенокъ у печки —
И какъ роза румяна, а бѣла что сметана;
Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки!

Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съзвездилъ я тоже,
И оттуда привезъ себѣ жонку;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.

Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводить; ни одинъ не приходитъ.
Будрысь думалъ : ужъ видно убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
«Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге—не рубли ли?»
— Нѣтъ, отецъ мой, Полячка младая. —

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?»
— Нѣтъ, отецъ мой, Полячка младая. —

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.
Старый Будрысь хлопочетъ, и спросить ужъ нехочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

—

III.

ГУСАРЬ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру :
«Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую квартиру!»

«Здѣсь чловѣка берегутъ,
Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ;

Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горькѣ.

«Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой...
Не бось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

«То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодежи — молодухи!

«Ей ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки *чернобровой*.
Однимъ, однимъ не хороши...»
— А чѣмъ же? раскажи служивой. —

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусь,
Да глушь, а мы видали виды.

«Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

«Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвить грубо;

«Напьюсь — уложить, и сама
Опохмѣлиться приготовить;

Мигну бывало ей, кума! —
Кума ни въ чемъ не прекословить.

«Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? врагъ понуталъ видно.

«Зачѣмъ бы ей, подумалъ я,
Встать до нѣтуховъ! Кто просить?
Шалить Марусенька моя!
Куда ее лукавый носить?»

«Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворъ шумѣла буря),

«И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

«И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И свѣъ на вѣникъ передъ печкой,

«Раздѣлась до нага; потомъ
Изъ склянки три раза хлѣбнула,
И вдругъ на вѣникъ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

«Эге! смѣкнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!

Постой, голубушка моя!...

И съ печки слѣзъ — и вижу: склянка.

«Понюхаль: кисло! что за дрянь!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лохань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

«Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ склянкой —
Какъ фыркнетъ онъ! Я: брысь!... И вотъ
И онъ туда же за лоханкой.

«Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало:
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печку поскакало.

«Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку выпилъ; вѣрь не вѣрь —
Но къ верху вдругъ взвился я пухомъ.

«Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на земь упадаю.

«Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

«Я плюнулъ и сказать хотѣлъ...
И вдругъ бѣжить моя Маруся:

Домой! кто звалъ тебя, пострѣль?
Тебя съѣдятъ! — Но я, не струся:

«Домой? да, чорта съ два! Почемъ
Мнѣ знать дорогу! — Ахъ, онъ странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный. —

«Чтобъ я, я съѣлъ на кочергу,
Гусарь присяжный! Ахъ, ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

«Коня! — На, дурень, вотъ и конь. —
И точно: конь передо мною,
Скребеть копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

«Садись. — Вотъ съѣлъ я на коня,
Ищу уздечки — нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня —
И очутились мы у печки.

«Гляжу: все также; самъ же я
Сижу верхомъ, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вотъ что случается порою.»

И сталъ крутить свой длинный усь,
Прибавя: «молвить безъ обиды,
Ты хлопецъ, можетъ быть не трусь,
Да глупъ, а мы видали виды.»

—

IV.

ОТРЫВОКЪ.

I.

Однажды, странствуя среди долины дикой
 Незапно былъ объять я скорбію великой
 И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
 Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
 Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
 Я въ вопляхъ изливалъ души пронзенной муки
 И горько повторялъ, метаясь какъ больной:
 Что дѣлать буду я? что станется со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
 Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
 При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ,
 И мысли мрачны хотѣлъ таить отъ нихъ;
 Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ —
 И сердце наконецъ открылъ я по неволѣ.

«О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,
 Сказалъ я, вѣдайте: моя душа полна
 Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
 Тягчить меня. Идетъ!... Ужъ близко, близко время:
 Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
 Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ —
 И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
 Обрѣсть убѣжище — а гдѣ?... О горе, горе!»

III.

Мои домашнія въ смущеніе пришли
 И здравый умъ во мнѣ разстроенымъ почли.

Но думали, что ночь и сна покой цѣлебной
 Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебной.
 Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ
 И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
 Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
 Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я то же,
 Что прежде говорилъ. Тутъ ближніе мои,
 Не довѣря мнѣ, за должное почли
 Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
 Меня на правый путь и бранью и презрѣньемъ
 Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
 Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ.
 И наконецъ они отъ крика утомились
 И отъ меня, махнувъ рукою, отступились
 Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачь
 Доучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить — уныньемъ изнывая
 И взоры вокругъ себя со страхомъ обращая,
 Какъ рабъ, замыслившій отчаянный побѣгъ,
 Иль путникъ, до дождя спѣшащій на ночлегъ.
 Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
 Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
 Онъ тихо поднялъ взоръ и спросилъ меня:
 О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
 И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
 Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный —
 И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
 И смерть меня страшитъ. «Коль жребій твой таковъ,
 Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
 Чего жъ ты ждешь? зачѣмъ не убѣжишь отсель?»
 И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?

Тогда: «не видитъ ли твой взоръ чего нибудь?»
 Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
 Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно-отверстымъ,
 Какъ отъ бѣльма врачомъ избавленный слѣпецъ:
 Я вижу нѣкій свѣтъ — сказалъ я наконецъ.
 «Иди жъ — онъ продолжалъ: держись сего ты свѣта;
 Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
 Доколь оныхъ вратъ еще ты не достигъ;
 Ступай!» И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
 Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ трѣвогу:
 И дѣти и жена кричали мнѣ съ порогу,
 Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
 На площадь привлекли пріятелей моихъ.
 Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
 Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ;
 Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
 Кто силой воротить сосѣдамъ предлагалъ;
 Иные ужъ за мной гнались — но я тѣмъ болѣ
 Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
 Дабы скорѣй войти, оставя тѣ мѣста,
 Спасенія путемъ въ таинственны врата!...

—

V.

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
 Нѣтъ, легче посохъ и сума,
 Нѣтъ, легче трудъ и гладь.

Не то, чтобъ разумомъ моимъ
 Я дорожилъ; не то, чтобъ съ нимъ
 Разстаться былъ не радъ.

Когда бѣ оставили меня
На волю, какъ бы рѣзво я
 Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
 Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

Силенъ и воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
 Ломающій лѣса.

И я бѣ заслушивался волнь,
И я глядѣлъ бы, счастья полнь,
 Въ пустыя небеса.

Да вотъ бѣда: сойди съ ума,
И страшень будешь, какъ чума;
 Какъ разъ тебя запруть;

Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
 Дразнить тебя придуть.

А ночью слышать буду я,
Не голосъ яркій соловья,
 Не шумъ глухой лѣсовъ;

А крикъ товарищей моихъ,
Да брань зрителей ночныхъ,
 Да визгъ, да звонъ оковъ.

=

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1833 года.

=

- I. Стихотвореніе, напечатанное впервые въ журналѣ : Библіотека для Чтенія 1834 г., Томъ II, съ припиской : «Польская баллада» и съ указаніемъ въ оглавленіи тома: Изъ М—ча, что выпущено изданіемъ 1835 г. и послѣдующимъ.
- II. Тѣже самыя подробности относятся и къ этой пьесѣ. Въ Библіотекѣ для Чтенія, 1834 г., Томъ II, была приписка къ ней : «Литовская баллада» и указаніе въ оглавленіи тома : Изъ М—ча, отброшенныя послѣдующими изданіями. Между прочимъ изданіе 1835 г. напечатало : «Янтаря — что песку тамъ морскаго», а посмертное изданіе : «Янтарию — что песку тамъ морскаго». Въ рукописи сохраняется помѣтка, объясняющая время происхожденія обоихъ превосходныхъ подражаній: «28 Октября 1833, Болдино». Кстати Пушкинъ писалъ сперва *вездѣ Будрышь*, вмѣсто Будрысь и *Паць* вмѣсто Пазь.
- III. Впервые напечатано въ журналѣ : Библіотека для Чтенія 1834 г., томъ I, повторено изданіемъ 1835 г., гдѣ приложено годъ созданія пьесы: 1833, и перепечатано за тѣмъ по-посмертнымъ изданіемъ. Этимъ стихотвореніемъ открывался, вмѣстѣ съ произведеніями И. Козлова, первый отдѣлъ (Русская Словесность) новаго журнала, въ которомъ, въ теченіи

двухъ лѣтъ, Пушкинъ помѣщалъ почти исключительно свои созданія. Прибавимъ, что типъ Гусара, мастерски очерченный Пушкинымъ, не былъ тогда замѣченъ большинствомъ публики.

IV. Девятый, дополнительный томъ посмертнаго изданія (1841 г.) сообщилъ (въ отдѣлѣ Мелкихъ Стихотвореній) это произведеніе Пушкина, подъ вымышленнымъ заглавіемъ : Отрывокъ, вмѣсто заглавія: «Странникъ», какое далъ ему авторъ въ рукописи. До IV строфы мы имѣемъ оригиналъ, на-чисто перебѣленный самимъ Пушкинымъ, но съ IV строфы остается у насъ черновая рукопись, не совсѣмъ сходная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ редакціей посмертнаго изданія. Такъ въ IV строфѣ стихъ посмертнаго изданія:

«Доколѣ оныхъ вратъ еще ты не достигъ,»

въ рукописи находится еще въ такомъ видѣ:

«Пока спасенья тѣсныхъ вратъ ты не достигъ.»

Поправка, можетъ быть, сдѣланная и самимъ авторомъ, но въ нашемъ оригиналѣ уже не находящаяся, гдѣ только стихъ зачеркнуть рукою автора. Такъ точно и послѣдніе два стиха:

«Дабы скорѣй войти, оставя тѣ мѣста,
Спасенія путемъ въ таинственны врата,»

въ рукописи еще читаются :

«Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста,
Спасенья узкій путь и тѣсныя врата,»

что, кажется, не совсѣмъ одно и тоже. Подъ стихотвореніемъ находится помѣтка автора : «26 Іюня 1833.» Само оно, какъ образецъ соединенія религіозности, поэзии и живописи душевныхъ болѣзней — принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній нашего автора.

V. Стихотвореніе, тоже сообщенное впервые 9-мъ дополнительнымъ томомъ посмертнаго изданія 1841 г. въ отдѣлѣ Мелкихъ Стихотвореній. Оно принадлежитъ 1833 году и писано въ одно время съ Мѣднымъ Всадникомъ. Редакція посмертнаго изданія вѣрна.

1854 г.

—

I.

М.

Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,

Поеть онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходить къ намъ!.... О Боже! Возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

II.

КЪ П**.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтель ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали...
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.... Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой;
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

III.

А. В. ДАВЫДОВУ.

(При посылкѣ истории ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.)

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Навздникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я стараго Парнасса
Изъ моды вышедшій мундиръ:
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой навздникъ чудной,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плуть, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоємъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

=

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1834 года.

=

- I. Сообщено впервые тоже 9-мъ, дополнительнымъ томомъ посмертнаго изданія 1841 г. съ заглавіемъ: М*, котораго нѣтъ въ рукописи, но которое поясняетъ отчасти стихотвореніе. На рукописи сохраняется отмѣтка: «10 Августа 1834. Спб.» Трогательная пѣснь, которую друзья Пушкина знали въ окончательномъ видѣ залого до появленія ея въ печати, чѣмъ и объясняются нѣкоторыя, малыя несходства ея съ нашимъ первымъ черновымъ оригиналомъ.
- II. Заглавіе этой пьесы дано тоже посмертнымъ изданіемъ (9 томъ), гдѣ она напечатана была впервые въ отдѣлѣ Мелкихъ Стихотвореній, какъ и предшествующая ей.
- III. Посланіе впервые напечатано въ Современникѣ 1837 г., томъ V, и оттуда перешло въ 9 томъ посмертнаго изданія 1841 г.

1855 г.

—

I.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ Мадоннъ,
Ни Фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,

И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
 Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
 Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
 Уже состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
 Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
 Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
 Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
 Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
 Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
 Высоко лоснится, и, мнится, залегла
 Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
 За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый,
 Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
 Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
 Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
 Или невольное то было вдохновенье —
 Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
 Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
 Непроницаемый для взгляда черни дикой,
 Въ молчаньи шель одинъ ты съ мыслию великой;
 И въ имени твоёмъ звукъ чуждый не взлюбя,
 Своими криками преслѣдуя тебя,
 Народъ, таинственно спасаемый тобою,
 Ругался надъ твоей священной сѣдиною.
 И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
 Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ....
 И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
 Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
 И на полупути былъ долженъ наконецъ

Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
 И власть, и замысль, обдуманнѣе глубоко,
 И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
 Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
 Свинца веселый свистъ слышавшій впервой,
 Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
 Вотще! —

.....

 О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
 Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
 Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
 Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
 Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
 Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбежные уроны, предоставляя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унижить священную славу Кутузова; однако жъ меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала Святой Елены! Имя его не только священо для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы Русскіе, что оно звучитъ Русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, *гдѣ равенъ былъ неравный споръ*, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія.) Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву неприятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклай-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ двадцати-пяти-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имени съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?... Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску, ему подвластному, окруженный враждою,

язвимый злорѣемъ, но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унизить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту степень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и излиянные изъ души.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главою...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Мастистый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоємъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ

Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:

«Иди, спасай!» Ты всталъ — и спасъ... и проч.

—

II.

ТУЧА.

Послѣдняя туча разсыянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облежала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

—

III.

ПѢСНЬ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Надъ Невою рѣзво выются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;

Въ Царскомъ домѣ пиръ веселой;
 Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
 И Нева пальбой тяжелой
 Далеко потрясена.

Что пируетъ Царь великій
 Въ Питербургъ-городкѣ?
 Отъ чего пальба и клики
 И эскадра на рѣкѣ?
 Озаренъ ли честью новой
 Русской штыкъ, или Русской флагъ?
 Побѣжденъ ли Шведъ суровой?
 Мира ль проситъ грозный врагъ?
 Пль въ огъятый край у Шведа
 Прибыль Брантовъ утмый боть,
 И пошелъ навстрѣчу *дыда*
 Всей семьей нашъ юный флотъ,
 И воинственнѣ внуки
 Стали въ строй предъ старикомъ
 И раздался въ честь Науки
 Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
 Торжествуетъ Государь,
 День, какъ жизнь своей Державы
 Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
 Родила ль Екатерина?
 Имянинаца ль Она,
 Чудотворца-Испомина
 Чернобровая Жена?

Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится;
 Виноватому вину
 Отпуская, веселится;
 Кружку пѣнить съ нимъ одну;

И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтель сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Отъ того-то шумъ и клики
Въ Питербургъ-городкъ,
И пальба и громъ музыки
И эскадра на рѣкѣ;
Отъ того-то въ часъ веселой
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

IV.

ОПЯТЬ НА РОДИНѢ.

. Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо —
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.

Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, вспоминая съ грустью
Иные берега, инья волны...
Межъ нивъ золотыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко :
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогой неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ....

На границѣ

Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изытая дождями, три сосны
Стоять, одна по-одамъ, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,

Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
По прежнему все пусто.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое ! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ пріятный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракъ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ....

—

V.

ГОРАЦІЙ.

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увитыя,
Сирійскимъ мврромъ умащаль ?

Ты помнишь часть ужасной битвы,
Когда я, трепетный квирить,
Бѣжалъ, нечестно броса цитъ,

Творя обѣты и молитвы?
 Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
 Но Эрміи самъ незапнои тучей
 Меня покрылъ и вдаль умчалъ
 И спасъ отъ смерти неминучей.

А ты, любимецъ первый мой,
 Ты снова въ битвахъ очутился...
 И нынѣ въ Римъ ты возвратился.
 Въ мой домикъ темный и простой.
 Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ;
 Давайте чаши! Не жатѣи
 Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
 Готовы чаши, мальчикъ? лей!
 Теперь не кстатн воздержанье:
 Какъ дикій Скиѣ хочу я пить,
 И, съ другомъ празднуя свиданье,
 Въ винъ разсудокъ утопить.

—

VI.

LVIII ОДА АПАКРЕОНА.

Что же сухо въ чашѣ дно?
 Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
 Только пьяное вино
 Раствори водою трезвой.
 Мы не Скиѣ; не люблю.
 Други, пьянствовать безчинно;
 Нѣтъ! За чашей я пою,
 Иль бесѣдую невинно.

—

VII.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

(Отрывокъ).

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ ;
Узнаемъ Парейнъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ :
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ....

—

VIII.

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ :
Чаша первая Харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливимъ
Посвящается; вторая
Краснощекому здоровью;
Третья дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

—

IX.

Юноша! Скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

—

X.

МАЛЬЧИКУ.

(ИЗЪ КАТУЛЛА).

Minister vetuli puer.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій
Ты же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

—

XI.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.

Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкой мѣлѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лѣя.

—

XII.

Отъ меня вечеръ Леила
Равнодушно уходила
Я сказалъ: постой! куда?
А она мнѣ возразила:
Голова твоя съда.
Я насмѣшницѣ нескромной
Отвѣчалъ: всему пора!
То, что было мускусъ темной,
Стало нынче камфора.
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: знаешь самъ,
Сладокъ мускусъ новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ.

—

XIII.

Не розу Паеосскую,
Росой оживленную,
Я нынѣ пою;
Не розу Феосскую,
Виномъ окропленную,
Стихами хвалю:

Но розу счастливую,
На персяхъ увядшую
Элины моей.....

—

XIV.

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Отрокъ милый, отрокъ нежный,
Не стыдись, на вѣкъ ты мой!
Тотъ же въ насъ огонь мятежный,
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюсь я насмѣшекъ —
Мы сдвоились межъ собой:
Мы точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

=

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА.

1835 года.

=

- I. Стихотвореніе впервые напечатано было самимъ Пушкинымъ въ своемъ журналѣ : Современникъ 1836 г., томъ III, но безъ подписи имени. Имя автора является только въ Объясненіи, которымъ онъ оправдывался отъ несправедливыхъ подозрѣній и которое приложилъ въ слѣдующемъ IV томѣ своего Современника. Оно помѣщено у насъ тотчасъ за стихотвореніемъ: Полководецъ. Между прочимъ стихи, находящіеся въ Объясненіи, до появленія ихъ въ Современникѣ, не были извѣстны и, по нашему мнѣнію, написаны вмѣстѣ съ Объясненіемъ. Посмертное изданіе 1838 г. перепечатало «Полководца» въ IV томѣ (Разныя Стихотворенія), а Объясненіе къ нему въ IX томѣ, вышедшемъ въ 1841 г. (Пропущенныя Стихотворенія). Вмѣстѣ съ тѣмъ оно измѣнило и редакцію Пушкина, уничтоживъ прописныя буквы въ словахъ : Нимфѣ, Мадоннѣ, Фавновѣ и вмѣсто Пушкинскаго правописанія :

« Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи, »

и

« Не рѣдко медленно межѣ ими я брожу »—

напечатало: въ . поколѣньи и межъ ними, чему и мы слѣдуемъ
 На рукописи стихотворенія сохраняется помѣтка : «7 Апрѣля
 1835, Св. Воскр. Слѣб. Мятель и морозъ». Поправки Пушкина
 и тутъ замѣчательны не менѣе тѣхъ, какія уже были приве-
 дены нами при другихъ случаяхъ. Такъ напримѣръ, вмѣсто
 пынѣшнихъ стиховъ :

«И мнится, слышу ихъ воинственные клики

Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, конхъ лики» etc.

въ рукописи еще стоятъ :

«Полунощныхъ орловъ могущая станца!

Ужъ многихъ нѣтъ изъ нихъ. Другіе, конхъ лица» etc.

II. Стихотвореніе напечатано было впервые въ журналѣ: Москов-
 скій Наблюдатель 1835 г., Май, вторая книжка. Оно перепе-
 чатано безъ измѣненій посмертнымъ изданіемъ 1838 г. На
 рукописи значится помѣтка : «13 Апрѣля 1835.»

III. Этимъ стихотвореніемъ, напечатаннымъ на первой страницѣ
 Пушкинскаго журнала : Современникъ 1836 г., томъ I, откры-
 валось его изданіе, но авторъ не подписалъ тогда своего име-
 ни подъ новымъ произведеніемъ. Оно перепечатано посмерт-
 нымъ изданіемъ 1838 г. съ обычнымъ уничтоженіемъ боль-
 шихъ буквъ во многихъ словахъ, при чемъ и намѣреніе
 автора уничтожилось съ измѣненіемъ одной буквы. Посмертное
 изданіе напечатало :

«И раздался въ честь науки

Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ,»

но въ словѣ: «Науки» Пушкинъ имѣлъ въ виду олицетвореніе и
 оно уже выходило тогда изъ точнаго смысла простаго существи-
 тельнаго имени.

IV. Это стихотвореніе дано впервые Современникомъ 1837 г.,
 томъ V, подъ названіемъ: «Отрывокъ», что также произвольно,
 какъ и оглавленіе: «Опять на родинѣ», потому что ничего это-
 го нѣтъ въ рукописи. Современникъ, между прочимъ, отнесъ
 стихотвореніе къ отдѣлу : «Послѣднія три Стихотворенія А. С.
 Пушкина,» что повторено, разумѣется, и посмертнымъ изда-
 ніемъ, но въ рукописи оно имѣетъ помѣтку: «26 Сентября
 1835.» Въ это время Пушкинъ дѣйствительно находился въ
 деревнѣ своей Михайловскомъ. Такимъ образомъ стихотворе-

не написано за 15 слишкомъ мѣсяцевъ до смерти автора и послѣднимъ, въ смыслѣ Современника, быть никакъ не можетъ. Нельзя также не замѣтить и измѣненіе перваго стиха, слѣдующее редакціей журнала, вѣроятно по списку, намъ неизвѣстному. Въ рукописи онъ не полонъ и начинается такъ:

. «Вновь я посѣтилъ.» и проч.

Современникъ напечаталъ :

«Опять на родинѣ! Я посѣтилъ» и проч.

Второе измѣненіе, находимое въ журналѣ, есть тоже поправка, не существующая въ черновой рукописи. У Пушкина читается просто :

«Знакомымъ шумомъ *шорохъ ихъ* вершинъ
Меня привѣтствовалъ.»

Современникъ передаетъ это въ слѣдующемъ видѣ:

«Знакомымъ шумомъ *втергъ съ ихъ* вершинъ
Меня привѣтствовалъ.»

Съ этими поправками пьеса перешла въ посмертное изданіе, но изданіе это прибавило къ нимъ уже свои собственные упущенія : промахи. Въ одномъ стихѣ (о трехъ соснахъ):

«Стоять, *одна* по-одалъ, 'двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко.»

посмертное изданіе выпустило слово : *одна* и лишило стихъ яснаго смысла. Въ другой разъ оно не dokonчило стиха пропустивъ слово: «А вдали».

«Подъ сѣнью ихъ какъ дѣти. *А вдали....*»

Заслуживаетъ еще упоминенья, что въ рукописи зачеркнуто три стиха, касавшіеся няни, —

«Ни утреннихъ ея дозоровъ....
А вечеромъ при завываньи бури
Ея разказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ.»

Современникъ для пополненія перваго изъ этихъ четырехъ стиховъ, прибавляетъ слово : *Вотъ*, а слѣдующій за нимъ уже начинаетъ такъ : «*И холмъ лѣсистый*», между тѣмъ какъ въ нашей рукописи, тотчасъ за приведеннымъ четверостишіемъ, читается прямо : «*Вотъ холмъ лѣсистый*». Скажемъ въ заключеніе, что пѣса удивительно вѣрно рисуетъ всю мѣстность Михайловскаго, вмѣстѣ съ впечатлѣніями автора и поражаетъ сочетаніемъ грусти съ бодростью духа и дружелюбнымъ взглядомъ на жизнь.

V. Стихотвореніе сперва напечатано было въ журналѣ : Сынъ Отечества 1840 г., томъ 22-й и оттуда перешло въ 9-й дополнительный томъ посмертнаго изданія 1841 г., но тамъ, безъ всякаго основанія, причислено было къ Лицейскимъ стихотвореніямъ. Это блестящее подражаніе одной изъ Горациевыхъ одъ, (книга II, ода VII, Ad Pompejum) и написано было авторомъ для одного изъ многочисленныхъ плановъ, предшествовавшихъ Египетскимъ Ночамъ, замысленнымъ, какъ извѣстно, въ 1835 г. Заглавіе Гораций — произвольно : его нѣтъ въ рукописи, какъ и многихъ другихъ заглавій, вымышленныхъ издателями Пушкина.

VI. Отсюда прилагаемъ еще восемь мелкихъ пѣсень, написанныхъ, кажется, въ самую минуту чтенія древнихъ поэтовъ. Мы причисляемъ ихъ, вмѣстѣ съ LVII одой Анакреона къ замѣткамъ Пушкина во время чтенія. Они не обдѣланы и составляютъ только матеріалы для стихотвореній. Всѣ они даны 9-мъ дополнительнымъ томомъ посмертнаго изданія 1841 г. Гола ихъ созданія извѣстны съ достовѣрностію только для двухъ первыхъ, которые набросаны авторомъ : 6-го Января 1835 г., но и остальные должны принадлежать къ той же эпохѣ. Они всѣ найдены въ одномъ пакетѣ, при разборѣ рукописей Пушкина. VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV.

1856 г.

—

I.

ХУДОЖНИКУ.

Грустенъ и весель вхожу, ваятель, въ твою мастерскую:

Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ:

Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!... Вотъ Зевсъ громовержецъ;

Вотъ изъ-подлобья глядитъ, дуя въ цѣвницу, Сатиръ;

Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;

Тутъ Аполлонъ — Идеаль, тамъ Ниобея — Печаль...

Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ,

Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;

Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ.

Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой!

—

II.

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,

Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей смрадной
 И бросилъ трупъ живой въ гортань геенны гладной...
 Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
 Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага
 И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
 И Сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
 Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
 Въ предательную ночь лобзавшія Христа.

—

III.

МОЛИТВА.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
 Сложили множество божественныхъ молитвъ;
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ
 Во дни печальные Великаго поста;
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
 И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
 «Владыка дней моихъ! Духъ праздности унылой,
 Любоначалія, змии сокрытой сей,
 И празднословія не дай душѣ моей;
 Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.»

—

IV.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился;
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!
Недаромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
Не сѣгуйте: таковъ судьбы законъ.
Вращается весь міръ вокругъ человѣка,
Уже ль одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!...
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ —
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ Царственныхъ гостей,
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа —
Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ Московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ Нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ

Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ Онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ Его — и Русь оставилъ Онъ,
Внесенну Имъ надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый Царь, безстрашный и могучій
На рубежѣ Европы бодро сталъ...

.....

—

V.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пить.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету приѣмли равнодушно
И не оспоривай глупца.

=

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1836 года.

- I. Стихотвореніе, напечатанное въ 9-мъ, дополнительномъ томѣ посмертнаго изданія 1841 г. (Мелкія Стихотворенія) и при томъ вѣрно съ рукописью. На послѣдней сохраняется помѣтка : «25 Марта 1836 года.»
- II. Этотъ переводъ совета Франческо Джіани : «*Sopra Giuda*» помѣченъ въ рукописи такъ : «22 Іюня 1836. Кам. Остр.» Онъ перепечатанъ вѣрно съ рукописи 9-мъ, дополнительнымъ томомъ посмертнаго изданія.
- III. Стихотвореніе напечатано впервые въ Современникѣ 1837 г., томъ V, гдѣ было зачислено въ отдѣлъ : Три послѣднія Стихотворенія А. С. Пушкина, что перешло и въ 9-й, дополнительный томъ посмертнаго изданія 1841 г. Дѣйствительно это одно изъ послѣднихъ созданій поэта, но указаніе Современника, въ строгомъ смыслѣ слова, все таки не вѣрно. На рукописи стихотворенія есть помѣтка : «22 Іюля 1836.» Послѣ Іюля мѣсяца Пушкинъ написалъ еще 14-го Августа 1836 г. (неизданное) стихотвореніе : «Когда за городомъ задумчивъ я брожу», а въ Октябрѣ мѣсяцѣ Лицейскую Годовщину. Вмѣстѣ съ ними Молитва можетъ быть причислена къ тремъ послѣднимъ стихотвореніямъ, но не съ стихотвореніемъ, извѣст-

нымъ подъ названіемъ : « Опять на родинѣ », какъ сдѣлано это въ Современникѣ.

IV. Произвольное заглавіе дано стихотворенію этому Современникомъ 1837 г., томъ V, гдѣ оно впервые было напечатано въ отдѣлѣ : Три послѣднія Стихотворенія А. С. Пушкина. Съ этимъ заглавіемъ и указаніемъ оно перешло и въ девятый, дополнительный томъ посмертнаго изданія. Мы уже сказали, что стихотвореніямъ, посвященнымъ Лицейскимъ товарищамъ слѣдовало бы всегда называться : « 19-е Октября. » Начиная съ 1825 г., они составляютъ правильную цѣпь, звѣнья которой выражаютъ взглядъ, настроеніе духа, образъ мыслей автора въ рззныя эпохи. Эпическій тонъ послѣдней Лицейской пѣсни Пушкина завершаетъ достойнымъ образомъ весь циклъ ихъ, начатой съ такимъ лирическимъ одушевленіемъ.... Не говоря уже объ уничтоженіи, въ посмертномъ изданіи, прописныхъ буквъ въ словахъ « за здравіе Надежды... и Юности », что могло еще имѣть основаніе; но въ немъ напечатано было : « Сталь *зуще* звонъ его заздравныхъ чашъ, » вмѣсто : « Сталь *глуше*....., » « Гдѣ проводилъ онъ главный свой досугъ, » вмѣсто : «славный свой досугъ, » и проч.

V. Этой пѣснью завершаемъ всю поэтическую дѣятельность Пушкина по одному отдѣлу Пяццнаго, хотя пьеса и не можетъ считаться послѣднею въ ряду его стихотвореній, по времени. Извѣстно только, что она написана въ 1836 г. и напечатана была впервые въ посмертномъ изданіи 1841 г. Мы перебрали такимъ образомъ всѣ стихотворенія, напечатанныя въ изданіяхъ 1826, 1829, 1832, 1835 г.г. и посмертномъ, а также и большую часть всего напечатаннаго въ старыхъ нашихъ журналахъ.

Намъ кажется, что мы имѣемъ, по возможности, Пушкина вполнѣ и, обзрѣвая пройденный имъ путь, можемъ подтвердить надежды поэта на свою будущность :

« Нѣтъ! весь я не умру : душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ... »

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОЭМЫ, ПОВѢСТИ, СКАЗКИ, ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ
СЛАВЯНЪ, ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

I.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

(1817—1820.)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

*Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривой!
Ни чихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.*

=

ПРОЛОГЪ.

=

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ :
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ ;
Идетъ направо — плѣнь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

Тамъ чудеса : тамъ лѣшій бродитъ;
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и доль видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ

Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужить,
А бурый волкъ ей вѣрно служить;
Тамъ ступа съ бабою-ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ Русской духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню : сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

1828.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ грядницѣ высокой
Владиміръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медъ изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.
Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжить гостей веселый кругъ;

Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ;
Всѣ смолкли, слушаютъ Баяна:
И славить сладостный пѣвецъ,
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но, страстью пылкой утомленный,
Не ѣсть, не пѣть Русланъ влюбленный;
На друга милаго глядить,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ
И, щипля усъ отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждая мгновенья.
Въ уныньи, съ пасмурнымъ челомъ,
За шумнымъ, свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя молодые;
Безмолвны, за ковшемъ пустымъ,
Забыли кубки круговые
И брашна непріятны имъ;
Не слышать вѣщаго Баяна,
Потупили смущенный взглядъ :
То три соперника Руслана;
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ — Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ Кіевскихъ полей;
Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный страстной думы;
Младой Хазарскій ханъ Ратмиръ :

Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ конченъ онъ; встають рядами,
Смѣшались шумными толпами,
И всѣ глядятъ на молодыхъ :
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ приуныла,
И свѣтель радостный женихъ.
Но тѣнь объемлетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ отъ мѣду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгъ, въ упоеніи :
Ласкаетъ онъ въ воображеніи
Стыдливой дѣвы красоту;
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій Князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету.

И вотъ невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигаетъ Лель.
Свершились милыя надежды,
Любви готовятся дары;
Падутъ ревнивыя одежды
На Цареградскіе ковры...
Вы слышите ль влюбленный шопоть
И поцѣлуевъ сладкій звукъ
И прерывающійся ропоть
Последней робости?... Супругъ

Восторги чувствуетъ заранѣ;
И вотъ они настали... Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклося, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланѣ...
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голось странной,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣ мглы туманной...
И снова теремъ пустъ и тихъ;
Встаетъ испуганный женихъ,
Съ лица катится потъ остылой;
Трепеща, хладною рукой
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...
О горе : нѣтъ подруги милой!
Хватаетъ воздухъ онъ пустой;
Людмилы нѣтъ во тьмѣ густой,
Похищена безвѣстной силой.

Ахъ, если мученикъ любви
Страдаетъ страстью безнадежно;
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обнять влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, тоски предметъ,
И вдругъ минутную супругу
Навѣкъ утратить... о друзья,
Конечно лучше бъ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастной.
Но что сказалъ Великій Князь?

Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распалясь,
Его и дворъ онъ созываетъ :
«Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ. «Дѣти, други!
«Я помню прежнія заслуги :
«О, сжалитель вы надъ старикомъ!
«Скажите, кто изъ васъ согласенъ
«Скакать за дочерью моею?
«Чей подвигъ будетъ ненапрасенъ,
«Тому — терзайся, плачь, злодѣй!
«Не могъ сберечь жены своей! —
«Тому я дамъ ее въ супруги
«Съ полцарствомъ прадедовъ моихъ.
«Кто жъ вызовется, дѣти, други?...»
— Я! молвилъ горестный женихъ.
«Я! я!» воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Ратмиръ :
Сейчасъ коней своихъ сѣдаемъ;
Мы рады весь изѣздить міръ.
Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки!
Не бойся : ѣдемъ за Княжной.»
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ :
Русланъ уныняемъ какъ убитъ;
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садятся на коней ретивыхъ;

Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
 Летятъ въ клубящейся пыли;
 Уже скрываются вдали;
 Ужъ всадниковъ не видно болѣ...
 Но долго все еще глядитъ
 Великій Князь въ пустое поле
 И думой имъ во слѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
 И мысль и память потерявъ.
 Черезъ плечо глядя спѣсиво
 И важно подбочась, Фарлафъ
 Надувшись фхаль за Русланомъ.
 Онъ говоритъ : «насилу я
 «На волю вырвался, друзья !
 Ну скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
 Ужъ то-то крови будетъ течь,
 Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!
 Повеселись, мой вѣрный мечъ,
 Повеселись, мой конь ретивой!»

Хазарскій Ханъ, въ умъ своемъ
 Уже Людмилу обнимая,
 Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
 Въ немъ кровь играетъ молодая,
 Огня надежды полонъ взоръ;
 То скачетъ онъ во весь опоръ,
 То дразнить бѣгуна лихаго,
 Кружить, подѣмлетъ на дыбы,
 Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчить — ни слова...

Страшась невѣдомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безпокоенъ онъ,
И часто взоръ его ужасной
На князя мрачно устремленъ.

Соперники одной дорогой
Все вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра сталъ темень брегъ отлогой;
Съ востока льется ночи тѣнь;
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
Широкой пересѣкъся путь.
«Разѣдемся, пора!» сказали,
«Безвѣстной ввѣримся судьбѣ.»
И каждый конь, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пустынной тишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ.
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ твоей
Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра.

Но вдругъ предъ витяземъ пещера:
Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней
Идетъ подъ дремлющія своды,

Ровесники самой природы.
Вошелъ съ уныньемъ : что-же зрить ?
Въ пещерѣ старецъ; ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада съдая;
Лампада передъ нимъ горить;
За древней книгой онъ сидить,
Ее внимательно читая.
« Добро пожаловать, мой сынъ ! »
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану :
« Ужь двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракъ старой жизни вяну;
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы;
Но зла промчится быстрый мигъ :
На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! Мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

« Узнай, Русланъ : твой оскорбитель
Волшебникъ страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ.
Еще ни чей въ его обитель
Не проникалъ донинѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй

Погибнетъ отъ руки твоей.
Тебѣ сказать не долженъ болѣ:
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.»

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣтлѣетъ мѣръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ; и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...
«Ясна тоски твоей причина,
Но грусть не трудно разогнать,
Сказалъ старикъ : тебѣ ужасна
Любовь съдаго колдуна;
Спокойся, знай : она напрасна
И юной дѣвѣ не страшна.
Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона,
Онъ свиснетъ — задрожитъ луна;
Но противъ времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замковъ безжалостныхъ дверей,
Онъ только немощный мучитель
Прелестной плѣнницы своей.
Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Клянеть жестокий жребій свой...
Но, добрый витязь, день проходить,
А нуженъ для тебя покой.»

Русланъ на мягкій мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнемъ;

Онъ ищетъ позабыться сномъ,
Вдыхаетъ, медленно вертится...
Напрасно ! Витязь наконецъ :
« Не спится что-то, мой отецъ !
Что дѣлать : боленъ я душою,
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить.
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.
Прости мнѣ дерзостный вопросъ.
Откройся : кто ты, благодатный,
Судьбы наперсникъ непонятный ?
Въ пустыню кто тебя занесъ ? »

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ : « любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальной
Угрюмый край. Природный Финъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоняя стадо селъ окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ
Она гремѣла красотою.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный лугъ

И гналъ, волынку надувая;
Передо мной шумѣлъ потокъ.
Одна, красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, витязь, то была Наина!
Я къ ней — и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ открылся ей,
Сказалъ: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя;
И равнодушно отвѣчала:
Пастухъ, я не люблю тебя!

И все мнѣ дико, мрачно стало:
Родная куща, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ —
Ничто тоски не утѣшало.
Въ уныньи сердце сохло, вяло—
И наконецъ задумалъ я
Оставить Финскія поля;
Морей невѣрныхъ пучины
Съ дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.

Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
Искать опасностей и злата.
Впервые тихій край отцовъ
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ немирныхъ челноковъ.
Я вдаль уплылъ, надежды полный,
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
Мы десять лѣтъ снѣга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары,
И съ побѣжденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Паиной,
Подъ шумомъ битвы и пировъ
Томилось тайною кручиной,
Искало Финскихъ береговъ.
Пора домой, сказалъ я, други!
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣнью хижины родной.
Сказалъ — и весла зашумѣли;
И, страхъ оставя за собой,
Въ заливъ отчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влетѣли.

Сбылись давнишнія мечты,
Сбылися пылкія желанья!
Минута сладкаго свиданья,

И для меня блеснула ты!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленной,
Кораллы, злато и жемчугъ;
Предъ нею страстью упоенный,
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась отъ меня,
Примолвъ съ видомъ равнодушнымъ:
Герой, я не люблю тебя!

Къ чему рассказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы?
Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню горестъ, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родится,
По бородѣ моей съдой
Слеза тяжелая катится.

Но слушай: въ родинѣ моей
Между пустынныхъ рыбаей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ и самая любовь.

И я, любви искатель жадной,
Рѣшился въ грусти безотрадной
Наину чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы холодной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
И тамъ, въ ученьи колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслию постигъ:
Узналъ я силу заклинаньямъ;
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
Теперь, Наина, ты моя!
Побѣда наша: думалъ я.
Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ — и въ тѣмъ лѣсной
Стрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднялъ вой,
Земля вздрогнула подъ ногой...
И вдругъ сидитъ передо мной,
Глазами впалыми сверкая,
Старушка дряхлая, съдая,
Съ горбомъ, съ трясуцей головой —
Печальной ветхости картина.
Ахъ, витязь, то была Наина!

Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣннѣ все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
Возможно ль! ахъ, Наина, ты ли!
Наина, гдѣ твоя краса?
Скажи, уже ли небеса
Тебя такъ страшно измѣнили?
Скажи, давно ль, оставя свѣтъ,
Разстался я съ душой и съ милой?
Давно ли?... «Ровно сорокъ лѣтъ!»
Быль дѣвы роковой отвѣтъ:
«Сегодня семьдесятъ мнѣ било.
Что дѣлать? мнѣ пищитъ она,
Толпою годы пролетѣли,
Прошла моя, твоя весна —
Мы оба постарѣть успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда
Невѣрной младости утрата.
Конечно, я теперь сѣда,
Немножко, можетъ быть, горбата,
Не то, что въ старину была,
Не такъ жива, не такъ мила;
За то (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»

И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.

Но вотъ ужасно: колдовство

Вполнѣ свершилось по несчастью.
Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало новой страстью.
Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
Могильнымъ голосомъ, уродъ
Бормочеть мнѣ любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепеталъ, потупя взоръ;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговоръ:
«Такъ, сердце я теперь узнала;
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для нѣжной страсти рождено;
Проснулись чувства, я стараю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди въ объятія мои...
О милый, милый! умираю...»

И между тѣмъ она, Русланъ,
Мигала томными глазами;
И между тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между тѣмъ — я обмиралъ,
Отъ ужаса зажмуря очи;
И вдругъ терпѣть не стало мочи,
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
Она во слѣдъ: «о недостойный!
Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
Невинной дѣвы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь — вотъ мужчины!
Измѣной дышутъ всѣ они!

Увы, сама себя вини;
Онъ обольстилъ меня, несчастной!
Я отдалась любви страстной...
Пэмъникъ, извергъ! о позоръ!
Но трепещи, дѣвичій воръ!»

Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой;
И въ мѣръ старцу утѣшенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зоветъ меня могила;
Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая конечно
Возненавидитъ и тебя;
Но горе на землѣ не вѣчно.»

Нашъ витязь съ жадностью внималъ
Разказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыхалъ.
Но день блистаетъ лучезарный...
Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходитъ вонъ Ногами стиснулъ
Русланъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвиснулъ.

«Отецъ мой, не оставь меня.»
И скачетъ по пустому лугу.
Съдой мудрецъ младому другу
Кричитъ во слѣдъ: «счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!»

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой;
Несите мрачной славѣ дани,
И упивайтесь враждой!
Пусть миръ предъ вами цѣпенѣтъ,
Никто о васъ не пожалѣтъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другаго рода,
Вы, рыцари Парнаскихъ горъ,
Старайтесь не смѣшить народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
Бранитесь — только осторожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно!
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Тотъ будетъ милъ на зло вселенной;
Сердиться глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукротимый,
 Глухимъ предчувствіемъ томимый,
 Оставя спутниковъ своихъ,
 Пустился въ край уединенный
 И вѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
 Въ глубоку думу погруженный, —
 Злой духъ тревожилъ и смущалъ
 Его тоскующую душу,
 И витязь пасмурный шепталъ:
 «Убью!.. преграды всѣ разрушу...
 Русланъ!.. узнаешь ты меня...
 Теперь-то дѣвица поплачетъ...»
 И вдругъ, поворотивъ коня,
 Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
 Все утро сладко продремавъ,
 Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
 У ручейка, наединѣ,
 Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
 Обѣдалъ въ мирной тишинѣ, —
 Какъ вдругъ, онъ видитъ: кто-то въ полѣ,
 Какъ буря, мчится на конѣ;
 И, времени не тратя болѣ,
 Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
 Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
 Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки
 Летитъ — а тотъ за нимъ во слѣдъ.
 «Остановись, бѣглець безчестный!»
 Кричитъ Фарлафу неизвѣстный.
 «Презрѣнный, дай себя догнать!
 Дай голову съ тебя сорвать!»

Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмиралъ
И, вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣ гналъ.
Такъ точно заяцъ торопливой,
Прижавши уши бояливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса.
На мѣсть славнаго побѣга,
Весной растопленнаго снѣга
Потоки мутные текли
И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивой,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальные закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій всадникъ вверхъ ногами
Свалился тяжело въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами,
И смерть принять ужъ былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ;
Жестокій мечъ ужъ занесенъ.
«Погибни, трусь! умри!» вѣщаетъ...
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
Глядитъ, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его чертахъ изобразились;
Скрыпя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою
Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
Бѣсился... но едва-едва
Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ съдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала:
«Ты тамъ найдешь его» сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
«Встань, молодецъ; все тихо въ полѣ;
Ты никого не встрѣтишь болѣ;
Я привела тебѣ коня;
Вставай, послушайся меня.»

Смущенный витязь по неволѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздохнулъ и молвилъ оживая:
«Ну, слава Богу, я здоровъ!»

«Повѣрь!» старуха продолжала:
«Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забѣжала;
Не намъ съ тобой ее достать.
Опасно развѣзжать по свѣту;
Ты, право, будешь самъ не радъ.»

Послѣдуй моему совѣту.
 Ступай тихохонько назадъ.
 Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,
 Въ своемъ наслѣдственномъ селеньѣ
 Останься лучше безъ заботъ:
 Отъ насъ Людмила не уйдетъ.»

Сказавъ, исчезла. Въ нетерпѣньѣ
 Благоразумный нашъ герой
 Тотчасъ отправился домой,
 Сердечно позабывъ о славѣ
 И даже о княжнѣ молодой;
 И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
 Пометь синицы, ропотъ водъ
 Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчится;
 Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
 Привычной думою стремится
 Къ Людмилѣ, радости своей,
 И говорить: «найду ли друга?
 «Гдѣ ты, души моей супруга?
 «Увижу ль я твой свѣтлый взоръ?
 «Услышу ль нѣжный разговоръ?
 «Иль суждено, чтобъ чародѣя
 «Ты вѣчной плѣнницей была,
 «И, скорбной дѣвою старѣя,
 «Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
 «Или соперникъ дерзновенный
 «Придетъ?... Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный:
 «Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
 «Еще глава не пала съ плечъ.»

Однажды, темною порою,
По камнямъ, берегомъ крутымъ
Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ и крикъ и ржанье
И топотъ по полю глухой.
«Стой!» грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копье, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ, и грозой
Помчался князь ему навстрѣчу.
«Ага! догналъ тебя! постой!»
Кричитъ наѣздникъ удалой:
«Готовься, другъ, на смертну съчу;
Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ;
А тамъ ищи своихъ невѣстъ.»
Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва;
Онъ узнаеть сей буйный гласъ...

Друзья мои! а наша дѣва?
Оставимъ витязей на часъ;
О нихъ опять я вспомню вскорѣ.
А то давно пора бы мнѣ
Подумать о молодой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромной,
Я рассказалъ, какъ ночью темной
Людмилы нѣжной красоты
Отъ воспаленнаго Руслана

Сокрылись вдругъ среди тумана.
 Несчастливая! Когда злодѣй,
 Рукою мощною своей
 Тебя сорвавъ съ постели брачной,
 Взвился какъ вихоръ къ облакамъ
 Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачной,
 И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ —
 Ты чувствъ и памяти лишилась,
 И въ страшномъ замкѣ колдуна,
 Безмолвна, трепетна, блѣдна,
 Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
 Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
 Когда за курицей трусливой
 Султанъ курятника спѣсивой,
 Пѣтухъ мой, по двору бѣжалъ
 И сладострастными крылами
 Уже подругу обнималъ;
 Надъ ними хитрыми кругами
 Цыплятъ селенья старый воръ,
 Пріавъ губительныя мѣры,
 Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
 И палъ какъ молнія на дворъ.
 Взвился, летитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ,
 Во тьму разсыльнъ безопасныхъ,
 Уноситъ бѣдную злодѣй.
 Напрасно, горестью своей
 И хладнымъ страхомъ пораженный,
 Зоветь любовницу пѣтухъ...
 Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
 Летучимъ вѣтромъ занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
Какъ будто страннымъ сновидѣньемъ,
Объята; наконецъ она
Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
И смутнымъ ужасомъ полна:
Душой летить за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
Гдѣ жъ, милый, шепчетъ, гдѣ супругъ?
Зоветь, и помертвѣла вдругъ.
Глядитъ съ боязню вокругъ
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
Лежитъ несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду тлани парчевыя;
Играютъ яхонты какъ жаръ;
Кругомъ курильницы златыя
Подъемятъ ароматный паръ;
Довольно... благо мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ томъ.
Но свѣтлый теремъ не отрада,
Когда не видимъ друга въ немъ.

Три дѣвы красоты чудесной
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Княжнѣ явились, подошли,
И поклонились до земли.

Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новѣмъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приблизилась другая;
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣль Людмилы стройный станъ;
Покрылись кудри золотыя,
И грудь, и плечи молодыя
Фатой прозрачной, какъ туманъ.
Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ;
Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ;
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красоты, ея нарядъ;
Потупя неподвижный взглядъ,
Она молчить, она тоскуетъ.

Тѣ, кои, правду возлюбя,

На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь,
На зло привычекъ и разсудку,
Забудеть въ зеркало взглянуть —
То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
Къ окну рѣшетчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродить
Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоять угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубитъ горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихоръ въ полѣ чистомъ,
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лице закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь?
Бѣжить въ серебряную дверь;
Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась,

Въ саду. Пльнительный предѣлъ:
Прекраснѣ садовъ Армиды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ, иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумять
Великолѣпныя дубровы;
Алеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотыя апельсины
Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вѣется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей Китайскій
Во мракъ трепетныхъ вѣтвей;
Летять алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ истуканы,
И, мнится, живы; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещутъ водопады;
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть выются сонною волной.
Пріютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ

Мелькають свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розѣ живыя вѣтки
Цвѣтуть и дышуть по тропамъ.
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустенъ нѣги свѣтлый видъ;
Куда, сама не зная, бродитъ,
Волшебный садъ кругомъ обходить,
Свободу горькимъ давъ слезамъ,
И взоры мрачныя возводитъ
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный;
Къ устамъ она прижала перстъ;
Казалось, умысль ужасный
Раждался... Страшный путь отверсть:
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
Въ уныньи тяжкомъ и глубокомъ
Она подходитъ — и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула,
Ударила, рыдая, въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть;
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра,
Устала, слезы осушила,
Въ душѣ подумала: пора!
На травку съѣла, оглянулась,
И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,

Шумя, съ прохладой развернулась;
Объдъ роскошный передъ ней;
Приборъ изъ яркаго кристалла;
И въ тишинѣ изъ-за вѣтвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится плѣнная княжна;
Но втайнѣ думаетъ она:
«Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
За чѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ,
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсенъ, ни пировъ —
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ!»
Подумала — и стала кушать.

Княжна встаетъ, и вмигъ шатерь,
И пышной роскоши приборъ,
И звуки арфы... все пропало;
По прежнему все тихо стало;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скитается изъ рощи въ рощи;
Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плыветъ луна, царица нощи,
Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ
И тихо на холмахъ почила;
Княжну невольно клонить сонъ,
И вдругъ невѣдомая сила
Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣтерокъ,

Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ чертогъ,
И осторожно опускаетъ,
Сквозь вѣтви вечернихъ розъ,
На ложе грусти, ложе слезъ.
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вокругъ нея засуетились,
Чтобъ на ночь пышный снять уборъ;
Но ихъ унылой, смутный взоръ
И принужденное молчанье
Являли втайнѣ состраданье
И немощный судьбамъ укоръ.
Но поспѣшимъ; рукой ихъ нѣжной
Раздѣта сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились,
И тихо притворили дверь.
Что жъ наша плѣнница теперь?
Дрожить какъ листъ, дохнуть не смѣть;
Мгновенной сонъ отъ глазъ бѣжить,
Не спать, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядить...
Все мрачно, мертвое молчанье,
Лишь сердца слышитъ трепетанье...
И мнится... шепчетъ тишина;
Идутъ — идутъ къ ея постель;
Въ подушки прячется княжна,
И вдругъ... о страхъ!... и въ самомъ дѣлѣ
Раздался шумъ; озарена

Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена...
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушкахъ осторожно
Съдую бороду несетъ;
И входитъ съ важностью за нею,
Подъявъ величественно шею,
Горбатый карликъ изъ дверей.
Его-то головъ обритой,
Высокимъ колпакомъ покрытой,
Принадлежала борода.
Ужъ онъ приблизился : тогда
Княжна съ постели соскочила,
Съдаго карму за колпакъ
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащій занесла кулакъ,
И въ страхъ завизжала такъ,
Что всѣхъ Араповъ оглушила.
Трепеща, скорчился бѣднякъ,
Княжны испуганной блѣднѣ;
Зажавши уши поскорѣ,
Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
Запутался, упалъ и бьется;
Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
Араповъ черный рой мятется;
Шумять, толкаются, бѣгутъ,
Хватаютъ колдуна въ охапку,
И вонъ распутывать несутъ,
Остава у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ?
Вы помните ль неждану встрѣчу?
Бери свой быстрый карандашъ,
Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу!
При свѣтъ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
Ужъ копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты;
Щиты трещать, въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются,
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены, злобой сведены,
Переплелись и костенѣютъ;
По жиламъ быстрый огонь бѣжить;
На вражьей груди грудь дрожитъ —
И вотъ колеблются, слабѣютъ —
Кому-то пасть... вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой
И въ волны съ берега бросаетъ.
«Погибни! грозно восклицаетъ;
Умри, завистникъ злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ:

То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
Рогдай, надежда Кіевлянъ,
Людмилы мрачный обожатель.
Онъ вдоль Днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ;
Нашель, настигъ, но прежня сила
Питомцу битвы измѣнила,
И Руси древній удалецъ
Въ пустынь свой нашель конецъ.
И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ русалка молодая
На хладны перси приняла,
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла.
И долго послѣ, ночью темной,
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богатыря призракъ огромной
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

—

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Напрасно вы въ тѣни тайлись
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
Стихи мои! Вы не сокрылись
Отъ гнѣвныхъ зависти очей.
Ужъ блѣдный критикъ ей въ услугу
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,

Зову и дѣвой и княжной?
 Ты видишь, добрый мой читатель,
 Тутъ злобы черную печать!
 Скажи, Зоимъ, скажи, предатель,
 Ну какъ и что мнѣ отвѣчать?
 Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
 Краснѣй, я спорить не хочу;
 Довольный тѣмъ, что правъ душою,
 Въ смиренной кротости молчу.
 Но ты поймешь меня, Климена,
 Потупишь томные глаза,
 Ты, жертва скучнаго Гимена...
 Я вижу : тайная слеза
 Падетъ на стихъ мой, сердцу внятнѣй;
 Ты покраснѣла, взоръ погасъ,
 Вздохнула, молча... вздохъ понятнѣй!
 Ревнивецъ бойся : близокъ часъ!
 Амуръ съ досадою своенравной
 Вступили въ смѣлый заговоръ,
 И для главы твоей безславной
 Готовъ ужъ мстительный уборъ.

Ужъ утро хладное сіяло
 На темени полнощныхъ горъ;
 Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
 Въ досадѣ скрытой Черноморъ,
 Безъ шапки, въ утреннемъ халатъ,
 Зѣвалъ сердито на кровати;
 Вокругъ брады его съдой
 Рабы толпились молчаливы
 И нѣжно гребень костяной
 Расчесывалъ ея извивы.

Межь тѣмъ, для пользы и красы,
 На безконечные усы
 Лились восточны ароматы,
 И кудри хитрые вились;
 Какъ вдругъ, откуда ни возмись
 Въ окно влетаетъ змій крылатый :
 Гремя желѣзной чешуей,
 Онъ въ кольца быстрыя согнулся,
 И вдругъ Наиной обернулся
 Предъ изумленною толпой.
 «Привѣтствую тебя, сказала,
 Собрать, издавна чтимый мной!
 Досель я Черномора знала
 Одною громкою молвой;
 Но тайный рокъ соединяетъ
 Теперь насъ общемою враждой;
 Тебѣ опасность угрожаетъ,
 Нависла туча надъ тобой;
 И голосъ оскорбленной чести
 Меня къ отмщенію зоветъ.»

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
 Ей карла руку подаетъ,
 Въщая : «Дивная Наина !
 Мнѣ драгоценнѣ твой союзъ.
 Мы посрамимъ коварство Фина;
 Но мрачныхъ козней не боюсь :
 Противникъ слабый мнѣ не страшень;
 Узнай чудесный жребій мой :
 Сей благодатной бородой
 Не даромъ Черноморъ украшенъ.
 Доколь власовъ ея съдыхъ

Враждебный мечъ не перерубить,
 Никто изъ витязей лихихъ,
 Никто изъ смертныхъ не погубить
 Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
 Моею будетъ вѣкъ Людмила,
 Русланъ же гробу обреченъ!»
 И мрачно вѣдьма повторила :
 «Погибнетъ онъ ! погибнетъ онъ !»
 Потомъ три раза прошипѣла,
 Три раза топнула ногой,
 И чернымъ змѣемъ улетѣла.

Блистая въ ризѣ парчевой,
 Колдунъ, колдуньей ободренной,
 Развеселясь, рѣшился вновь
 Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
 Усы, покорность и любовь.
 Разряженъ карликъ бородатый,
 Опять идетъ въ ея палаты,
 Проходитъ длинный комнатъ рядъ :
 Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ, въ садъ,
 Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
 Вдоль озера, вокругъ водопада,
 Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ !
 Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ !
 Кто выразить его смущенье,
 И ревъ, и трепеть изступленья !
 Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
 Раздался карлы дикій стонъ :
 «Сюда, невольники, бѣгите !
 Сюда, надѣюсь я на васъ !
 Сей часъ Людмилу мнѣ сыщите !

Скорѣе, слышите ль? сей часъ!
Не то — шутите вы со мною —
Всѣхъ удавлю васъ бородою!»

Читатель, расскажу ль тебѣ,
Куда красавица дѣвалась!
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и — смѣялась.
Ее пугала борода,
Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.
На встрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотые
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вдохнувъ, одѣлась, и съ досады
Тихонько плакать начала;
Однако съ вѣрнаго стекла,
Вдыхая, не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненьи своенравныхъ думъ,
Примѣрить шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ;
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ

Какая шапка не пристанетъ !
Рядиться никогда не лѣнь !
Людмила шапкой завертѣла;
На брови, прямо, на бекрень,
И задомъ напередъ надѣла.
И что жъ ? о чудо старыхъ дней !
Людмила въ зеркалъ пропала;
Перевернула — передъ ней
Людмила прежняя предстала;
Назадъ надѣла — снова нѣтъ;
Сняла -- и въ зеркалъ ! « Прекрасно !
Добро, колдунъ, добро мой свѣтъ !
Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно;
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ ! »
И шапку стараго злодѣя
Княжна, отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся же къ герою.
Не стыдно ль заниматься намъ
Такъ долго шапкой, бороною,
Руслана поруча судьбамъ?
Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокий,
Провѣхаль онъ дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся долъ широкій
При блескъ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь по неволѣ :
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щитъ;

Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ оставъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усыялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія Баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!»

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ

И даже панцырь; а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходить поле онъ вокругъ;
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись гуль и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ:
Онъ поднялъ щитъ, не выбирая,
Нашелъ и шлемъ и звонкій рогъ;
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы,
А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязъ нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленную землей;
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромной
И что-то страшное храпить.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ :

Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманъ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ; смотритъ храбрый князь —
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова,
Огромны очи сномъ объаты,
Храпитъ, качая шлемъ пернатый, —
И перья въ темной высотъ,
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Обвѣхаль голову кругомъ,
И сталъ предъ носомъ молчаливо;
Щекотитъ ноздри копіемъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,

Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
 Съ бровей слетѣла стая совъ,
 Проснулись рощи молчаливы,
 Чихнуло эхо — конь ретивый
 Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
 Едва самъ витязь усидѣлъ,
 И вслѣдъ раздался голосъ шумный :
 «Куда ты, витязь неразумный?
 Ступай назадъ, я не шучу!
 Какъ разъ нахала проглочу!»
 Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
 Браздами удержалъ коня,
 И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
 «Чего ты хочешь отъ меня?»
 Нахмурясь, голова вскричала.
 «Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
 Послушай, убирайся прочь!
 Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
 Прощай!» Но витязь знаменитой,
 Услыша грубыя слова,
 Воскликнулъ съ важностью сердитой :
 «Молчи, пустая голова!
 Слыхалъ я истину бывало :
 Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
 Я ѣду, ѣду, не свищу,
 А какъ наѣду, не спущу!»

Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
 Стѣсненной злобой пламенѣя,
 Надулась голова, какъ жаръ,
 Кровавы очи засверкали,
 Напѣнясь, губы задрожали,

Изъ устъ, ушей поднялся паръ;
И вдругъ она, что было мочи,
На встрѣчу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмура очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь изнеможенный
Далече въ полъ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ —
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ. «Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня.»
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцахъ кроя,
Грозитъ ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодной
Вонзился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшенанаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,

Желѣзо грызла и блѣднѣла.
Въ спокойномъ духѣ горячася,
Такъ иногда средь нашей сцены,
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушень,
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И заикаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ подъятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжелой рукавицей
Съ размаха голову разить;
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетъ веселомъ
Его схватилъ, и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжить съ намѣреньемъ жестокимъ
Ей носъ и уши обрубить;
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ

Главы молящей жалкій стонъ...
И тихо мечъ онъ опускаетъ;
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиренной :
Такъ на долину таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженной.

«Ты вразумилъ меня, герой,
Со вздохомъ голова сказала :
Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ тобой:
Отнынѣ я тебѣ послушенъ;
Но, витязь, будь великодушенъ !
Достоинъ плача жребій мой.
И я былъ витязь удалой !
Въ кровавыхъ битвахъ супостата
Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливъ, когда бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшаго брата !
Коварный, злобный Черноморъ,
Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною !
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бородою,
Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть,
И сталъ за то въ душѣ своей
Меня, жестокий, ненавидѣть.
Я былъ всегда немного простъ,
Хотя высокъ; а сей несчастной,
Имя самый глупый ростъ,
Умень какъ бѣсъ — и золь ужасно.

Притомъ же знай : къ моей бѣдѣ
Въ его чудесной бородѣ
Таится сила роковая,
И, все на свѣтъ презирая
Доколѣ борода цѣла —
Измѣнникъ не страшится зла.
Вотъ онъ однажды съ видомъ дружбы.
«Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
Не откажись отъ важной службы :
Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
Что за восточными горами
На тихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранится мечъ — и что же? страхъ!
Я розобралъ во тьмѣ волшебной,
Что волею судьбы враждебной,
Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ;
Что насъ обоихъ онъ погубить :
Мнѣ бороду мою отрубить,
Тебѣ главу; суди же самъ,
Сколь важно намъ приобрѣтенье
Сего созданья злыхъ духовъ!»
—«Ну, что же? гдѣ тутъ затрудненье
Сказалъ я карлѣ, я готовъ:
Иду, хоть за предѣлы свѣта.»—
И сосну на плечо взвалилъ,
А на другое для совѣта
Злодѣя брата посадилъ;
Пустился въ дальнюю дорогу;
Шагалъ, шагаль и, слава Богу,
Какъ бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.

За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвалъ;
Я разметалъ его руками,
И потаенный мечъ досталъ.
Но нѣтъ! судьба того хотѣла :
Межъ нами ссора закипѣла —
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопросъ : кому владѣть мечемъ?
Я спорилъ, карла горячился;
Бранились долго; наконецъ
Уловку выдумалъ хитрецъ,
Притихъ и будто бы смягчился.
— «Оставимъ бесполезный споръ,
Сказалъ мнѣ важно Черноморъ :
Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
Разсудокъ въ мирѣ жить велить;
Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
Кому сей мечъ принадлежитъ.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
(Чего не выдумаетъ злоба!),
И кто услышитъ первой звонъ
Тотъ и владѣй мечемъ до гроба.»—
Сказалъ и легъ на землю онъ.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смѣкая : обману его!
Но самъ жестоко обманулся.
Злодѣй въ глубокой тишинѣ,
Приставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся;
Какъ вихорь свиснулъ острый мечъ,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,

Ужъ голова слетѣла съ плечъ —
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.
Мой оставъ терніемъ обросъ;
Вдали, въ странѣ, людьми забвенной
Истлѣлъ мой прахъ непогребенной;
Но злобный карма перенесъ
Меня въ сей край уединенной,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
Тобой сегодня взятый мечъ.
Возьми его, и Богъ съ тобою!
Быть можетъ, на своемъ пути
Ты карлу-чародѣя встрѣтишь —
Ахъ, если ты его замѣтишь,
Коварству, злобъ отомсти!
И наконецъ я счастливъ буду,
Спокойно міръ оставлю сей —
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду.»

—

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, возставъ отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ тому же — честь и слава имъ!
Женитьбы наши безопасны...

Ихъ замыслы не такъ ужасны
 Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.
 Но есть волшебники другіе,
 Которыхъ ненавижу я:
 Улыбка, очи голубыя
 И голосъ милой — о друзья!
 Не вѣрьте имъ: они лукавы!
 Страшитесь, подражая мнѣ,
 Ихъ упоительной отравы
 И почивайте въ тишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
 Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
 Любви, мечтаній и чертей,
 Могилъ и рая вѣрный житель,
 И Музы вѣтреной моей
 Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!
 Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
 Что въ повѣсти моей забавной
 Теперь во слѣдъ тебѣ лечу,
 И лиру Музы своенравной
 Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слышали,
 Какъ бѣсу въ древни дни злодѣи
 Предалъ сперва себя съ печали,
 А тамъ и души дочерей;
 Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ,
 Молитвой, вѣрой и постомъ,
 И непритворнымъ покаяньемъ
 Снискалъ заступника въ святомъ;
 Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
 Его двѣнадцать дочерей:

И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей,
Сии чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья,
И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣвъ;
Душой Вадима призывали,
И пробужденъ зрѣли ихъ,
И часто инокинъ святыхъ
На гробъ отцовскій провожали....
И что жъ, возможно ль?... намъ солгали!
Но правду возвѣщу ли я?...

Младый Ратмиръ: направа къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужъ думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерѣлъ;
Напрасно витязь предъ собою
Въ туманы дальнія смотрѣлъ:
Все было пусто надъ рѣкою.
Зари послѣдній лучъ горѣлъ
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
Тихонько проѣзжалъ, и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искалъ.
Онъ на долину выѣзжаетъ,
И видитъ: замокъ на скалахъ

Зубчаты стѣны возвышаетъ;
 Чернѣютъ башни на углахъ;
 И дѣва по стѣнѣ высокой,
 Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
 Идетъ, зарей освѣщена;
 И дѣвы пѣснь едва слышна
 Долины въ тишинѣ глубокой.

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
 Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
 Ужъ поздно, путникъ молодой!
 Укройся въ теремъ нашъ отрадный.

«Здѣсь ночью нѣга и покой,
 А днемъ и шумъ и пируванье.
 Приди на дружное призванье,
 Приди, о путникъ молодой!

«У насъ найдешь красавицъ рой;
 Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
 Приди на тайное призванье,
 Приди, о путникъ молодой!

«Тебѣ мы съ утренней зарей
 Наполнимъ кубокъ на прощанье.
 Приди на мирное призванье,
 Приди, о путникъ молодой!

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
 Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
 Ужъ поздно, путникъ молодой!
 Укройся въ теремъ нашъ отрадный.»

Она манить; она поеть:

И юный ханъ ужъ подѣ стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
Онъ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ;
Въ чертоги входитъ ханъ молодой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая кованыя латы,
Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
Одежда нѣги замѣнитъ
Желѣзные доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведутъ
Къ великолѣпной Русской банѣ.
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряныя чаны,
И брызжутъ хладныя фонтаны;
Разостланъ роскошью коверъ;
На немъ усталый ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится;
Потупя нѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя
Тѣснятся рѣзвою толпой.
Надъ рыцаремъ иная машетъ
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пашетъ;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Усталы члены прохлаждаетъ,

И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые волосы.
Восторгомъ витязь упоенной
Уже забылъ Людмилы пльнной
Недавно милая красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ;
Бродящій взоръ его блеститъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Но вотъ выходитъ онъ изъ бани.
Одѣтый въ бархатныя ткани,
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
Садится за богатый пиръ.
Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Объды Греческихъ дружинъ
И звонъ и пѣну чашъ глубокихъ.
Милѣ, по слѣдамъ Парни,
Мнѣ славить лирою небрежной
И наготу въ ночной тѣни,
И поцѣлуй любви нѣжной!
Луною замокъ озаренъ;
Я вижу теремъ отдаленный,
Гдѣ витязь томный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ горятъ;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манятъ;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ — и въ пылкомъ снѣ

Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вотъ въ глубокой тишинѣ
Дверь отворилась; полъ ревнивой
Скрышитъ подъ ножкой торопливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись — твоя настала ночь!
Проснися — дорогъ мигъ утраты!...
Она подходитъ, онъ лежитъ,
И въ сладострастной нѣгѣ дремлетъ;
Покровъ его съ одра скользитъ,
И жаркій пухъ чело объемлетъ.
Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
Стоитъ недвижно, бездыханна,
Какъ лицемѣрная Діана
Предъ милымъ пастыремъ своимъ;
И вотъ она, на ложе хана
Колѣномъ опершись однимъ
Вздохнувъ, лице къ нему склоняетъ
Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ,
И сонъ счастливца прерываетъ
Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ...

Но, други, дѣвственная лира
Умолкла подъ моей рукой,
Слабѣетъ робкій голосъ мой —
Оставимъ юнаго Ратмира;
Не смѣю пѣсней продолжать:
Русланъ насъ долженъ занимать,
Русланъ, сей витязъ безпримѣрный,
Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.

Упорнымъ боемъ утомленъ,
 Подъ богатырской головою
 Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
 Но вотъ ужъ раннею зарею
 Сіяетъ тихій небосклонъ;
 Все ясно; утра лучъ игривый
 Главы косматый лобъ златить,
 Русланъ встаетъ, и конь ретивый
 Ужъ витязя стрѣлою мчить.

И дни бѣгутъ; желтвють нивы;
 Съ деревъ спадаетъ дряхлый листь;
 Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
 Пѣвиць пернатыхъ заглушаетъ;
 Тяжелый, пасмурный туманъ
 Нагіе холмы обвиваетъ;
 Зима приблизилась — Русланъ
 Свой путь отважно продолжаетъ
 На дальній сѣверъ; съ каждымъ днемъ
 Преграды новыя встрѣчаетъ:
 То бьется онъ съ богатыремъ,
 То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
 То лунной ночью видитъ онъ,
 Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
 Окружены сѣдымъ туманомъ,
 Русалки тихо на вѣтвяхъ
 Качаясь, витязя младаго
 Съ улыбкой хитрой на устахъ
 Манять, не говоря ни слова!..
 Но тайнымъ промысломъ хранимъ,
 Безстрашный витязь невредимъ;
 Въ его душѣ желанье дремлетъ,

Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ:
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, никѣмъ незрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другъ мыслить и вздыхаетъ,
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ Кіевскимъ полямъ
Въ забвеньи сердца улетаетъ;
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ —
Забыты плѣнъ и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась,
И кликала: сюда, сюда!
И всѣ бросались къ ней толпою;

Но въ сторону — незрима вдругъ —
Она неслышную стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измятый упали:
Тогда на вѣрно въ замкѣ знали
Что пьеть иль кушаетъ княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минутнаго искала сна —
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко предъ зарей
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой;
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умыться хладною струею:
Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
Съ своей обычной тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ;
Не рѣдко подъ вечеръ слышали
Ея пріятный голосокъ;

Не рѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошенный вѣнокъ,
Пли ключки Персидской шали,
Или заплаканной платокъ.

Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдунъ рѣшился наконецъ
Поймать Людмилу непременно.
Такъ Лемноса хромой кузнецъ,
Пріявъ супружескій вѣнецъ
Изъ рукъ прелестной Цитереи,
Раскинулъ сътъ ея красамъ,
Открывъ насмѣшливымъ богамъ
Киприды нѣжныя затѣи ..

Скучая, бѣдная княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
Сидѣла тихо близъ окна,
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
Вдругъ слышитъ — кличутъ: «милый другъ!»
И видитъ вѣрнаго Руслана.
Его черты, походка, станъ;
Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ
И на бедрѣ живая рана —
Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!
Русланъ!.. онъ точно!» И стрѣлою
Къ супругу плѣнница летитъ,
Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:
«Ты здѣсь... ты раненъ... что съ тобою?»
Уже достигла, обняла:

О ужась... призракъ исчезаетъ!
 Княжна въ сѣтяхъ; съ ея чела
 На землю шапка упадаетъ;
 Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:
 «Она моя!» и въ тотъ же мигъ
 Зритъ колдуна передъ очами.
 Раздался дѣвы жалкій стонъ,
 Падетъ безъ чувствъ — и дивный сонъ
 Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжной!
 О страшный видъ: волшебникъ хилый
 Ласкаетъ дерзостной рукой
 Младя прелести Людмилы!
 Уже ли счастливъ будетъ онъ!
 Чу... вдругъ раздался рога звонъ,
 И кто-то карлу вызываетъ.
 Въ смятеньи, блѣдный чародѣй
 На дѣву шапку надѣваетъ;
 Трубить опять; звучнѣй, звучнѣй!
 И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчи,
 Закинувъ бороду за плечи.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
 Мнѣ нравъ ея всего дороже:
 Она чувствительна, скромна,
 Люви супружеской вѣрна,

Немножко вѣтрена... такъ что же?
Еще милѣе тѣмъ она.
Всечасно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажите: можно ли сравнить
Ее съ Дельфиною суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви раждаютъ жаръ.
А та — подъ юпкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ:
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да впрочемъ дѣло не о томъ!
Но кто трубилъ? Кто чародѣя
На съчу грозну вызывалъ?
Кто колдуна перепугалъ?
Русланъ. Онъ, мстѣю пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязъ подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ, какъ буря воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому стальному
Рукой незримой пораженъ;

Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подьѣмлетъ смутный взоръ,
И видитъ — прямо надъ главою —
Съ подъятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся;
Мечемъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ — и свысока
Шумя летить на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,
И въ свѣгъ съ размаха роковаго
Колдунъ упалъ да тамъ и сълъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ,
Волшебникъ силится, кряхтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
Ретивый конь во слѣдъ глядитъ:
Уже колдунъ подъ облаками,
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухѣ слабѣя
И силѣ Русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвитъ: «слушай, князь!
Тебѣ вредить я перестану;

Младое мужество любя,
 Забуду все, прощу тебя,
 Спущусь — но только съ уговоромъ...»
 —«Молчи, коварный чародѣй!
 Прервалъ нашъ витязь: «съ Черноморомъ,
 Съ мучителемъ жены своей,
 Русланъ не знаетъ договора!
 Сей грозный мечъ накажетъ вора.
 Лети хоть до ночной звѣзды,
 А быть тебѣ безъ бороды,»
 Боязнь объемлетъ Черномора;
 Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
 Напрасно длинной бородой
 Усталый карла потрясаетъ:
 Русланъ ея не выпускаетъ
 И щиплетъ волосы порой.
 Два дня колдунъ героя носить,
 На третій онъ пощады просить:
 «О рыцарь, сжаляся надо мной;
 Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
 Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ;
 Скажи — спущусь, куда велишь...»
 «Теперь ты нашъ: ага, дрожишь!
 Смирись, покорствуй Русской силѣ!
 Неси меня къ моей Людмилѣ». —

Смиренно внемлетъ Черноморъ;
 Домой онъ съ витяземъ пустился;
 Летитъ и мигомъ очутился
 Среди своихъ ужасныхъ горъ.
 Тогда Русланъ одной рукою
 Взялъ мечъ сраженной головы,

И бороду схвативъ другою,
Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.
«Знай нашихъ! молвилъ онъ жестоко.
Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?» и на шлемъ высокой
Сѣдые вяжетъ волоса;
Свистя, зоветъ коня лихаго;
Веселый конь летить и ржетъ;
Нашъ витязь карлу чуть живаго
Въ котомку за сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,
Спѣшитъ на верхъ горы крутой,
Достигъ, и съ радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.
Вдали завидя шлемъ брадатый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ Араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
Бѣгутъ — и скрылись. Ходитъ онъ
Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зоветъ —
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаетъ;
Въ волненьи чувствъ нетерпѣливыхъ
Онъ отворяетъ двери въ садъ —
Идетъ, идетъ — и не находитъ;
Кругомъ смущенный взоръ обводитъ —
Все мертво: рощицы молчатъ,
Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,

И ухо ничего не внемлетъ.
Внезапный князя хладъ объемлетъ,
Въ очахъ его темнѣтъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы...
«Быть можетъ, горесть... плѣнь угрюмый...
Минута... волны...» Въ сихъ мечтахъ
Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
Поникнулъ витязь головою;
Его томить невольный страхъ;
Недвижимъ онъ, какъ мертвыи камень;
Мрачится разумъ; дикіи пламень
И ядъ отчаянной любви
Уже текутъ въ его крови.
Казалось, тѣнь княжны прекрасной
Коснулась трепетнымъ устамъ...
И вдругъ, неистовый, ужасной,
Стремится витязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываетъ,
Съ холмовъ утесы отрываетъ,
Все рушить, все крушить мечемъ —
Бесѣдки, рощи упадаютъ,
Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ,
Степь обнажается кругомъ!
Далеко гулы повторяютъ
И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенить и свищетъ,
Прелестный край опустошенъ —
Безумный витязь жертвы ищетъ,
Съ размаха вправо, влево онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
И вдругъ — нечаянный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ

Прощальный Черномора даръ...
Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданномъ счастьемъ упоенной,
Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,
Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
Любви, восторга слезы льетъ,
Зоветь ее — но дѣва дремлетъ.
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ея подѣмлетъ.
Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
Его терзаетъ вновь кручина...
Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
Гласъ добродѣтельнаго Фина:

«Мужайся, князь! Въ обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести вѣренъ будь;
Небесный громъ на злобу грянетъ,
И воцарится тишина —
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Отъ очарованнаго сна.»

Русланъ, симъ гласомъ оживленной,
Беретъ въ объятія жену,
И тихо съ ношей драгоцѣнной
Онъ оставляетъ вышину,
И сходитъ въ доль уединенной.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдомъ,
Повхаль онъ своимъ путемъ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
Свѣжа, какъ вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лице спокойное склонила.
Власами, свитыми въ кольцо,
Пустынный вѣтерокъ играетъ;
Какъ часто грудь ея вздыхаетъ!
Какъ часто тихое лицо
Мгновенной розою пылаетъ!
Любовь и тайная мечта
Руслановъ образъ ей приносятъ,
И съ томнымъ шопотомъ уста
Супруга имя произносятъ...
Въ забвеньи сладкомъ ловить онъ
Ея волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
И сонныхъ персей волнованье...

Межъ тѣмъ, по доламъ, по горамъ,
И въ бѣлый день, и по ночамъ,
Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
Еще далекъ предѣлъ желанной,
А дѣва спить. Но юный князь,
Безплоднымъ пламенемъ томясь,
Уже ль, страдалецъ постоянной,
Супругу только сторожилъ,
И въ цѣломудренномъ мечтаньи,
Смиривъ нескромное желанье,
Свое блаженство находимъ?
Монахъ, который сохранилъ

Потомству вѣрное преданье
О славномъ витязѣ моемъ,
Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ:
И вѣрю я! Безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоемъ.
Пастушки! Сонъ княжны прелестной
Не походилъ на ваши сны,
Порой томительной весны,
На муравъ, въ тѣни древесной.
Я помню маленькой лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню темной вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый...
Ахъ, первый поцѣлуй любви
Дрожащій, легкій, торопливой
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремоты терпѣливой...
Но полно, я болтаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея утѣха и страданье
Забыты мною съ давнихъ поръ;
Теперь влекутъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними стелется равнина,
Гдѣ ели изрѣдка взошли;
И грознаго холма вдали
Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Русланъ глядитъ — и догадался,
Что подъезжаетъ къ головѣ;

Быстрѣе борзый конь помчался:
Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
Власы ея какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ;
Ланиты жизни лишены;
Свинцовой блѣдностью покрыты,
Уста огромныя открыты,
Огромны зубы стѣснены...
Надъ полумертвой головою
Послѣдній день ужъ тяготѣлъ.
Къ ней храбрый витязь прилетѣлъ
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ: «здравствуй, голова!
Я здѣсь! наказанъ твой измѣнникъ!
Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ—плѣнникъ!»
И князя гордыя слова
Ее внезапно оживили,
Намигъ въ ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...
Узнала витязя она,
И брата съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри; на щекахъ
Багровый огонь еще родился,
И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.
Въ смятеньи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
Она зубами скрежетала,
И брату хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепетала...
Уже ея въ тотъ самый часъ

Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гасъ,
Слабѣло тяжкое дыханье,
Огромный закатился взоръ,
И вскорѣ князь и Черноморъ
Узрѣли смерти содроганье...
Она почила вѣчнымъ сномъ.
Въ молчаньи витязь удалился;
Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,
И черно книжнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанной.
Въ теченьи медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника
Волною сонной омывала,
И вокругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ тайлась,
Уединенна и темна;
И тамъ казалось тишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно;
Отъ разсвѣтающаго дня
Долина съ рощею прибрежной
Сквозь утренній сіяла дымъ.

Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
Садится близь нея, вздыхаетъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиранный парусъ челнока,
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненной,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видитъ добрый князь Русланъ:
Челнокъ ко берегу приплываетъ;
Изъ темной хаты выбѣгаетъ
Младая дѣва; стройный станъ,
Власы небрежно распущенны,
Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь и плечи обнаженны,
Все мило, все плѣняетъ въ ней.
И вотъ они, обнявъ другъ друга,
Садятся у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью настаетъ.
Но въ изумленьи молчаливомъ
Кого же въ рыбакъ счастливымъ
Нашъ юный витязъ узнаетъ?
Хазарскій ханъ, избранный славой
Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,
Ратмиръ, въ пустынь безмятежной
Людмилу, славу позабывъ,

И имъ на вѣки измѣнилъ
Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приблизился, и вмигъ
Отшельникъ узнаеть Руслана,
Встаетъ, летитъ. Раздался крикъ...
И обнявъ князь младаго хана.
«Что вижу я! спросилъ герой,
Зачѣмъ ты здѣсь? зачѣмъ оставилъ
Тревоги жизни боевой,
И мечъ, который ты прославилъ?»
—«Мой другъ, отвѣтствовалъ рыбакъ,
Душѣ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельный призракъ.
Повѣрь: невинныя забавы,
Любовь и мирныя дубравы
Милѣ сердцу во сто кратъ.
Теперь, утративъ жажду брани,
Престалъ платить безумству дани,
И, вѣрнымъ счастиемъ богатъ,
Я все забылъ, товарищъ милый,
Все, даже прелести Людмилы.»—
«Любезный ханъ, я очень радъ!
Сказалъ Русланъ: она со мною »
—«Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна...
Она съ тобою, гдѣ жъ она?
Позволь... но нѣтъ, боюсь измѣны;
Моя подруга мнѣ мила;
Моей счастливой перемѣны
Она виновницей была;
Она мнѣ жизнь, она мнѣ радости!

Она мнѣ возвратила вновь
Мою утраченную младость.
И миръ и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Уста волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
Я для нея покинулъ ихъ;
Оставилъ теремъ ихъ веселый,
Въ тѣни хранительныхъ дубровъ;
Сложилъ и мечъ и шлемъ тяжелый,
Забылъ и славу и враговъ.
Отшельникъ мирный и безвѣстный,
Остался въ счастливой глуши,
Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ тобою, свѣтъ моей души!» —

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговоръ,
И, устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась и вздыхала.

Рыбакъ и витязь на берегахъ
До темной ночи просидѣли
Съ душой и сердцемъ на устахъ.
Часы невидимо летѣли.
Чернѣетъ лѣсъ, темна гора;
Встаетъ луна — все тихо стало;
Герою въ путь давно пора.
Накинувъ тихо покрывало
На дѣву спящую, Русланъ
Идетъ и на коня садится;
Задумчиво безмолвный ханъ

Душей во слѣдъ ему стремится,
Руслану счастья, побѣдъ
И славы и любви желаетъ...
И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
Невольной грустью оживляетъ.

Зачѣмъ судьбой не суждено
Моей непостоянной лирѣ
Геройство воспѣвать одно,
И съ нимъ (незнаемая въ мѣрѣ)
Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
Печальной истины поэтъ,
Зачѣмъ я долженъ для потомства
Порокъ и злобу обнажать,
И тайны козни вѣроломства
Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искатель недостойный,
Охоту къ славѣ потерявъ,
Никѣмъ неизвестный, Фарлафъ
Въ пустынь дальнюю и спокойную
Скрывался и Наины ждалъ.
И часъ торжественный насталъ.
Къ нему волшебница явилась,
Вѣщая: «знаешь ли меня?
«Ступай за мной; създай коня!»
И вѣдьма кошкой обратилась.
Осъдланъ конь, она пустилась;
Тропами мрачными дубравъ
За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ,

Луна во мглѣ перебѣгала
Изъ тучи въ тучу, и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
Сидѣлъ съ обычною тоскою
Предъ усыпленною княжною.
Глубоку думу думалъ онъ,
Мечты летѣли за мечтами,
И непримѣтно вѣялъ сонъ
Надъ нимъ холодными крылами;
На двѣхъ смутными очами
Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ,
И, утомленною главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снится вѣщій сонъ герою;
Онъ видитъ, будто бы княжна
Надъ страшной бездною глубиною
Стоитъ недвижна и блѣдна...
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Стоитъ одинъ надъ бездною онъ...
Знакомый гласъ, призывный стонъ
Изъ тихой бездны вылетаетъ...
Русланъ стремится за женой;
Стремглавъ летитъ во тѣмъ глубиной...
И видитъ вдругъ передъ собой:
Владиміръ, въ-gridницѣ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей,
Между двѣнадцатю сынами,
Съ толпою названныхъ гостей,
Сидитъ за бранными столами;
И также гнѣвенъ старій Князь,

Какъ въ день ужасный разставанья;
И всѣ сидятъ не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ гостей,
Не ходитъ чаша круговая...
И видитъ онъ, среди гостей,
Въ бою сраженнаго Рогдая:
Убитый, какъ живой, сидитъ;
Изъ опѣннаго стакана
Онъ, весель, пѣть и не глядитъ
На изумленнаго Руслана.
Князь видитъ и младаго хана,
Друзей и недруговъ... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго Баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ гридницу Фарлафъ,
Ведетъ онъ за руку Людмилу;
Но старецъ, съ мѣста не привставъ,
Молчитъ, склонивъ главу унылу,
Князья, бояре — всѣ молчать,
Душевные движенья кроя.
И все исчезло — смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремоту тяжко погруженъ,
Онъ льетъ мучительныя слезы,
Въ волненьи мыслить: это сонъ!
Томится, но зловѣщей грезы,
Увы, прервать нѣ въ силахъ онъ.

Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
Объяты рощи темною;

Долина въ мертвой тишинѣ...
Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна;
Онъ видитъ сумрачный курганъ;
У ногъ Людмилы спитъ Русланъ,
И ходитъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнію глядитъ;
Въ туманъ вѣдьма исчезаетъ,
Въ немъ сердце замерло, дрожитъ,
Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
Тихонько обнажаетъ мечъ,
Готовясь витязя безъ боя
Съ размаха на двое разсѣчь...
Къ нему подъѣхалъ. Конь героя,
Врага почуя, закипѣлъ,
Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
Русланъ не внемлетъ; сонъ ужасный,
Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ!...
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной,
Вонзаетъ трижды хладну сталь...
И мчится боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоценной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракъ подъ горою.
Часы летѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поутру, взоръ открывъ туманной,
Пуская тяжкій, слабый стонъ,
Съ усишемъ приподнялся онъ,

Взглянулъ, поникъ главою бранной —
И палъ недвижный, бездыханной.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать,
И Музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтренной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Отъ гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, отвыкъ...
Дышу тобой — и гордой славы
Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ тайный геній
И вымысловъ и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслажденій
Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.
Но ты велишь, но ты любила
Разказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ,
И Фина вѣрныя печали

Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкій вздоръ,
Съ улыбкой иногда дремала;
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
Бренчу про витязя младаго.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
Лежитъ онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
Ужъ кровь его не льется болѣ,
Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ;
Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
Не шевелится шлемъ косматый!

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
Поникнувъ гордой головою,
Въ его глазахъ исчезъ огонь!
Не машетъ гривой золотою,
Не тѣшится, не скачетъ онъ,
И ждетъ, когда Русланъ воспрянетъ...
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щить его не грянетъ.

А Черноморь? Онъ за сѣдломъ,
Въ котомкѣ, въ дѣмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чемъ;
Усталый, сонный и сердитый,
Княжну, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо!

Не слыша долго ничего,
 Волшебникъ выглянулъ — о диво!
 Онъ видитъ, богатырь убить,
 Въ крови потопленный лежитъ;
 Людмилы нѣтъ, все пусто въ полъ;
 Злодѣй отъ радости дрожить
 И мнить : свершилось, я на волю !
 Но старый карла былъ неправъ.

Межъ тѣмъ, Наиной остѣненный,
 Съ Людмилой, тихо усыпленной,
 Стремится къ Кіеву Фарлафъ :
 Летитъ, надежды, страха полный,
 Предъ нимъ уже Днѣпровски волны
 Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
 Ужъ видитъ златоверхій градъ;
 Уже Фарлафъ по граду мчится,
 И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
 Въ волненьи радостномъ народъ
 Валитъ за всадникомъ, тѣснится;
 Бѣгутъ обрадовать отца :
 И вотъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
 Владиміръ-солнышко въ то время
 Въ высокомъ теремѣ своемъ
 Сидѣлъ, томясь привычной думой.
 Бояре, витязи кругомъ
 Сидѣли съ важностью угрюмой.
 Вдругъ внемлетъ онъ : передъ крыльцомъ
 Волненье, крики, шумъ чудесный,
 Дверь отворилась — передъ нимъ

Явился воинъ неизвѣстный;
Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ,
И вдругъ смутились, зашумѣли:
«Людмила здѣсь! Фарлафъ... ужели?»
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Встаетъ со стула старый Князь,
Спѣшитъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей;
Подходить; отчими руками
Онъ хочетъ прикоснуться къ ней;
Но дѣва милая не внемлетъ,
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы; всѣ глядятъ
На Князя въ смутномъ ожиданьи;
И старецъ безпокойный взглядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньи.
Но, хитро персть къ устамъ прижавъ,
«Людмила спитъ, сказалъ Фарлафъ,
Я такъ нашелъ ее недавно
Въ пустынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
У злаго лѣшаго въ рукахъ;
Тамъ совершилось дѣло славно;
Три дня мы билися; луна
Надъ боемъ трижды подымалась;
Онъ палъ, а юная княжна
Мнѣ въ руки сонною досталась;
И кто прерветъ сей дивный сонъ!
Когда настанетъ пробужденье?
Не знаю — скрыть судьбы законъ!
А намъ надежда и терпѣнье
Однѣ остались въ утѣшенье.»

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ вѣсмы открыть;
Толпа волнуется, валить
Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князя и витязи кругомъ
Стоять унылы; гласы трубы,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею; старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами;
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаяньи, въ досадѣ,
Трепещеть, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей бессонныхъ не смыкалъ;
Шумя, тѣснились всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякой толковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпятся на стѣнѣ градской...

И видятъ : въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой;
Щиты, какъ зарево, блистаютъ,
Въ поляхъ наѣздники мелькаютъ,
Вдали подъемля черный прахъ;
Идутъ походныя телеги,
Костры пылаютъ на холмахъ.
Бѣда : возстали Печенѣги!
Но въ это время вѣщій Финъ,
Духовъ могучій властелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремячихъ,
Куда и вѣдьмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится,
И въ той долинѣ два ключа :
Одинъ течетъ волной *живою*,
По камнямъ весело журча;
Тотъ льется *мертвою* водою.
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,
Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтні сосны не шумятъ,
Не вьются птицы, лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,

Дремучій берегъ стережетъ...
Съ двумя кувшинами пустыми
Предсталъ отшельникъ передъ ними;
Прервали духи дивній сонъ,
И удалились страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣвственныя волны;
Наполнилъ, въ воздухѣ пропалъ
И очутился въ два мгновенья
Въ долину, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья;
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою,
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красотою
Процвѣлъ; тогда водою живою
Героя старецъ окропилъ,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою
Встаетъ Русланъ, на ясный день
Очами жадными взираетъ;
Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
Въ немъ сердце вспыхнувъ замираетъ.
Вдругъ витязъ вспрыснулъ; вѣщій Финъ
Его зоветъ и обнимаетъ:
«Судьба свершилась, о мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаетъ;
Тебя зоветъ кровавый пиръ,
Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ;
На Кіевъ снидетъ кроткій миръ,

И тамъ она тебѣ предстанеть.
Возьми завѣтное кольцо,
Коснися имъ чела Людмилы,
И тайныхъ чаръ исчезнуть силы;
Враговъ смутить твое лицо;
Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.
Достойны счастья будьте оба!
Прости на долго, витязь мой!
Дай руку... тамъ, за дверью гроба —
Не прежде — свидимся съ тобой!»
Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный
Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
Русланъ, для жизни пробужденный,
Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ...
Но ничего не слышно боля!
Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ!
Запрыгавъ, съ кармой за сѣдломъ,
Руслановъ конь нетерпѣливой
Бѣжить и ржетъ, махая гривой;
Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ,
Ужъ онъ летитъ, живой и здравый,
Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между тѣмъ какой позоръ
Являетъ Кіевъ осажденный?
Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
Народъ унынемъ пораженный,
Стоитъ на башняхъ и стѣнахъ
И въ страхъ ждетъ небесной казни;
Стенанья робкія въ домахъ,
На стогнахъ тишина боязни;
Одинъ, близъ дочери своей,

*

Владиміръ въ горестной молитвѣ;
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Готовится къ кровавой битвѣ.

И день насталъ. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ!
Неукротимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины
И потекли къ стѣнѣ градской;
Во градъ трубы загремѣли,
Бойцы сомкнулись, полетѣли
На встрѣчу рати удамой,
Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, выиграли кони,
Пошли стучать мечи о брони;
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась,
Равнина кровью залилась;
Стремглавъ наѣздники помчались;
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнутой, дружною стѣной
Тамъ рубится со строемъ строй;
Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется;
Тамъ конь испуганный несется;
Тамъ Русскій палъ, тамъ Печенѣгъ;
Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;
Тотъ опрокинуть булавою;
Тотъ легкой пораженъ стрѣлою;
Другой, придавленный щитомъ,
Растоптанъ бѣшенымъ конемъ...
И длился бой до темной ночи;
Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ!

За горами кровавыхъ тѣлъ
Бойцы сомкнули томны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
Лишь изрѣдка на полѣ битвы
Былъ слышенъ падшихъ скорбный стонъ,
И Русскихъ витязей молитвы.

Блѣднѣла утренняя тѣнь,
Волна серебрилася въ потокѣ,
Сомнительный раждался день
На отуманенномъ востокѣ.
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое;
Вдругъ сонъ прервался : вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ,
Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
Смутилось сердце Кіевлянъ;
Бѣгутъ нестройными толпами
И видятъ : въ полѣ межъ врагами,
Блестая въ латахъ какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубить,
Въ ревуцій рогъ, летая, трубить...
То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
Нашъ витязь палъ на басурмана;
Онъ рыщетъ съ карломъ за сѣдломъ
Среди испуганнаго стана.
Гдѣ ни просвищеть грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ,

И съ воплемъ строй на строй валится;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрѣтъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ.
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя Славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибни, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ Печенѣговъ;
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней;
Противиться не смѣютъ болъ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ Кіевскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы Русскій мечъ казнить;
Ликуетъ Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь летить;
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдной;
Копье сіяетъ какъ звѣзда;
Струится кровь съ кольчуги мѣдной;
На шлемъ вѣется борода;
Летитъ, надеждой окриленный,
По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ, восторгомъ упоенный,
Толпился съ кликами кругомъ,
И князя радость оживила.
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
Владиміръ, въ думу погруженъ,
У ногъ ея стоялъ унымый.

Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы.
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали отъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
Стоялъ на стражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ,
И палецъ безъ чувствъ онъ на колѣна...
Достойной казни ждетъ измѣна!
Но, помня тайный даръ кольца,
Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей.
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо : юная княжна,
Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сонъ
Ее томилъ мечтой неясной,
И вдругъ узнала — это онъ!
И князь въ объятіяхъ прекрасной.
Воскреснувъ пламенной душой,
Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
И старецъ въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой рассказъ ?
Ты угадаешь, другъ мой милой!
Неправый старца гнѣвъ погасъ;
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой

У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливый князь ему простилъ;
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карма во дворецъ;
И, бѣдствій празднуя конецъ,
Владиміръ въ грядницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

—

ЭПИЛОГЪ.

=

Такъ, міра житель равнодушной.
На лонѣ празднои тишины,
Я славиль лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пѣлъ — и забывалъ обиды
Слѣпаго счастья и враговъ,
Измѣны вѣтренной Дориды,
И сплетни шумныя глупцовъ.
На крымяхъ вымысла носимой,
Ужъ улеталъ за край земной;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!...
Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!
Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,

Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой —
Но огонь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ кроткій день протекъ —
И скрылась отъ меня на вѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній...

II.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

(1821.)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

*Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной Музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ пустынной лиры пльнѣ
И вдохновенный свой досугъ.
Когда мнѣ бѣдствія грозили,
Я при тебѣ еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили:
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,*

Гдѣ пасмурный Бешту ¹, пустынный величавый,
Ауловъ ² и полей властитель пятиглавый,

Былъ новый для меня Парнассъ.

Забуду ли кремнистыя вершины,

Гремучіе ключи, увядшія равнины,

Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной

Дѣлалъ души младыя впечатлѣнья;

Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,

И дикій гений вдохновенья

Таится въ тишинѣ глухой!

Ты здѣсь найдешь воспоминанья,

Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,

Противорѣчія страстей,

Мечты знакомыя, знакомыя страданья,

И тайный гласъ души моей.

Мы въ жизни разны шли: въ объятіяхъ покоя

Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя

Въ поля кровавыя, подъ тучи вражескихъ стрѣлъ,

Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;

Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,

Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ.

Я рано скорбь узналъ, узналъ людей и свѣтъ.

Но, сердце укрѣпивъ терпѣньемъ,

Я ждалъ безопасно лучшихъ дней,

И счастье моихъ друзей

Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

1. Бешту, или, правильнѣе, Бештау, Кавказская гора въ 40 верстахъ отъ Героевска. Извѣстна въ нашей исторіи.

2. Ауль. Такъ называются деревни Кавказскихъ народовъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ аулъ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ.
О красотъ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Вспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ Узденей ³,
Удары шашекъ ⁴ ихъ жестокихъ,
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепель разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ:
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесь. Онъ быстро на арканѣ
Младаго плѣнника влачилъ.
Вотъ Русской! хищникъ возопилъ
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,

3. Узденъ, начальникъ или князь.

4. Шашка, Черкесская сабля.

Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышитъ.

И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ,
Невнятный стонъ въ устахъ раздался;
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкеской вольности ограда.
Вспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ: загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги...
Все, все сказалъ ужасный звукъ;
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.

За саклями ^б лежитъ
Онъ у колючаго забора.

Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчить.
Предъ нимъ пустынные равнины
Лежать зеленой пеленой;
Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины;
Межъ нихъ уединенный путь
Вдали теряется угрюмой:
И плѣнника младаго грудь
Тяжелой взволновалась душой...

Въ Россію дальній путь ведетъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ;
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви безумный сонъ,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ,

И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свершилось... цѣлью упованья
Не зреть онъ въ мѣръ ничего.
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него.
Онъ рабъ. Склонясь главою на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ снѣи гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гулъ,
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройной
Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины...
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся Русской. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ Черкешенка младая.
На дѣву молча смотреть онъ,
И мыслить: это лживый сонъ,

Усталыхъ чувствъ игра пустая.
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ ⁶ прохладной
Подносить тихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;
Онъ ловить жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ;
Но взоръ умильный, жаръ ланить.
Но голосъ нѣжный говоритъ:
Живи! и плѣнникъ оживаетъ.
И онъ, собравъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорной,
Привсталъ, и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главою;
Но все къ Черкешенкѣ молодой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она, задумчива, сидѣла,
Какъ бы участіемъ нѣмымъ
Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались;
Она вздыхала, и не разъ
Слезами очи наполнялись.

6. *Кумысъ* дѣлается изъ кобыляго молока: напитокъ сей въ большомъ употребле-
т. III.

За днями дни прошли какъ тѣнь.
 Въ горахъ, окованный, у стада
 Проводить плѣнникъ каждый день.
 Пещеры темная прохлада
 Его скрываетъ въ лѣтній зной;
 Когда же рогъ луны серебристой
 Блеснетъ за мрачною горой,
 Черкешенка, тропой тѣнистой,
 Приноситъ плѣннику вино,
 Кумысъ, и ульевъ сотъ душистой,
 И бѣлоснѣжное пшено;
 Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ;
 На немъ покоить нѣжный взоръ;
 Съ неясной рѣчию сливаетъ
 Очей и знаковъ разговоръ;
 Поетъ ему и пѣсни горъ,
 И пѣсни Грузіи счастливой,
 И памяти нетерпѣливой
 Передаетъ языкъ чужой. ⁷
 Впервые дѣвственной душой
 Она любила, знала счастье;
 Но Русской жизни молодой
 Давно утратилъ сладострастье:
 Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
 Любви младенческой, открытой —
 Быть можетъ, сонъ любви забытой
 Боялся онъ вспоминать.

нии между всѣми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ вкусу и почитается весьма здоровымъ.

7. Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія, вѣчно ею претерпѣваемыя. Пѣсни Грузинскія пріятны и по большей части заунывны. Онѣ славятъ минутные успѣхи Кавказскаго оружія, смерть нашихъ

Не вдругъ увянетъ наша младость,
Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ:
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь!

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ;
Тоску неволи, жаръ мятежный,
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачяся межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней, утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ!
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Блѣлъ на небѣ голубомъ. ⁸
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,

героевъ : Бакунина и Цицианова, измѣны, убійства, иногда любовь и наслажденія.

8. Державинъ, въ превосходной своей одѣ графу Зубову, первый изобразилъ въ слѣдующихъ строфахъ дикія картины Кавказа:

Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ
 Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!
 У ногъ его дымились тучи,
 Въ степи взвивался прахъ летучій;
 Уже пріюта между скалъ
 Емень испуганный искалъ;

О юный вождь, сверша походы,
 Прощель ты съ воинствомъ Кавказъ,
 Зрѣлъ ужасы, красы природы:
 Какъ съ ребръ тамъ страшныхъ горъ лѣсъ,
 Ревутъ въ мракъ безднѣ сердиты рѣки,
 Какъ съ чель ихъ съ грохотомъ снѣга
 Падутъ, лежавши цѣлы вѣки;
 Какъ серны, вниязъ склонивъ рога,
 Зрѣть въ мглѣ спокойно подъ собою
 Рожденье молній и громовъ.
 Ты зрѣлъ, какъ ясно порою,
 Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
 Средь водъ, играя, отражаясь,
 Великолѣпный кажутъ видъ;
 Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
 Тамъ брызгахъ, тонкій дождь горить;
 Какъ глыба тамъ сизоянтарна,
 Навѣсясь, смотреть въ темный боръ;
 А тамъ заря златобагряна
 Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ.

Жуковский, въ своемъ посланіи къ Г-ну Воейкову, также посвящаетъ нѣсколько прелестныхъ стиховъ описанію Кавказа:

Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
 Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
 Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,
 Чеченецъ или Черкесь сидѣлъ,
 Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
 И вдалекѣ передъ тобой,
 Одѣты голубымъ туманомъ,
 Гора вздымалась надъ горой,
 И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
 Какъ туча, Эльборусъ двуглавою.

Орлы съ утесовъ подымались
 И въ небесахъ перекликались;
 Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
 Ужъ гласомъ бури заглушались...
 И вдругъ на долы, дождь и градъ
 Изъ тучъ сквозь молній извергались;

Ужасною и величавой
 Тамъ все блистаетъ красотой:
 Утесовъ мшистыя громады,
 Бѣгущи съ ревомъ водопады
 Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
 Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
 Ни стукъ сѣкиръ, ни челоуѣка
 Веселый гласъ не возмущалъ,
 Въ которыхъ сумрачныя сѣни
 Еще лучъ дневный не проникъ,
 Гдѣ изрѣдка одни елени,
 Орла послышавъ грозный крикъ,
 Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,
 И козы легкими ногами
 Перебѣгаютъ по скаламъ.
 Тамъ все является очамъ
 Великолѣпіе творенья!
 Но тамъ, среди уединенья
 Долинъ, таящихся въ горахъ,
 Гнѣздятся и Балкаръ, и Бахъ,
 И Абазехъ, и Камуцинецъ,
 И Корбулакъ, и Албазинецъ,
 И Чечереецъ, и Шапсукъ.
 Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
 И ковь, соратникъ быстроногий —
 Ихъ и сокровища и боги;
 Какъ серны скачутъ по горамъ,
 Бросають смерть изъ-за утеса;
 Или по тонкимъ берегамъ,
 Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса
 Разсыпавшись, добычи ждуть;
 Скалы свободы ихъ пріютъ.
 Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
 На костыляхъ угрюмой лѣни:

Волнами роя крутизны,
 Сдвигая камни вѣковые,
 Текли потоки дождевые —
 А плѣнникъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за тучей громовою,
 Возврата солнечнаго ждалъ,
 Недостигаемый грозюю,
 И бури немощному вою
 Съ какой-то радостью внималъ.

Но Европейца все вниманье
 Народъ сей чудный привлекалъ.
 Межъ Горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
 Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
 Любилъ ихъ жизни простоту,
 Гостепріимство, жажду брани,
 Движеній вольныхъ быстроту,
 И легкость ногъ, и силу длани;
 Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
 Какъ иногда Черкесь проворной,
 Широкой степью, по горамъ,
 Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
 Къ лукъ склоняясь, на стремена
 Ногою стройной опираясь,

Тамъ жизнь ихъ — сонъ; стѣснясь въ кружокъ,
 И въ братскій съ табакомъ горшокъ
 Воязивши чубуки, какъ тѣни
 Въ дыму клубящемся сидятъ
 И объ убійствахъ говорятъ;
 Иль хвалятъ мѣткія пищали,
 Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;
 Иль сабли на кремняхъ оstrarь,
 Готовясь на убійства новы.

Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ приучаясь.
Онѣ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесѣ оружіемъ обвѣшенъ;
Онѣ имѣ гордится, имѣ утѣшенъ:
На немѣ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный —
Все тотъ же онѣ; все тотъ же видѣ
Необъдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство — конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимѣ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится:
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рышитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги;
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимѣ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;

Съдой потокъ предъ нимъ шумить —
 Онъ въ глубь кипящую несется;
 И путникъ, брошенный ко дну,
 Глокаетъ мутную волну,
 Изнемогая смерти просить
 И зрить ее передъ собой...
 Но мощный конь — его стрѣлой
 На берегъ пѣнистый выносить.

Иль, ухвативъ рогатый пень,
 Въ рѣку низверженный грозою,
 Когда на холмахъ пеленою
 Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
 Черкесь на корни вѣковые,
 На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
 Свои доспѣхи боевые,
 Щитъ, бурку, панцырь и шоломъ,
 Колчанъ и лукъ — и въ быстры волны
 За нимъ бросается потомъ,
 Неутомимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Рѣка реветъ;
 Могучій токъ его несетъ
 Вдоль береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
 Склонясь на копыя, казаки
 Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
 И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
 Плыветъ оружіе злодѣя...
 О чемъ ты думаешь, казакъ?
 Воспоминаешь прежни битвы,
 На смертномъ полѣ свой бивакъ,
 Полковъ хвалебныя молитвы

И родину?... Коварный сонъ!
 Простите, вольныя станицы,
 И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!
 Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
 Стрѣла выходитъ изъ колчана,
 Взвилась — и падаетъ казакъ
 Съ окровавленнаго кургана.
 Когда же съ мирною семьей
 Черкесь въ отеческомъ жилищѣ
 Сидитъ ненастною порой,
 И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
 И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
 Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
 Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
 И робко сядетъ у огня:
 Тогда хозяинъ благосклонной
 Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ,
 И гостю въ чашѣ благовонной
 Чихирь ⁹ отраднѣй подаетъ.
 Подъ влажной буркой, въ сакль дымной,
 Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
 И утромъ оставляетъ онъ
 Ночлега кровъ гостепримной ¹⁰.

Бывало, въ свѣтлый Баиранъ ¹¹

9. *Чихирь*, красное Грузинское вино.

10. Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, отличаются предъ нами гостепримствомъ. Гость становится для нихъ священной особою. Предать его или не защищать почитается межъ ними за величайшее безчестіе. *Кунакъ* (т. е. пріятель, знакомецъ) отвѣчаетъ жизнью за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину Кабардинскихъ горъ.

11. *Баиранъ* или *Баирамъ*, праздникъ розговѣнья. *Рамазанъ*, мусульманскій постъ.

Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

Но Русской равнодушно зрѣлъ
Сии кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣлъ.
Невольникъ чести безпощадной,
Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
На поединкахъ твердый, хладной,
Встрѣчая гибельный свинецъ.
Быть можетъ, въ думу погруженный,
Онъ время то воспоминалъ,
Когда, друзьями окруженный,

Онъ съ вами шумно пировалъ...
Жалѣлъ ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ надежду обманувшихъ,
Иль, любопытный, созерцалъ
Суровой простоты забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семъ вѣрномъ зеркалѣ читалъ —
Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его молодой
И шопотомъ между собой
Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты ихъ узнала, дѣва горь,
Восторги сердца, жизни сладость!
Твой огненный невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость!
Когда твой другъ во тьмѣ ночной
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
Старая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала міръ земной,
Ты говорила: плѣнникъ милый,

Развесели свой взоръ унымый,
Склонись главою ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я въ пустынь
Съ тобою, царь души моей!
Люби меня; никто донинѣ
Не цѣловалъ моихъ очей;
Къ моей постелѣ одинокой
Черкесь молодой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной;
Слыву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребій мнѣ готовый:
Меня отецъ и братъ суровый
Немилому продать хотятъ
Въ чужой аулъ цѣною злата:
Но умолю отца и брата;
Не то — найду кинжалъ иль ядъ.
Непостижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена;
Люблю тебя, невольникъ милой,
Душа тобой упоена...

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву страстную взиралъ,
И полный тяжкимъ размышленьемъ
Словамъ любви ея внималъ.
Онъ забывался: въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покатались.
Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ

Тоска любви безъ упованья.
Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ измѣяль свои страданья.
«Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою.
Безцѣнныхъ дней не трать со мною.
Другаго юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнить
Моей души печальный кладъ;
Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній,
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
Безъ упоенья, безъ желаній
Я вянущую жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасной;
Оставь меня; но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ!
Но поздно: умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...

«Какъ тяжело мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами
Улыбкой хладною встрѣчать!»

Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной,
Какъ тяжело мыслить о другой!...

«Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно;
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унымый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

«Оставь же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы:
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;
Прости... дай руку — на прощанье.
Не долго женскую любовь
Печалить хладная разлука :
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь.»

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая:
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ;
Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука;
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи измилася.

«Ахъ, Русской, Русской, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ на вѣкъ я предалася!
Недолго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала;
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придутъ ли вновь когда нибудь?
Уже ль на вѣкъ погибла радость?
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя бь изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной;
Я услаждала бь жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла бь минуты сна,
Покой тоскующаго друга;
Ты не хотѣлъ... Но кто жъ она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, Русской? ты любимъ? ..
Понятны мнѣ твои страданья...

Прости жъ и ты мои рыданья,
Не смѣйся горестямъ моимъ.»

Умолкла. Слезы и стenanья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
Уста безъ словъ роптали пѣни.
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
Она едва могладохнуть.
И плѣнникъ, тихою рукою
Поднявъ несчастную сказалъ:
«Не плачь: и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымной,
Забытый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали береговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
Здѣсь на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавить тягостная цѣпь...»

Свѣтила ночи затмѣвались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.

Унымый плѣнникъ съ этихъ поръ
Одинъ окрестъ аула бродить.
Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ;

За ночью ночь во слѣдъ уходитъ;
Вотще свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ:
Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣплями,
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель.
Зоветь... но все кругомъ молчить;
Лишь волны плещутся бушуя,
И человѣка звѣрь почуя
Въ пустыню темную бѣжить.
Однажды слышитъ Русской плѣнный,
Въ горахъ раздался кликъ военный:
«Въ табунъ, въ табунъ!» Бѣгутъ, шумятъ;
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
Кипятъ осѣдланые кони;
Къ набѣгу весь аулъ готовъ:
И дикіе питомцы брани
Рѣвою хлынули съ холмовъ,
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственные дани.

Утихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагіе
Въ свободной рѣзвости шумятъ;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ:
Изъ трубокъ дымъ вѣясь синѣетъ.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ припѣвъ,
И старцевъ сердце молодѣетъ.

ЧЕРКЕСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
 Въ горахъ безмолвіе ночное;
 Казакъ усталый задремалъ,
 Склонясь на копіе стальное.
 Не спи казакъ: во тѣмъ ночной
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

«Казакъ плыветъ на челнокѣ,
 Влача по дну рѣчному сѣти.
 Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ.
 Какъ тонуть маленькія дѣти,
 Купаясь жаркою порой:
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой

3.

«На берегу завѣтныхъ водъ
 Цвѣтутъ богатая станицы;
 Веселый пляшетъ хороводъ.
 Бѣгите, Русскія пѣвицы;
 Спѣшите, красныя, домой:
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.»

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегъ,
 Мечтаетъ Русской о побѣгъ;
 Но цѣпь невольника тяжка,
 Быстра глубокая рѣка...

Межь тѣмъ, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скалъ омрачены.
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало;
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ — печальна и блѣдна,
Къ нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи:
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,
«Бѣги,» сказала дѣва горъ:
«Нигдѣ Черкесъ тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ: твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ.»

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой,
Слеза невольная скатилась —

И цѣпь распалась и гремитъ.
 «Ты воленъ, дѣва говорить,
 Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
 Любви порывъ изобразилъ.
 Она страдала. Вѣтеръ шумный,
 Свистя, покровъ ея клубилъ.
 «О другъ мой!» — Русской возопилъ;
 «Я твой на вѣкъ, я твой до гроба.
 Ужасный край оставимъ оба,
 Бѣги со мной...» — Нѣтъ, Русской, нѣтъ!
 Она исчезла, жизни сладость;
 Я знала все, я знала радость.
 И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
 Возможно ль? ты любилъ другую!...
 Найди ее, люби ее;
 О чемъ же я еще тоскую?
 О чемъ уныніе мое?...
 Прости! любви благословенья
 Съ тобою будутъ каждый часъ.
 Прости — забудь мои мученья,
 Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ. —

Къ Черкешенкѣ простеръ онъ руки,
 Воскресшимъ сердцемъ къ ней легълъ,
 И долгій поцѣлуй разлуки
 Союзъ любви запечатлѣлъ.
 Рука съ рукой, унынья полны,
 Сошли ко берегу въ тишинѣ —
 И Русской въ шумной глубинѣ
 Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
 Уже противныхъ скалъ достигъ,
 Уже хватается за нихъ...

Вдругъ волны глухо зашумѣли,
И слышенъ отдаленный стонъ...
На дикій берегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ... берега яснѣли
И опѣненные бѣлыи;
Но нѣтъ Черкешенки молодой
Ни у береговъ, ни подъ горой...
Все мертво... на берегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ.

Все понялъ онъ: Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ, въ послѣдній разъ,
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
Когда въ горахъ Черкесь суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.
Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокой,
Ложился день на томный долъ,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный плѣнникъ шелъ,
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали Русскіе штыки,
И окликались на курганахъ
Сторожевые казаки.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ Муза, легкой другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи летала,
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнялъ нарядъ суровой
Племень, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ:
Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ, и ржанье табуновъ.
Богиня пѣсенъ и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повторить она
Преданья грознаго Кавказа;
Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,

Мстислава ¹² древній поединокъ,
 Измѣны, гибель Россіянъ
 На лонѣ мстительныхъ Грузинокъ:
 И воспую тотъ славный часъ,
 Когда, почуя бой кровавый,
 На негодующій Кавказъ
 Подъялся нашъ орелъ двуглавый;
 Когда на Терекъ съдомъ
 Впервые грянулъ битвы громъ
 И грохотъ Русскихъ барабановъ,
 И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
 Явился пылкій Циціановъ;
 Тебя я воспую, герой,
 О Котляревскій, бичъ Кавказа!
 Куда ни мчался ты грозой —
 Твой ходъ, какъ черная зараза,
 Губилъ, ничтожилъ племена...
 Ты днесъ покинулъ саблю мести,
 Тебя не радуеть война;
 Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
 Вкушаешь праздный ты покой
 И тишину домашнихъ доловъ...
 Но се — востокъ подъяметъ вой!...
 Понижни снѣжною главой,
 Смирись, Кавказъ: идетъ Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
 Все Русскому мечу подвластно.
 Кавказа гордые сыны,

Мстиславъ, сынъ Св. Владиміра, прозванный *Удалымъ*, удѣльный князь Тмутаракана (островъ Тамань). Онъ воевалъ съ Косогами (по всей вѣроятности, нынѣшними Черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю. *Ист. Гос. Росс. Томъ II.*

Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованная брони,
Ни горы, ни лихія кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Измѣнить правдамъ Кавказъ,
Забудеть алчной брани гласъ,
Оставить стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

III.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

(1822.)

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнулъ рукой нетерпѣливой:
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ.
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ:

Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.
Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занять онъ?
На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ ли мѣстію кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ.
Страшится ли народовъ горь,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой.
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.

Уже ль въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣтъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?

Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и холодной,
На лонѣ скуки безотрадной,
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ.
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ Аравійскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ

И непримѣтно за собой
И младость и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью править лѣнь;
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младья жены, какъ нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры.
Или, при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями,
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ,
Гуляютъ легкими роями
Межъ ними ходить злой евнухъ,
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведенъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана
Ему единственный законъ;
Святую заповѣдь Корана
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не просить;
Какъ истуканъ, онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ, и ропотъ томной.
Ему извѣстенъ женскій нравъ;
Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
И на свободѣ и въ неволѣ:

Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
Невластны надъ его душой;
Онъ имъ уже не вѣритъ боль.

Раскинувъ легкіе вѣсы,
Какъ идутъ плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы,
Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
Онъ тутъ; онъ видитъ равнодушный,
Прелестницъ обнаженный рой;
Онъ по гарему въ тѣмъ ночной
Неслышными шагами бродитъ;
Ступая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадется дверямъ,
Отъ ложа къ ложу переходитъ;
Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ женъ
Роскошный наблюдаетъ сонъ,
Ночной подслушиваетъ лепетъ;
Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепетъ,
Все жадно примѣчаетъ онъ,
И горе той, чей шопоть сонной
Чужое имя призывалъ,
Или подругъ благосклонной
Порочны мысли довѣрялъ!

Что жъ полонъ грусти умъ Гирея?
Чубукъ въ рукахъ его потухъ;
Недвижимъ и дохнуть не смѣя,
У двери знака ждетъ евнухъ.
Встаетъ задумчивый властитель:

Предъ нимъ дверь настезь. Молча, онъ
Идетъ въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ женъ.

Безпечно, ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана,
На шелковыхъ коврахъ онъ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно инья
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы межъ тѣмъ
Шербетъ носили ароматной
И пѣсню звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смертию освятить:
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетить.

3.

«Но тотъ блаженный, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣеть, милая, тебя.»

Онъ поютъ. Но гдѣ Зарема
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей :
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ!... Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотю ?
Вокругъ мимейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣ дня, чернѣ ночи.
Чей голосъ выразить сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній ?
Какъ сердце, полное тобой,
Забьется для красы чужой?
Но, равнодушный и жестокой,
Гирей презрѣлъ твои красы,
И ночи хладныя часы
Проводитъ мрачный, одинокой

Съ тѣхъ поръ, какъ Польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной;
Съдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля.
Одну заботу вѣдалъ онъ,
Чтобъ дочери любимой доля
Была, какъ вешній день, ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали;
Чтобъ даже замужемъ она
Вспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло : тихій нравъ,
Движенья стройныя, живыя
И очи темно-голубыя.
Природы милые дары
Она искусствомъ украшала;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ страданьѣ тайномъ изнывали.
Но въ тишинѣ души своей

Она любви еще не знала,
 И независимый досугъ
 Въ отцовскомъ замкѣ межъ подругъ
 Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тмы Татаръ
 На Польшу хлынули рѣкою :
 Не съ столь ужасной быстротою
 По жатвѣ стелется пожаръ.
 Обезображенный войною,
 Цвѣтущій край осиротѣлъ;
 Исчезли мирныя забавы;
 Уныли села и дубравы,
 И пышный замокъ опустѣлъ.
 Тиха Мариина свѣтлица...
 Въ домово́й церкви, гдѣ кругомъ
 Почіютъ мощи хладнымъ сномъ,
 Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
 Воздвиглась новая гробница...
 Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
 Скупой наслѣдникъ въ замкѣ править
 И тягостнымъ ярмомъ безславить
 Опустошенную страну.

Увы! Дворецъ Бахчисарая
 Скрываетъ юную княжну :
 Въ неволѣ тихой увядая,
 Марія плачетъ и груститъ.
 Гирей несчастную щадить :
 Ея унынье, слезы, стоны
 Тревожатъ хана краткій сонъ,
 И для нея смягчаетъ онъ
 Гарема строгіе законы.

Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
 Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ:
 Рукой заботливой не онъ
 На ложе сна ее возводитъ;
 Не смѣетъ устремиться къ ней
 Обидный взоръ его очей;
 Она въ купальнѣ потаенной
 Одна съ невольницей своей;
 Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
 Печальной возмущать покой;
 Гарема въ дальнемъ отдѣленѣ
 Позволено ей жить одной:
 И, мнится, въ томъ уединенѣ
 Сокрылся нѣкто неземной.
 Тамъ день и ночь горитъ лампада
 Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
 Души тоскующей отрада,
 Тамъ Упованье въ тишинѣ
 Съ смиренной Вѣрой обитаетъ,
 И сердцу все напоминаетъ
 О близкой, лучшей сторонѣ...
 Тамъ дѣва слезы проливаетъ
 Вдали завистливыхъ подругъ;
 И между тѣмъ, какъ все вокругъ
 Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
 Святыню строгую скрываетъ
 Спасенный чудомъ уголокъ:
 Такъ сердце, жертва заблужденій,
 Среди порочныхъ упоеній,
 Хранитъ одинъ святой залогъ,
 Одно божественное чувство...

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На доли, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрыты бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Простыхъ Татаръ спѣшатъ супруги
Дѣлить вечерніе досуги.
Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
Объятый нѣгой безмятежной;
Не прерывается ничѣмъ
Спокойство ночи. Стражъ надежной,
Дозоромъ обошелъ евнухъ.
Теперь онъ спитъ; но страхъ прилѣжной
Тревожить въ немъ и спящій духъ.
Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
Покоя не даетъ ему.
То чей-то шорохъ, то шептанье,
То крики чуждыя ему;
Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
Онъ пробуждается, дрожить,
Напуганнымъ приникнувъ ухомъ...
Но все кругомъ него молчить;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны

Во мракъ соловьи поють;
 Евнухъ еще имъ долго внемлетъ,
 И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ мимы темныя красы
 Ночей роскошнаго востока!
 Какъ сладко льются ихъ часы
 Для обожателей пророка!
 Какая нѣга въ ихъ домахъ,
 Въ очаровательныхъ садахъ,
 Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
 Гдѣ подъ вліяніемъ луны
 Все полно тайнъ и тишины
 И вдохновенный сладострастныхъ!

Всѣ жены спятъ. Не спитъ одна;
 Едва дыша, встаетъ она;
 Идетъ; рукою торопливой
 Открыла дверь; во тьмѣ ночной
 Ступаетъ легкою ногой...
 Въ дремотѣ чуткой и пугливой
 Предъ ней лежитъ евнухъ съдой.
 Ахъ, сердце въ немъ неумолимо:
 Обманчивъ сна его покой!...
 Какъ духъ, она проходитъ мимо.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка...
 Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
 И тайный страхъ въ нее проникъ.
 Лампады свѣтъ уединенный,

Кивоть, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ
И крестъ, любви символъ священный...
Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.
Предъ ней покоилась княжна,
И жаромъ дѣвственнаго сна
Ея ланиты оживлялись
И, слезъ являя свѣжій слѣдъ,
Улыбкой томной озарялись:
Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
Спорхнувшій съ неба, сынъ Эдема,
Казалось, ангелъ почивалъ
И сонный слезы проливалъ
О бѣдной плѣнницѣ гарема...
Увы, Зарема, что съ тобой!
Стѣснилась грудь ея тоской,
Невольнo клонятся колѣни,
И молить: «сжался надо мной,
Не отвергай моихъ моленій!»...
Ея слова, движенье, стонъ
Прервали дѣвы тихій сонъ.
Княжна со страхомъ предъ собою
Младую незнакомку зрить;
Въ смятенъ, трепетной рукою
Ее подьема, говорить:
«Кто ты?... Одна, порой ночью,
Зачѣмъ ты здѣсь?»—«Я шла къ тебѣ:
Спаси меня; въ моей судьбѣ

Одна надежда мнѣ осталась...
Я долго счастьемъ наслаждалась,
Была безпечнѣй день отъ дня...
И тѣнь блаженства миновалась;
Я гибну. Выслушай меня.

«Родилась я не здѣсь, далеко,
Далеко... но минувшихъ дней
Предметы въ памяти моей
Донынѣ врѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,
Потоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море
И человѣка въ вышинѣ
Надъ парусами...

Страхъ и горе

Донынѣ чужды были мнѣ;
Я въ безмятежной тишинѣ
Въ тѣни гарема расцвѣтала
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,
Пресѣкъ ужасные набѣги
И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана въ смутномъ ожиданьѣ
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ

Остановилъ на мнѣ въ молчаньѣ,
Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
Мы въ непрерывномъ упоеньѣ
Дышали стастьемъ; и ни разъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась...
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докученъ сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
Со мною не находитъ онъ.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю, не твоя вина...
И такъ послушай: я прекрасна;
Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла бъ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь;
Зачѣмъ же холодной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ: онъ мой;
На мнѣ горять его лобзанья;
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;
Давно всѣ думы, всѣ желанья
Гирей съ моими сочеталъ;
Меня убьетъ его измѣна...
Я плачу!... видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой.

Молю, винить тебя не смѣя,
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея...
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отвори его;
Клянись... (хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла вѣру прежнихъ дней;
Но вѣра матери моеи
Была твоя) клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею...
Но слушай : если я должна
Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена.»

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣеть слѣдовать княжна.
Невинной дѣвѣ непонятенъ
Языкъ мучительныхъ страстей :
Но голосъ ихъ ей смутно внятень,
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.
Какія слезы и моления
Ее спасутъ отъ посрамленья?
Что ждетъ ее? Уже ли ей
Остатокъ горькихъ юныхъ дней
Провестъ наложницей презрѣнной?
О Боже! если бы Гирей
Въ ея темницѣ отдаленной
Забылъ несчастную на вѣкъ,
Или кончиной ускоренной

Унылы дни ея пресѣкъ;
 Съ какою бѣ радостью Марія
 Оставила печальный свѣтъ!
 Мгновенья жизни дорогія
 Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
 Что дѣлать ей въ пустынь мѣра?
 Ужъ ей пора; Марію ждуть,
 И въ небеса на лоно мира
 Родной улыбкою зовутъ.

Промчались дни; Маріи нѣтъ.
 Мгновенно сирота почила,
 Она давно-желанный свѣтъ,
 Какъ новый ангелъ, озарила.
 Но что же въ гробъ ее свело?
 Тоска ль неволи безнадежной,
 Болѣзнь, или другое зло,
 Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!...
 Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
 Его Гирей опять оставилъ;
 Съ толпой Татаръ въ чужой предѣлъ
 Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный, кровожадный :
 Но въ сердца хана чувствъ иныхъ
 Таится пламень безотрадный.
 Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю, и съ размаха
 Недвижимъ остается вдругъ,
 Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
 Блѣднѣетъ, будто полный страха,

И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы лъетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зрить его лица;
Тамъ обреченныя мученю,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣють жены. Между ними
Давно Грузинки нѣтъ; она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая бѣ ни была вина,
Ужасно было наказанье!

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ
И, въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символь конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись; ѣдкими годами
Еще не сгладилась она
За чуждыми ея чертами
Журчить во мраморъ вода
И каплетъ хладными слезами,

Не умолкая никогда.
 Такъ плачетъ мать во дни печали
 О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
 Младья дѣвы въ той странѣ
 Преданье старины узнали,
 И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ съверъ наконецъ,
 Пиры надолго забывая,
 Я посѣтилъ Бахчисарая
 Въ забвеньи дремлющій дворецъ;
 Среди безмолвныхъ переходовъ,
 Бродилъ я тамъ, гдѣ, бичъ народовъ,
 Татаринъ буйный пировалъ.
 И послѣ ужасовъ набѣга
 Въ роскошной лѣни утопалъ.
 Еще понынѣ дышетъ нѣга
 Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
 Играютъ воды, рдѣютъ розы,
 И вьются виноградны мозы,
 И золото блещетъ на стѣнахъ.
 Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
 За коими, въ своей веснѣ,
 Янтарны разбирая четки,
 Вдыхали жены въ тишинѣ.
 Я видѣлъ ханское кладбище,
 Владыкъ послѣднее жилище.
 Сии надгробные столбы,
 Въвѣчанны мраморной чалмою,
 Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
 Гласили внятную молвою.

Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось... но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было :
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!...

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ : чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбежный?
Маріи ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарема?

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную...

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь Таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,

Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй и тополей прохлада;
Все чувство путника манить,
Когда, въ часъ утра безмятежной,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага...

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ БАХЧИСАРАЙСКОМУ ФОНТАНУ.

1.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ТАВРИДѢ И. М. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА.

—

«Вчера ввечеру, подѣхавъ къ Бахчисараю и спустившись въ ущелину, въ которой онъ лежитъ, я засвѣтло успѣлъ только пробѣжать длинную улицу, ведущую къ Хансараю (т. е. къ ханскому дворцу), на восточномъ концѣ города находящемуся. Солнце давно уже не видно было за горами, и сумракъ начиналъ сгущаться, когда я вступилъ на первый дворъ *сарая*. Это не помѣшало мнѣ пробѣжать по теремамъ и дворамъ Таврической *Аламбры*; и чѣмъ менѣе видимы становилися предметы, тѣмъ живѣе дѣлалась игра воображенія моего, наполнившагося радужными цвѣтами восточной поэзіи.

Я поведу тебя, мой другъ, не изъ покоевъ, но, такъ какъ должно, отъ внѣшнихъ воротъ, въ которыя проѣздъ съ улицы, по мосту, чрезъ узкую *грязную рѣчку Сурукъ-су*. Прошедъ въ ворота, ты на первомъ дворѣ, на пространномъ паралелограмѣ, коего противоположный входу малый бокъ граничить съ садовыми террасами; оба же большіе заняты на лѣвой сторонѣ мечетью и службами, а съ правой дворцемъ, состоящимъ изъ смежныхъ, неодинаковой высоты зданій. На этой правой сторонѣ, чрезъ ворота, подъ строеніемъ находящіяся, ты проходишь во внутренній дворъ, гдѣ тотчасъ на лѣвой рукѣ представляются тебѣ желѣзныя двери, пестро въ Аравскомъ вкусѣ украшенныя, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Оттоманской луны.

Переступивъ за порогъ, ты въ пространныхъ сѣняхъ, на мраморномъ помостѣ и на правой рукѣ видишь широкое крыльцо, ведущее на верхнія палаты. Но сперва остановимся въ сѣняхъ и посмотримъ на два прекрасные фонтана, безпрестанно лющіе воду изъ стѣны въ бѣлыя мраморныя чаши, одинъ на супротивъ дверей, другой тотчасъ на лѣво.

Дабы не оставить ничего недосказаннымъ о семъ нижнемъ помостѣ, замѣтимъ широкій коридоръ отъ лѣваго угла противоположно входу стѣны, ведущей прямо въ домовую ханскую божницу, надъ дверью коей начертано:

«Селамидъ-Гирей ханъ, сынъ Гаджи-Селимъ Гирей хана (*).»

Другая дверь того же коридора на лѣво даетъ входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ вокругъ стѣнъ до половины покоя, съ мраморнымъ посреди онаго водометомъ. Это убѣжище прелестно прохладю въ знойные часы, когда раскаляются отъ жара окружающія Бахчисарай горы. Третья дверь ведетъ въ ханскій диванъ, т. е. въ комнату, гдѣ собирався государственный совѣтъ; въ нее есть входъ и черезъ переднюю, снаружи отъ большаго двора.

Когда я опишу тебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, разнствующихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на стѣнахъ. Какъ фасадъ строенія не по прямой чертѣ, а городками, то первое должно замѣтить, что главныя залы освѣщены съ трехъ сторонъ, т. е. всѣ изъ фасада выступающія оныхъ стѣны вплось окончатыя. Другаго входа въ залу нѣтъ, кромѣ одной двери боковой, непримѣтной, между пиластрами Аравскаго вкуса, между коими и шкафы, также непримѣтныя, находятся по всей темной этой стѣнѣ. Надъ оными стекла (въ лучшихъ залахъ) снутри и снаружи покоя, до потолка, между коими стоятъ украшенія лѣпной работы, какъ то: чаши съ плодами, съ цвѣтами, или деревца съ чучелами разныхъ птицъ. Потолки также, какъ и темная стѣна, столярной работы и весьма красивы: это тоненькая вызолоченая рѣшетка, лежащая на лаковомъ грунтѣ, густаго краснаго цвѣта; на полу я увидѣлъ знакомые мнѣ по Испаніи *эстеры*, т. е. рогожки весьма искусно сплетенныя изъ тростника, родъ *гениста*, и употребляемыя въ сто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или каменныхъ. Для защиты отъ яркости лучей въ комнатахъ, съ трехъ сторонъ освѣщенной, кромѣ ставней, служатъ еще и цвѣтныя, узорчатыя стекла въ окнахъ,

(*) Селамидъ владѣлъ отъ 1587 по 1610.

любимое рыцарскихъ замковъ украшеніе, безъ сомнѣнія занятое Европейцами отъ восточныхъ народовъ, во время Крестовыхъ походовъ. Если въ заключеніе сего общаго описанія ты представишь себѣ диванъ, т. е. подушки, нѣкогда изъ шелковыхъ тканей, на полу лежащія вокругъ всѣхъ стѣнъ, исключая темной, ты будешь имѣть понятіе о лучшихъ залахъ дворца, кромѣ трехъ или четырехъ, передѣланныхъ для Императрицы Екатерины II, въ Европейскомъ вкусѣ, съ высокими диванами, креслами и столами. Сія послѣдняя утварь особливо драгоцѣнна для насъ *крещеными*, ибо во всѣхъ странахъ, гдѣ проповѣдуется Коранъ, правовѣрные вмѣсто столовъ употребляютъ низкія круглыя скамьи, на которыя ставятъ подносы и ѣдятъ на нихъ сидя, поджавъ подъ себя ноги на полу.

Ты легко догадаться можешь, что въ сторонѣ отъ сего строенія находился гаремъ, неприступный для всѣхъ, кромѣ хана, и для того имѣющій сообщеніе чрезъ коридоръ съ дворцомъ. Эта часть болѣе всѣхъ въ упадкѣ. Разные домики, въ коихъ нѣкогда жертвы любви, или лучше сказать любострастія, томилися въ неволѣ, представляютъ теперь печальную картину разрушенія; обвалившіеся потолки, изломанные полы. Время сокрушило узилище; но что въ томъ пользы, когда то же время, рокомъ узникамъ опредѣленное, протекло для нихъ безотрадно въ рабскихъ угожденіяхъ *одному*, не по сердцу избранному другу, но жестокому властелину! На краю сего гарема стоитъ на большомъ дворѣ высокая шести-угольная бесѣдка, съ рѣшетками вмѣсто оконъ, изъ которой, какъ сказываютъ, ханскія жены, невидимыя, смотрѣли на игры, вѣзды пословъ и другія позорища. Пные говорятъ, будто тутъ ханъ любовался фазанами и показывалъ ихъ любимицамъ своимъ. Это послѣднее потому только вѣроятно, что пѣтухъ съ семействомъ своимъ есть единственная картина, которую супругъ-мусульманъ можетъ представлять невольницамъ своимъ, въ оправданіе многоженства. Между сею полусогнившею бесѣдкою и комнатою, о которой я говорилъ, на нижнемъ помостѣ, съ мраморнымъ фонтаномъ, есть прекрасный цвѣтничекъ, гдѣ миртъ и розы могли нѣкогда внушать пѣсни Татарскому Анакреону.

Но пора оставить сія, грудь тѣснящіе памятники невольничества и выйти подышать на чистомъ воздухѣ. Вотъ на супротивъ большихъ воротъ, на концѣ двора, къ горѣ примыкающагося, террасы въ четыре уступа, на коихъ плодоносныя деревья, виноградъ на рѣшеткахъ и прозрачные источники, съ уступа на другой лиющіеся въ каменные бассейны. Можетъ быть, нѣкогда мурзы-царе-

дворцы, уподобляя Гиреевъ владыкамъ Вавилона, сравнивали и террасы ихъ съ висящими садами Семирамиды: но теперь Крымское чудо сіе представляетъ видъ опустѣнія, такъ какъ и всѣ памятники въ Тавридѣ. Болѣе всего жаль драгоценнѣйшаго здѣсь сокровища, воды: многія трубы уже засорились, а нѣкоторые источники и совсѣмъ исчезли.

За мечетью, внѣ двора, кладбище хановъ и султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ покоится подъ бѣлыми, мраморными гробницами, оственными высокими тополями, орѣховыми и шелковичными деревьями. Тутъ лежатъ Менгли и отецъ его, основатель могущества царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями.

Прежде, нежели оставимъ сію юдоль сна непробуднаго, я укажу тебѣ отсюда на холмъ, влѣво отъ верхней садовой террасы, на коемъ стоитъ красивое зданіе съ круглымъ куполомъ: это мавзолей прекрасной Грузинки, жены хана Керимъ-Гирея. Новая Заира, силою прелестей своихъ, она повелѣвала тому, кому все здѣсь повиновалось; но не долго: увялъ райскій цвѣтъ въ самое утро жизни своей и безотрадный Керимъ соорудилъ *любезной* памятникъ сей, дабы ежедневно входить въ оный и утѣшаться слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы, но вѣтъ уже болѣе входа къ нему; дверь наглухо заложена. Странно очень, что всѣ здѣшніе жители непремѣнно хотятъ, чтобъ эта красавица была не Грузинка, а Полячка, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керимъ-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ съ ними, сколько ни увѣрялъ ихъ, что преданіе сіе не имѣетъ никакого историческаго основанія, и что во второй половинѣ XVIII вѣка не такъ легко было Татарамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои остались бесполезными. Они стоятъ въ одномъ: красавица была Потоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, какъ развѣ принятое и справедливое мнѣніе, что красота женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Потоцкихъ.»

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ
Б. ДЕЛЬВИГУ.

—

Изъ Азій переѣхали мы въ Европу (*) на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную *Митридатову гробницу* (развалины какой-то бабни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапен не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшія ровъ, старые кирпичи — и только. Изъ Θεодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы... «Вотъ Четырдагъ» сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ Татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный...

Въ Юрзуфѣ жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію Неаполитанскаго *Lazzaroni*. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

(*) Изъ Тамани въ Керчь.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и путешествіе М. (*) оживило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ его по скаламъ Кикенейса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ Татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я баснословныя развалины храма Діаны. Видно, мѣологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слышалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К*** поэтически описывала мнѣ его, называя *la fontaine des larmes*. Вошелъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большою досадою на набереженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. N. N. почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище:

Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говорить М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непременно имъ воспользовался.

(*) И. М. Муравьева-Апостола, выписка изъ коего приведена выше.

Прим. изд.

IV.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

(1822.)

Не стая вороновъ слеталась
На груди тлѣющихъ костей,
За Волгой, ночью, вокругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець —
Живутъ безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглець
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ Еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, Башкирецъ безобразной,
И рыжій Финъ, и съ лѣнью праздною

Вездѣ кочующій Цыганъ.
Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ,
Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все, теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
И чарка пѣннаго вина
Изъ рукъ въ другія переходитъ.
Простерты на землѣ сырой
Иные чутко засыпаютъ:
И сны зловѣщіе летаютъ
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ рассказы сокращаютъ
Угрюмой ночи празднѣе часъ;
Умолкли всѣ — ихъ занимаетъ
Пришельца новаго рассказъ,
И все вокругъ его внимаетъ.

«Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость:
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,

И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ.
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь:
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

Ахъ, юность, юность удамая!
Житье въ то время было намъ,
Когда погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ ли позднею дорогой
Богатый жидъ иль попъ убогой —
Все наше! все себѣ беремъ.
Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ свѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи —
Туда! къ воротамъ! и стучимъ,

Хозяйку громко вызываемъ,
Вошли — все даромъ: пьемъ, ѣдимъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

И что жъ? попались молодцы;
Недолго братья пировали:
Поймали насъ — и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами,
И вынести больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами
Я уцѣльлъ — онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньи, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно:
«Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
Воды, воды!...» но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ:
Онъ снова жаждою томился,
И градомъ потъ по немъ катился.
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жаръ ядовитаго недуга;
Ужъ онъ меня не узнавалъ
И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: «гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашень

Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
И ночью тамъ, могущъ и страшень,
Убійству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волъ
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!...»
То снова разгарались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека
Всѣхъ чаще образъ старика,
Давно зарѣзаннаго нами
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
«Братъ! сжался надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ...
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасень...
Пусти его — онъ не опасень;
Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!...»
Я слушалъ, ужасъ одолевъ;
Хотѣлъ унять больнаго слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ;
То слышалъ ихъ ужасный шопоть,
То вдругъ погони близкій топоть,

И дико взгляды его сверкаль,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листъ онъ трепеталъ.
То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнутъ, и грозныхъ палачей...
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упадаль ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились;
Болѣзнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
И стражи кликъъ, и звонъ цѣпей,
И легкой шумъ залетной птицы.

По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,

Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
Бухъ! — поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ,
И разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: «Лови! лови! уйдутъ!»
Два стража издали плывутъ,
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ
Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою;
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ
И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо —
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ — мы въ воду вновь.
За нами гнаться не посмѣли,
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдной братья..
И трудъ и волнь осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ,
И злыя грезы посѣтили.

Три дня больной не говорил
И не смыкала очей дремотой;
Въ четвертый, грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одольвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ,
И на груди моей уснулъ.

Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется ли мертвецъ?
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ; грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ...
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пиры, веселые ночлеги,
И наши буйные набѣги—
Могила брата все взяла.
Влачусь угрюмой, одинокой;
Окаменѣлъ мой духъ жестокой
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мнѣ страшно рѣзать старика;
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,

Безъ памяти въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ.»

Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горючею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
Ты плачешь! полно, брось печали,
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать,
Ну, подчивай сосѣдъ сосѣда!
И кружка вновь пошла кругомъ;
Намигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго своя есть повѣсть,
Всякъ хвалитъ мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцахъ дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день.

V.

ЦЫГАНЫ.

(1824.)

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность весель ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телегъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горить огонь; семья кругомъ
Готовить ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недалній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,

И звонъ походной наковальни.
 Но вотъ на таборъ кочевой
 Нисходитъ сонное молчанье,
 И слышно въ тишинѣ степной
 Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
 Огни вездѣ погашены,
 Спокойно все, луна сіяетъ
 Одна съ небесной вышины
 И тихій таборъ озаряетъ.
 Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
 Онъ передъ углями сидитъ,
 Согретый ихъ послѣднимъ жаромъ,
 И въ поле дальнее глядитъ,
 Ночнымъ подернутое паромъ.
 Его молоденькая дочь
 Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
 Она привыкла къ рѣзвой волѣ;
 Она придетъ; но вотъ ужъ ночь
 И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
 Небесъ далекихъ облака;
 Земфиры нѣтъ, какъ нѣтъ, и стынетъ
 Убогій ужинъ старика.

Но вотъ она. За нею слѣдомъ
 По степи юноша спѣшитъ;
 Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
 «Отецъ мой, дѣва говоритъ,
 Веду я гостя: за курганомъ
 Его въ пустынѣ я нашла
 И въ таборъ на ночь зазвала.
 Онъ хочетъ быть какъ мы Цыганомъ;
 Его преслѣдуетъ законъ,

Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду.»

Старикъ.

Я радъ. Останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долъ,
Какъ ты захочешь. Я готовъ
Съ тобой дѣлить и хлѣбъ и кровь.
Будь нашъ, привыкни къ нашей долъ,
Бродящей бѣдности и волъ;
А завтра съ утренней зарей
Въ одной телегѣ мы поѣдемъ;
Примись за промыселъ любой:
Жельзо куй, иль пѣсни пой
И села обходи съ медвѣдемъ.

Алеко.

Я остаюсь.

Земфира.

Онъ будетъ мой:
Кто жъ отъ меня его отгонитъ?
Но поздно... мѣсяцъ молодой
Зашель, поля покрыты мглой
И сонъ меня невольно клонитъ...

—

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
Вокругъ безмолвнаго шатра.
«Вставай, Земфира, солнце всходитъ;
Проснись, мой гость, пора, пора!

Оставьте, дѣти, ложе нѣги.»
И съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться въ походъ:
Все вмѣстѣ тронулось: и вотъ
Толпа валить въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ,
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ во слѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, Цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телегъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

—

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину,
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира.
Теперь онъ вольный житель міра,

И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещеть;
Что жъ сердце юноши трепещеть?
Какой заботой онъ томимъ?

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ:
Солнце красное взойдетъ,
Птичка гласу Бога внимлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ —
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людымъ скучно, людымъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетной,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога;
Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звѣзда;

Нежданно роскошь и забавы
 Къ нему являлись иногда;
 Надъ одинокой головою
 И громъ нерѣдко грохоталъ;
 Но онъ безопасно подъ грозою,
 И въ ведро ясное дремалъ,
 И жилъ, не признавая власти
 Судьбы коварной и слѣпой;
 Но, Боже, какъ играли страсти
 Его послушную душой!
 Съ какимъ волненіемъ кипѣли
 Въ его измученной груди!
 Давно ль, на долго ль усмирѣли?
 Онъ проснется: погоди.

—

Земфира.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
 О томъ, что бросилъ навсегда?

Алеко.

Что жъ бросилъ я?

Земфира.

Ты разумѣешь:

Людей отчизны, города.

Алеко.

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
 Когда бы ты воображала
 Неволю душныхъ городовъ!
 Тамъ люди въ кучахъ, за оградой

Не дышать утренней прохладой.
Ни вешнимъ запахомъ луговъ:
Любви стыдятся, мысли гонять,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонять
И просить денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волнение,
Предразсуждений приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

ЗЕМФИРА.

Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтные ковры,
Тамъ игры, шумные пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

АЛЕКО.

Что шумъ веселій городскихъ?
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
А дѣвы... Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
А я... одно мое желанье —
Съ тобой дѣлать любовь, досугъ
И добровольное изгнанье.

СТАРИКЪ.

Ты любишь насъ, хоть и рождень
Среди богатаго народа:
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.
Межъ нами есть одно преданье:

Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье.
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье).
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной:
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобной.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на берегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святаго старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдной.
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье,
Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье,
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальный градъ вспоминая.
И завѣщалъ онъ умирая,
Чтобы на югъ перенесли

Его тоскующія кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

Алеко.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ: что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

Прошло два лѣта. Также бродятъ
Цыганы мирною толпой;
Вездѣ, по прежнему, находятъ
Гостепріимство и покой.
Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ какъ они:
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни.
Все тотъ же онъ, семья все та же;
Онъ прежнихъ лѣтъ не помня даже,
Къ бытью цыганскому привыкъ.
Онъ любить ихъ ночлеговъ сѣни
И упоенье вѣчной лѣни
И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
Медвѣдь, бѣглець родной берлоги,
Косматый гость его шатра,

Въ селеньяхъ, вдоль стелной дороги,
 Близь Молдаванскаго двора
 Передъ толпою осторожной
 И тяжко пляшетъ и реветъ,
 И цѣпь докучную грызетъ.
 На посохъ опершись дорожной,
 Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
 Алеко съ пѣнъемъ звѣря водить,
 Земфира поселянъ обходить
 И дань ихъ вольную беретъ;
 Настанетъ ночь; они всѣ трое
 Варятъ нежатое пшено;
 Старикъ уснулъ — и все въ покоѣ...
 Въ шатрѣ и тихо и темно.

—

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣетъ
 Ужъ остывающую кровь;
 У люльки дочь поетъ любовь.
 Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

Земфира.

Старый мужъ, грозный мужъ,
 Рѣжь меня, жги меня :
 Я тверда, не боюсь
 Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
 Презираю тебя;
 Я другаго люблю,
 Умираю любя.

Алеко.

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикихъ пѣсень не люблю.

Земфира.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсню для себя пою.

Рѣжь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ,
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣ весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любить меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

Алеко.

Молчи, Земфира, я доволенъ...

Земфира.

Такъ понялъ пѣсню ты мою?

Алеко.

Земфира!...

Земфира.

Ты сердиться воленъ,
Я пѣсню про тебя пою.

(*Входитъ и поетъ: старый мужъ и проч.*)

Старикъ.

Такъ, помню, помню : пѣсня эта
 Во время наше сложена;
 Уже давно въ забаву свѣта
 Поется межъ людей она.
 Кочуя на степяхъ Кагула,
 Ее бывало въ зимню ночь
 Моя пѣвала Мариула,
 Передъ огнемъ качая дочь.
 Въ умъ моемъ минувши лѣта
 Чась отъ часу темнѣй, темнѣй;
 Но заронилась пѣсня эта
 Глубоко въ памяти моей.

—

Все тихо; ночь; луной украшенъ
 Лазурный юга небосклонъ;
 Старикъ Земфирой пробужденъ.
 «О мой отецъ, Алеко страшень :
 Послушай, сквозь тяжелый сонъ
 И стонетъ и рыдаетъ онъ.»

Старикъ.

Не тронь его, храни молчанье.
 Слыхалъ я Русское преданье :
 Теперь полуночной порой
 У спящаго тѣснить дыханье
 Домашній духъ; передъ зарей
 Уходитъ онъ. Сиди со мной.

Земфира.

Отецъ мой! шепчетъ онъ : Земфира !

Старикъ.

Тебя онъ ищетъ и во снѣ :
Ты для него дороже міра.

Земфира.

Его любовь постыла мнѣ.
Мнѣ скучно, сердце воли просить,
Ужъ я... но тише! слышишь? онъ
Другое имя произноситъ.

Старикъ.

Чье имя?

Земфира.

Слышишь? хриплый стонъ
И скрежетъ ярый!... Какъ ужасно!
Я разбужу его.

Старикъ.

Напрасно,
Ночнаго духа не гони;
Уйдетъ и самъ.

Земфира.

Онъ повернулся;
Привсталъ; зоветъ меня; проснулся.
Иду къ нему. — Прощай, усни.

Алеко.

Гдѣ ты была?

Земфира.

Съ отцемъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла.

Мученья. Ты меня страшилъ :
Ты сонный скрежеталъ зубами
И звалъ меня.

Алеко.

Мнѣ снилась ты.
Я видѣлъ, будто между нами.....
Я видѣлъ страшныя мечты.

Земфира.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

Алеко.

Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему.

—

Старикъ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубить.

Алеко.

Отецъ! она меня не любить.

Старикъ.

Утѣшься, другъ; она дитя.
Твое унынье безразсудно :
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.

Взгляни : подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она.
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озарить,
И вотъ, ужъ перешла въ другое
И то не долго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя : тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ :
Люби одно, не измѣнись!
Утѣшься!

Алеко.

Какъ она любила!

Какъ, нѣжно преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ,
Иль упоительнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И что жъ? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла.

Старикъ.

Послушай, расскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожалъ еще Москаль
(Вотъ видишь : я припоминаю,

Алеко, старую печаль) —
Тогда боялись мы Султана;
А правилъ буджакомъ Паша
Съ высокихъ башенъ Акермана.
Я молодъ былъ; моя душа
Въ то время радостно кипѣла,
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣлѣла;
Между красавицъ молодыхъ
Одна была..... и долго ею
Какъ солнцемъ любовался я,
И наконецъ назвалъ моею.

Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее: только годъ
Меня любила Мариула.

Однажды, близъ Кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близъ нашихъ у горы,
Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спалъ; заря блеснула;
Проснулся я: подруги нѣтъ!
Ищу, зову — пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!.... Съ этихъ поръ

Постыли мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

Алеко.

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной,
И хищнику, и ей коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

Старикъ.

Къ чему? вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

Алеко.

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя;
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ:
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гуль.

Молодой Цыганъ.

Еще одно, одно лобзанье!

Земфира.

Пора: мой мужъ ревнивъ и золь.

Цыганъ.

Одно..... но долъ! на прощанье.

Земфира.

Прощай, покамѣсть не пришелъ.

Цыганъ.

Скажи — когда жъ опять свиданье?

Земфира.

Сегодня, какъ зайдетъ луна,

Тамъ, за курганомъ надъ могилой...

Цыганъ.

Обманеть! не придетъ она.

Земфира.

Бѣги — вотъ онъ. Приду, мой милый.

—

Алеко спитъ. Въ его умѣ
 Видѣнье смутное играетъ;
 Онъ, съ крикомъ пробудясь во тьмѣ,
 Ревниво руку простираетъ:
 Но обрѣвая рука
 Покровы хладные хватаетъ —
 Его подруга далека...
 Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ:

Все тихо; страхъ его объемлетъ;
 По немъ текутъ и жаръ и хладъ;
 Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ,
 Вокругъ телегъ ужасенъ бродить;
 Спокойно все; поля молчать!
 Темно; луна зашла въ туманы;
 Чуть брежжетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ,
 Чуть по росѣ примѣтный слѣдъ
 Ведетъ за дальные курганы:
 Нетерпѣливо онъ идетъ,
 Куда зловѣщій слѣдъ ведетъ
 Могила на краю дороги
 Вдали бѣлѣетъ передъ нимъ,
 Туда слабѣющія ноги
 Влачить, предчувствіемъ томимъ,
 Дрожать уста, дрожать колѣни.
 Идетъ... и вдругъ... иль это сонъ?
 Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни
 И близкій шопоть слышитъ онъ
 Надъ обезславленной могилой.

Первый голосъ.

Пора —

Второй голосъ.

Постой!

Первый голосъ.

Пора, мой милый

Второй голосъ.

Нѣтъ, нѣтъ! постой, дождемся дня.

Первый голосъ.

Ужъ поздно.

Цыганы.

Второй голосъ.

Какъ ты робко любишь.

Минуту!

Первый голосъ.

Ты меня погубишь.

Второй голосъ.

Минуту!

Первый голосъ.

Если безъ меня

Проснется мужъ...

Алеко.

Проснулся я.

Куда вы? не спѣшите оба;

Вамъ хорошо и здѣсь у гроба.

Земфира.

Мой другъ, бѣги, бѣги!

Алеко.

Постой!

Куда, красавецъ молодой?

Лежи!

(Вонзаетъ въ него ножъ).

Земфира.

Алеко!

Цыганъ.

Умираю!

Земфира.

Алеко! ты убьешь его!

Взгляни: ты весь обрызганъ кровью!

О, что ты сдѣлалъ?

Алеко.

Ничего.

Теперь дыши его любовью.

Земфира.

Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убійство проклинаю.

Алеко.

Умри жъ и ты! (*Поражаетъ ее*).

Земфира.

Умру любя.

—

Востокъ денницей озаренный
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали;
Убійца страшень былъ лицомъ;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу въ сторонѣ копали,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;
Подняли трупы, понесли
И въ лоно хладное земли

Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда же ихъ закрыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился,
И съ камня на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рекъ :
«Оставь насъ, гордый человекъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казимъ,
Не нужно крови намъ и стонувъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рождёнъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ :
Мы робки и добры душою,
Ты золь и смѣлъ; — оставь же насъ,
Прости! да будетъ миръ съ тобою.»

Сказалъ и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телега,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полъ роковомъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подьѣмлетя съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдалъ на югъ несется,

Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ телегъ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

ЭПИЛОГЪ.

Волшебной силой прѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу Русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавою
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей
Надъ рубежами древнихъ становъ
Телеги мирныя Цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны,
И ваши сѣни кочевья
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣды,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

VI.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

(1825.)

Пора, пора! рога трубятъ;
Псаря въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзья прыгаютъ на сворахъ.
Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обзрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарню тревогу.

Вотъ мужу подвели коня;
 Онъ холку хватъ и въ стремя ногу,
 Кричитъ женѣ: не жди меня!
 И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября
 (Презрѣнной прозой говоря)
 Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
 Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,
 Да вой волковъ. Но то-то счастье
 Охотнику! Не зная нѣгъ,
 Въ отъѣздѣ полѣ онъ гарцуетъ,
 Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
 Бранится, мокнетъ и пируетъ
 Опустошительный набѣгъ.

А что же дѣлаетъ супруга,
 Одна въ отсутствіе супруга?
 Занятій мало ль есть у ней?
 Грибы солить, кормить гусей,
 Заказывать обѣдъ и ужинъ,
 Въ амбаръ и въ погребъ заглянуть.
 Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
 Онъ вмигъ замѣтитъ что нибудь.

Къ несчастью, героиня наша
 (Ахъ, я забылъ ей имя дать!
 Мужъ просто звалъ ее Наташа,
 Но мы — мы будемъ называть
 Наталья Павловна), къ несчастью,
 Наталья Павловна совсѣмъ
 Своей хозяйственной частью

Не занималася, затѣмъ,
Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ;
Предъ ней открытъ четвертой томъ
Сентиментальнаго романа:
Любовь Эммы и Армана,
Иль Переписка двухъ семей —
Романъ классическій, старинной,
Отмѣнно длинной, длинной, длинной,
Нравоучительный и чинной,
Безъ романтическихъ затѣй.

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали;
Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
Индѣйки съ крикомъ выступали
Во слѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
Три утки полоскались въ лужѣ;
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ;
Погода становилась хуже:
Казалось, снѣгъ идти хотѣлъ...
Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
 Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
 Какъ сильно колокольчикъ дальней
 Порой волнуеть сердце намъ.
 Не другъ ли ѣдетъ запоздалой,
 Товарищъ юности удалой?...
 Ужь не она ли?.. Боже мой!
 Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
 Но мимо, мимо звукъ несется,
 Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Наталья Павловна къ балкону
 Бѣжить, обрадована звону,
 Глядитъ и видитъ: за рѣкой
 У мельницы коляска скачетъ,
 Вотъ на мосту — къ намъ точно... нѣтъ,
 Поворотила въ лѣво. Вслѣдъ
 Она глядитъ и чуть не плачетъ.
 Но вдругъ... о радость! косогоръ —
 Коляска набокъ. «Филька! Васька!
 Кто тамъ? скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
 Сейчасъ везти ее на дворъ
 И барина просить обѣдать;
 Да живъ ли онъ?... бѣги провѣдать!
 Скорѣй, скорѣй!»

Слуга бѣжить.

Наталья Павловна спѣшитъ
 Взбить пышный логонъ, шаль накинуть,
 Задернуть завѣсъ, стулъ подвинуть,
 И ждетъ: да скоро ль, мой Творецъ!
 Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ наконецъ.
 Забрызганный въ дорогъ дальней,

Опасно раненый, печальной
 Кой-какъ тащится экипажъ;
 Вслѣдъ баринъ молодой хромаеть!
 Слуга-Французъ не унываетъ
 И говорить: *allons, courage!*
 Вотъ у крыльца; вотъ въ сѣни входятъ.
 Покамѣстъ барину теперь
 Покой особенный отводятъ
 И настежь отворяють дверь,
 Пока *Ricard* шумить, хлопочеть,
 И баринъ одѣваться хочетъ;
 Сказать ли вамъ, кто онъ таковъ?
 Графъ Нулинъ, изъ чужихъ краевъ,
 Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
 Свои грядущіе доходы.
 Себя казать, какъ чудный звѣрь,
 Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь
 Съ запасомъ фраговъ и жилетовъ,
 Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
 Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
 Цвѣтныхъ платковъ, чулковъ *à jour*,
 Съ ужасной книжкою Гизота,
 Съ тетрадью злыхъ карриатуръ,
 Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта,
 Съ *bons-mots* Парижскаго двора,
 Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
 Съ мотивами Росини, Пера,
Et cetera, et cetera.

Ужъ столъ накрытъ; давно пора;
 Хозяйка ждетъ нетерпѣливо;
 Дверь отворилась, входитъ графъ;

Наталья Павловна, привставъ,
 Освѣдомляется учтиво,
 Каковъ онъ? что нога его?
 Графъ отвѣчаетъ: ничего.
 Идутъ за столъ; вотъ онъ садится,
 Къ ней подвигаетъ свой приборъ
 И начинаетъ разговоръ:
 Святую Русь бранить; дивится,
 Какъ можно жить въ ея снѣгахъ;
 Жалѣеть о Парижѣ страхъ.
 «А что театръ?» — О, сиротѣть!
 C'est bien mauvais, ça fait pitié.
 Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣеть,
 И мамзель Марсъ, увы! старѣеть.
 За то Потье, le grand Potier!
 Онъ славу прежнюю въ народѣ
 Донинѣ поддержалъ одинъ. —
 «Какой писатель нынче въ модѣ?»
 — Все d'Arlicourt и Ламартинъ. —
 «У насъ имъ также подражаютъ.»
 — Нѣтъ! право? такъ у насъ умы
 Ужъ развиваться начинаютъ.
 Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы! —
 «Какъ тальи носятъ?» — Очень низко,
 Почти до... вотъ по этихъ поръ.
 Позвольте видѣть вашъ уборъ;
 Такъ... рюши, банты, здѣсь узоръ;
 Все это къ модѣ очень близко. —
 «Мы получаемъ Телеграфъ.»
 — Ага! хотите ли послушать
 Прелестный водевиль? — И графъ
 Поетъ. «Да, графъ, извольте жъ кушать.»

— Я сытъ и такъ. —

Изъ-за стола

Встають. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Графъ, о Парижъ забывая,
Дивится, какъ она мила.
Проходитъ вечеръ непримѣтно;
Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
То выражается привѣтно,
То вдругъ потупиень безотвѣтно.
Глядишь — и полночь вдругъ надворъ:
Давно храпитъ слуга въ передней,
Давно поетъ пѣтухъ сосѣдній,
Въ чугунову доску сторожъ бьетъ;
Въ гостиной свѣчки догорѣли.
Наталья Павловна встаетъ:
«Пора, прощайте! ждуть постели.
Пріятный сонъ!»... Съ досадой вставъ,
Полувлюбленный, нѣжный графъ
Цѣлуетъ руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведетъ?
Проказница — прости ей, Боже! —
Тихонько графу руку жметъ.

Наталья Павловна раздѣта;
Стоитъ Параша передъ ней.
Друзья мои! Параша эта
Наперсница ея затѣй:
Шьетъ, моетъ, вѣсти переноситъ,
Изношенныхъ капотовъ проситъ,
Порою барина смѣшитъ,
Порой на барина кричитъ,

И лжетъ предъ барыней отважно.
Теперь она толкуетъ важно
О графъ, о дѣлахъ его,
Не пропускаетъ ничего —
Богъ въстъ, развѣдать какъ успѣла.
Но госпожа ей наконецъ
Сказала: полно, надоѣла!
Спросила кофту и чепецъ,
Легла и выйти вонъ велѣла.

Своимъ Французомъ между тѣмъ
И графъ раздѣтъ уже совсѣмъ.
Ложится онъ, сигару проситъ,
Monsieur Ricard ему приноситъ
Графинъ, серебряный стаканъ,
Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, будильникъ
И неразрѣзанный романъ.

Въ постелѣ лежа, Вальтеръ-Скотта
Глазами пробѣгаетъ онъ.
Но графъ душевно развлеченъ:
Неугомонная забота
Его тревожить; мыслить онъ:
Неужто вправду я влюбленъ?
Что если можно?... вотъ забавно;
Однако жъ это было бѣ славно!
Я, кажется, хозяйгѣ милъ —
И Нулинъ свѣчку погасилъ.

Несносный жаръ его объемлетъ,
Не спится графу — бѣсъ не дремлетъ,

И дразнить грѣшною мечтой
Въ немъ чувства. Пылкой нашъ герою
Воображаетъ очень живо
Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
Довольно круглый, полный станъ,
Пріятный голосъ, прямо женскій,
Лица румянецъ деревенскій —
Здоровье краше всѣхъ румянъ.
Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
Онъ помнитъ, точно, точно такъ,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; онъ дуракъ,
Онъ долженъ бы остаться съ нею,
Ловить минутную затѣю.
Но время не ушло: теперь
Отворена конечно дверь —
И тотчасъ, на плеча накинувъ
Свой пестрый шелковый халатъ
И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
Къ Лукреціи Тарквиніи новый
Отправился, на все готовый.

Такъ иногда лукавый котъ,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется съ лежанки:
Украдкой медленно идетъ,
Полузажмурясь подступаетъ,
Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
Разинетъ когти хитрыхъ лапъ
И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ потемкахъ бродить,
Дорогу ощупью находить;
Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
Едва дыханье переводить;
Трепещеть, если полъ подъ нимъ
Вдругъ заскрипитъ. Вотъ онъ подходитъ
Къ завѣтной двери, и слегка
Жметъ ручку мѣдную замка;
Дверь тихо, тихо уступаетъ,
Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
И блѣдно спальню освѣщаетъ;
Хозяйка мирно поживаетъ,
Иль притворяется, что спитъ.

Онъ входитъ, ищетъ, отступаетъ —
И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
Она... Теперь, съ ихъ позволенья,
Прошу я Петербургскихъ дамъ
Представить ужасъ пробужденья
Натали Павловны моей
И разрѣшить, что дѣлать ей.

Она, открывъ глаза большіе,
Глядитъ на графа -- нашъ герой
Ей сыплеть чувства выписныя,
И дерзновенною рукой
Уже руки ея коснулся...
Но тутъ опомнилась она;
Гнѣвъ благородный въ ней проснулся,
И честной гордости полна,
А впрочемъ, можетъ быть, и страха,
Она Тарквинію съ размаха

Даетъ пощечину, да, да!
Пощечину, да вѣдь какую!

Сгорѣлъ графъ Нулинъ отъ стыда,
Обиду проглотивъ такую;
Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
Досадою страшною пылая,
Но шпицъ косматый, вдругъ заяя,
Прервалъ Парашаи крѣпкій сонъ.
Услышавъ графъ ея походку
И проклиная свой ночлеги
И своенравную красотку,
Въ постыдный обратился бѣги.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
Проводятъ остальную ночь,
Воображайте, воля ваша!
Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возставъ поутру молчаливо,
Графъ одѣвается лѣнливо,
Отдѣлкой розовыхъ ногтей
Зѣвая занялся небрежно,
И галстукъ вяжетъ непримѣжно,
И мокрой щеткою своей
Не гладитъ стриженныхъ кудрей.
О чемъ онъ думаетъ, не знаю;
Но вотъ его позвали къ чаю.
Что дѣлать? Графъ, преодолевъ
Неловкій стыдъ и тайный гнѣвъ,
Идетъ.

Проказница младая,
 Насмѣшливый потупя взоръ
 И губки алыя кусая,
 Заводить скромно разговоръ
 О томъ, о семъ. Сперва смущенный,
 Но постепенно ободренный,
 Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.
 Получаса не проходило,
 Ужъ онъ и шутить очень мило
 И чуть ли снова не влюбленъ.
 Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто же?
 «Наташа, здравствуй.»

— Ахъ, мой Боже!

Графъ, вотъ мой мужъ. Душа моя,
 Графъ Нулинъ. —

«Радъ сердечно я.

Какая скверная погода!
 У кузницы я видѣлъ вашъ
 Совсѣмъ готовый экипажъ.
 Наташа! тамъ у огорода
 Мы затравили русака.
 Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать:
 Прислали намъ издалека.
 Вы съ нами будете обѣдать?»
 — Не знаю, право, я спѣшу. —
 «И, полно, графъ, я васъ прошу.
 Жена и я, гостямъ мы рады.
 Нѣтъ, графъ, останьтесь!»

Но съ досады

И всѣ надежды потерявъ,
 Упрямится печальный графъ.
 Ужъ подкрѣпивъ себя стаканомъ,

Пикарь кряхтитъ за чемоданомъ.
Уже къ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчивать сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикарь все скоро уложилъ,
И графъ уѣхалъ... Тѣмъ и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала,
И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣялся?
Не угадать вамъ. — Почему жъ?
Мужъ? — Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень этимъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
Молокосось; что если такъ,
То графа онъ визжать заставить,
Что псами онъ его затравить.
Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ не диво.

VII.

ПОЛТАВА.

(1828.)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

*Тебѣ — но голосъ Музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?*

*Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,*

*Твоя печальная пустыня,
Последній звукъ твоихъ рѣчей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.*

==

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей ¹.
 Его луга необозримы;
 Тамъ табуны его коней
 Пасутся вольны, нехранимы.
 Кругомъ Полтавы хутора ²
 Окружены его садами,
 И много у него добра,
 Мѣховъ, атласа, серебра
 И на виду и подъ замками.
 Но Кочубей богатъ и гордъ
 Не долгогривыми конями,
 Не златомъ, данью Крымскихъ ордъ,
 Не родовыми хуторами,
 Прекрасной дочерью своей
 Гордится старый Кочубей ³.

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
 Красавицы, Маріи равной.
 Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ

1. Василій Леонтьевичъ Кочубей, Генеральный Судія, одинъ изъ предковъ Графовъ Кочубеевъ, нынѣшнихъ Князей.
2. *Хуторъ* — загородный домъ.
3. У Кочубея было вѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матреной.

Взмельянный въ тѣни дубравной
 Какъ тополь Кіевскихъ высотъ
 Она стройна. Ея движенья
 То лебеда пустынныхъ водъ
 Напоминаютъ плавный ходъ,
 То лани быстрыя стремленья.
 Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
 Вокругъ высокаго чела,
 Какъ тучи, локоны чернѣютъ;
 Звѣздой блестятъ ея глаза;
 Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
 Но не единая краса
 (Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
 Въ молодой Маріи почтена:
 Вездѣ прославилась она
 Дѣвицей скромной и разумной.
 За то завидныхъ жениховъ
 Ей шлетъ Украина и Россія;
 Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
 Бѣжитъ пугливая Марія.
 Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
 За ней самъ Гетманъ сватовъ шлетъ ⁴...

Онъ старъ. Онъ удрученъ годами,
 Войной, заботами, трудами;
 Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
 Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
 Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
 Проходитъ и приходитъ вновь,

4. Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но ему отказали.

Въ немъ чувство каждый день инос:
 Не столь послушно, не слегка,
 Не столь мгновенными страстями
 Пылаеть сердце старика,
 Окаменѣлое годами:
 Упорно, медленно оно
 Въ огнь страстей раскалено;
 Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
 И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
 Орла послыша тяжкій летъ;
 Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
 Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.

И вся полна негодованьемъ
 Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ
 Схвативъ ей руку, говоритъ:
 «Безстыдный! старецъ нечестивый!
 «Возможно ль?... нѣтъ, пока мы живы,
 «Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.
 «Онъ, должный быть отцемъ и другомъ
 «Невинной крестницы своей...
 «Безумецъ, на закатъ дней,
 «Онъ вздумалъ быть ея супругомъ.»
 Марія вздрогнула. Лицо
 Покрыла блѣдность гробовая,
 И охладѣвъ, какъ неживая,
 Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
 Закрыла очи — и ни слова

Не говорить. Отецъ и мать
Ей сердце ищутъ успокоить,
Боязнь и горестъ разогнать,
Тревогу смутныхъ думъ устроить...
Напрасно. Цѣлые два дня,
То молча плача, то стена,
Марія не пила, не ѣла,
Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтлица опустѣла.

Никто не зналъ, когда и какъ
Она сокрылась. Лишь рыбакъ
Той ночью слышалъ конскій топотъ,
Казачью рѣчь и женскій шопотъ,
И утромъ слѣдъ осьми подковъ
Былъ видѣнъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланить,
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенъ красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
Коснулась роковая вѣсть:
Она забыла стыдъ и честь,
Она въ объятіяхъ злодѣя!
Какой позоръ! Отецъ и мать
Молву не смѣютъ понимать.

Тогда лишь истина явилась
 Съ своей ужасной наготой;
 Тогда лишь только объяснилась
 Душа преступницы молодой;
 Тогда лишь только стало явно,
 Зачѣмъ бѣжала своенравно
 Она семейственныхъ оковъ,
 Томила тайно, воздыхала
 И на привѣты жениховъ
 Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
 Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
 Она лишь Гетману внимала,
 Когда бесѣда ликовала
 И чаша пѣнилась виномъ;
 Зачѣмъ она всегда пѣвала
 Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ ⁵,
 Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
 Когда молва его не знала;
 Зачѣмъ съ неженскою душой
 Она любила конный строй,
 И бранный звонъ литавръ и клики
 Предъ бунчукомъ и булавою
 Малороссійскаго владыки ⁶...

Богать и знатенъ Кочубей.
 Довольно у него друзей:
 Свою омыть онъ можетъ славу.
 Онъ можетъ возмутить Полтаву;

5. Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсней, доннынѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патриотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

6. Бунчукъ и булава — знаки Гетманскаго достоинства.

Внезапно средь его дворца
Онъ можетъ мщеніемъ отца
Постигнуть гордаго злодѣя;
Онъ можетъ вѣрною рукой
Вонзить... но замыселъ иной
Волнуетъ сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ гениемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей Шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Вѣнчанный славой бесполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая Русскія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ ⁷

7. Смотри. *Мазепу* Байрона.

Украина глухо волновалась.
 Давно въ ней искра разгоралась.
 Друзья кровавой старины
 Народной чаяли войны,
 Роптали, требуя кичливо,
 Чтобъ Гетманъ узы ихъ расторгъ,
 И Карла ждалъ нетерпѣливо
 Ихъ легкомысленный восторгъ.
 Вокругъ Мазепы раздавался
 Мятежный крикъ: пора, пора!
 Но старый Гетманъ оставался
 Послушнымъ подданнымъ Петра.
 Храня суровость обычайну,
 Спокойно въдалъ онъ Украину,
 Молвъ, казалось, не внималъ
 И равнодушно пировалъ.

«Что жъ Гетманъ? юноши твердили:
 Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ старъ;
 Труды и годы угасили
 Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
 Зачѣмъ дрожащею рукою
 Еще онъ носить булаву?
 Теперь бы грянуть намъ войною
 На ненавистную Москву!
 Когда бы старый Дорошенко ⁸,
 Иль Самойловичъ молодой ⁹,

8. Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ Русскаго владычества.

9. Григорій Самойловичъ, сынъ Гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ началѣ Царствованія Петра I.

Иль нашъ Палѣй ¹⁰, иль Гордѣнко ¹¹
 Владѣли силой войсковою;
 Тогда бѣ въ снѣгахъ чужбины дальной
 Не погибали казаки,
 И Малороссіи печальной
 Освобождались ужъ полки ¹². »

Такъ, своевоіемъ пылая,
 Роптала юность удалая,
 Опасныхъ алча перемѣнъ,
 Забывъ отчизны давній плѣнъ,
 Богдана счастливые споры,
 Святыя брани, договоры
 И славу дѣдовскихъ временъ.
 Но старость ходить осторожно
 И подозрительно глядить:
 Чего нельзя и что возможно,
 Еще не вдрутъ она рѣшить.
 Кто снидетъ въ глубину морскую,
 Покрытую недвижно льдомъ?
 Кто испытующимъ умомъ
 Проникнетъ бездну роковую
 Души коварной? Думы въ ней,
 Плоды подавленныхъ страстей,
 Лежатъ погружены глубоко,

10. Симеонъ Палѣй, Хвостовскій Полковникъ, славный набѣдникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи.

11. Костя Гордѣнко, Кошевой Атаманъ Запорожскихъ казаковъ. Въ послѣдствіи переданъ Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.

12. 20,000 казаковъ было послано въ Лифляндію.

И замысель давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣеть одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазена злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ,
Со старцами старикъ болтливой,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славить съ своевольнымъ,
Поносить власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Издавна умыселъ ужасный
 Взлелѣялъ тайно злой старикъ
 Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
 Враждебный взоръ его проникъ.

«Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!
 Скрежеща мыслить Кочубей,
 Я пощажу твою обитель,
 Темницу дочери моей;
 Ты не истлѣешь среди пожара,
 Ты не издохнешь отъ удара
 Казачей сабли. Нѣтъ, злодѣй,
 Въ рукахъ Московскихъ палачей,
 Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
 На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
 Ты проклянешь и день и часъ,
 Когда ты дочь крестилъ у насъ,
 И ниръ, на коемъ чести чашу
 Тебѣ я полную наливалъ,
 И ночь, когда голубку нашу
 Ты, старый коршунъ, заклевалъ!...»

Такъ! было время : съ Кочубеемъ
 Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
 Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
 Дѣлились чувствами они.
 Ихъ кони по полямъ побѣды
 Скакали рядомъ сквозь огни;
 Нерѣдко долгія бесѣды
 Наединѣ вели они.
 Предъ Кочубеемъ Гетманъ скрытной
 Души мятежной, ненасытной

Отчасти бездну открывалъ,
 И о грядущихъ измѣненьяхъ,
 Переговорахъ, возмущеньяхъ
 Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
 Такъ, было сердце Кочубея
 Въ то время предано ему.
 Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
 Теперь позыву одному
 Оно послушно; онъ голубить
 Едину мысль и день и ночь :
 Иль самъ погибнетъ, иль погубить —
 Отмститъ поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
 Онъ крѣпко въ сердце затаилъ.
 «Въ бессильной горести, ко гробу
 Теперь онъ мысли устремилъ.
 Онъ зла Мазепѣ не желаетъ;
 Всему виновна дочь одна.
 Но онъ и дочери прощаетъ :
 Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
 Покрывъ семью свою позоромъ,
 Забывъ и небо и законъ...»

А между тѣмъ орлинымъ взоромъ
 Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
 Себѣ товарищей отважныхъ,
 Неколебимыхъ, непродажныхъ.
 Во всемъ открылся онъ женѣ ¹³ :

13. Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его, *гордая и высокоумная*.

Давно въ глубокой тишинѣ
 Уже доносъ онъ грозный копитъ;
 И гнѣва женскаго полна,
 Нетерпѣливая жена
 Супруга злобнаго торопить.
 Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
 Какъ нѣкій духъ, ему она
 О мщеньи шепчетъ, укоряетъ,
 И слезы льетъ, и ободряетъ,
 И клятвы требуетъ — и ей
 Клянется мрачный Кочубей.

Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
 Безстрашный Искра ¹⁴ заодно.
 И оба мыслятъ : «одолѣемъ —
 Врага паденье рѣшено.
 Но кто жъ, усердьемъ пламенѣя,
 Ревнуя къ общему добру,
 Доносъ на мощнаго злодѣя
 Предубѣжденному Петру
 Къ ногамъ положить не робѣя?»

Между Полтавскихъ казаковъ,
 Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
 Одинъ съ младенческихъ годовъ
 Ее любилъ любовью страстной.
 Вечерней, утренней порой,
 На берегу рѣки родной,
 Въ тѣни Украинскихъ черешенъ,

14. Искра, Полтавскій Полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.

Бывало, онъ Марію ждалъ,
И ожиданіемъ страдалъ,
И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою :
Отказа бъ онъ не пережилъ.
Когда навхали толпою
Къ ней женихи, изъ ихъ рядовъ
Унымъ и сирь онъ удалился.
Когда же вдругъ межъ казаковъ
Позоръ Маринъ огласился,
И беспощадная молва
Ее со смѣхомъ поразила —
И тутъ Марія сохранила
Надъ нимъ привычныя права.
Но если кто хотя случайно
Предъ нимъ Мазепу называлъ,
То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимой
Бѣжить въ степи необозримой ?

Казакъ на сѣверъ держать путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блеснить,
Мѣшокъ за пазухой звенить;

Не спотыкаясь конь ретивой
Бѣжить, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ—потѣха молодца,
Ретивый конь—потѣха тоже;
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ;
Но выдасть шапку только съ бою
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожить?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашить,
Доносъ на Гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуя между тѣмъ,
Неужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ.
Съ нимъ полномощный Езуитъ ¹⁵
Мятежъ народный учреждаетъ
И шаткій тронъ ему сулитъ.
Во тѣмъ ночной они какъ воры
Ведутъ свои переговоры;
Измѣну цѣнять межъ собой,
Слагаютъ цифрѣ Универсаловъ ¹⁶,

15. Езуитъ Заленской, Княгиня Дульская и какой-то Болгарскій Архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества, были главными агентами Мазепиной измѣны. Последний въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украину и обратно.

16. Такъ назывались манифесты Гетмановъ.

Торгуютъ Царской головой,
 Торгуютъ клятвами вассаловъ.
 Какой-то нищій во дворецъ
 Невѣдомо отколѣ ходитъ,
 И Орликъ ¹⁷, Гетмановъ дѣлецъ,
 Его приводитъ и выводитъ.
 Повсюду тайно сѣютъ ядъ
 Его подосланные слуги :
 Тамъ на Дону казачьи круги
 Они съ Булавинымъ ¹⁸ мутятъ;
 Тамъ будятъ дикихъ ордѣ отвагу;
 Тамъ за порогами Днѣпра
 Стращаютъ буйную ватагу
 Самодержавіемъ Петра.
 Мазепа всюду взоръ кидаетъ,
 И письма шлетъ изъ края въ край :
 Угрозой хитрой подымаетъ
 Онъ на Москву Бахчисарай.
 Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
 Въ стѣнахъ Очакова Паша,
 Во станѣ Карлъ и Царь. Не дремлетъ
 Его коварная душа;
 Онъ, думой думу развивая,
 Вѣрнѣй готовитъ свой ударъ;
 Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
 Неутомимъ преступный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,

17. Филиппъ Орликъ, Генеральный Писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго получилъ отъ Карла XII пустой титулъ Малороссійскаго Гетмана. Въ послѣдствіи принялъ Магометанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1726 года.
18. Булавинъ, Донской казакъ, бунтовавшій около того времени.

Когда предъ нимъ незнано грянулъ
 Упадшій громъ! когда ему,
 Врагу Россіи, самому
 Вельможи Русскіе ¹⁹ послали
 Въ Полтавѣ писанный доносъ,
 И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
 Какъ жертвѣ, ласки расточали!
 И озабоченный войной,
 Гнушаясь мнимой клеветой,
 Доносъ оставя безъ вниманья,
 Самъ Царь Іуду утѣшалъ
 И злобу шумомъ наказанья
 Смирить на долго обѣщаль!

Мазепа, въ горести притворной,
 Къ Царю возносить гласъ покорной:
 «И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
 «Онъ бѣдный Гетманъ двадцать лѣтъ
 «Царю служилъ душою вѣрной;
 «Его щедротою безмѣрной
 «Осыпанъ, дивно вознесенъ....
 «О, какъ слѣпа, безумна злоба!
 «Ему ль теперь у двери гроба
 «Начать ученіе измѣнъ
 «И потемнять благую славу?
 «Не онъ ли помощь Станиславу ²⁰
 «Съ негодованьемъ отказалъ,
 «Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны,
 «И договоръ и письма тайны

19. Тайный Секретарь Шафировъ и Гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы: на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

20 Въ 1705 году. Смотри примѣчанія къ Исторіи Малороссіи, Б. Каменскаго.

«Къ Царю. по долгу, отослалъ?
 «Не онъ ли наущеньямъ Хана ²¹
 «И Цареградскаго Салтана
 «Былъ глухъ? Усердіемъ горя,
 «Съ врагами бѣлаго Царя
 «Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
 «Трудовъ и жизни не жалѣлъ,
 «И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
 «Его съдины опозорить!
 «И кто же? Искра, Кочубей!
 «Такъ долго бывъ его друзьями! ...»
 И съ кровожадными слезами,
 Въ холодной дерзости своей,
 Ихъ казни требуетъ злодѣй ²²...

Чьей казни?... старецъ непреклонный!
 Чья дочь въ объятіяхъ его?
 Но хладно сердца своего
 Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
 Онъ говоритъ : «въ неравный споръ
 Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
 Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
 Самъ точить на себя топоръ.
 Куда бѣжить, зажавши вѣжды?
 На чемъ онъ основалъ надежды?
 Или... но дочери любовь
 Главы отцовской не испугитъ.

21. Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на Русское войско.

22. Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, неоступно требовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною незаконными старцами, а Графа Головкина съ Пророкомъ Данииломъ.

Любовникъ Гетману уступить,
Не то — моя прольется кровь.»

Марія, бѣдная Марія,
Краса Черкасскихъ дочерей!
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже :
Ты мать забыть для нихъ могла;
Соблазномъ посланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла.
Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ —
Тебѣ пріятенъ твой позоръ,
Ты имъ, въ безумномъ упоеньи,
Какъ цѣломудріемъ горда —
Ты прелесть нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьи....

Что стыдъ Маріи? что молва?
Что для нея мірскія пѣни,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,
Когда съ ней Гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ и шумъ,
Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
Ей, дѣвъ робкой, открываетъ?
И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмѣваетъ :
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости однихъ,
И мнится, пѣнямъ ихъ внимаетъ...
О, если бѣ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украина!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мраченъ. Умъ его
Смущенъ жестокими мечтами.
Марія нѣжными очами
Глядитъ на старца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему твердитъ.

Напрасно : черныхъ помышлений
 Ея любовь не удалить.
 Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
 Онъ хладно потупляетъ взоръ,
 И ей на ласковый укоръ
 Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
 Удивлена, оскорблена,
 Едва дыша, встаетъ она
 И говорить съ негодованьемъ :
 «Послушай, Гетманъ : для тебя
 Я позабыла все на свѣтѣ.
 На вѣкъ однажды полюбя,
 Одно имѣла я въ предметъ :
 Твою любовь. Я для нее
 Сгубила счастье мое.
 Но ни о чемъ я не жалю —
 Ты помнишь : въ страшной тишинѣ,
 Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
 Меня любить ты клялся мнѣ.
 Зачѣмъ же ты меня не любишь?»

МАЗЕПА.

Мой другъ, несправедлива ты.
 Оставь безумныя мечты :
 Ты подозрѣньемъ сердце губишь.
 Нѣтъ, душу пылкую твою
 Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
 Марія, вѣрь : тебя люблю
 Я больше славы, больше власти.

МАРІЯ.

Неправда : ты со мной хитришь.
 Давно ль мы были неразлучны?

Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь;
 Теперь онъ тебѣ докучны;
 Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
 Въ пирахъ, развѣздахъ — я забыта;
 Ты долгой ночью иль одинъ,
 Иль съ нищимъ, иль у Езуита.
 Любовь смиренная моя
 Встрѣчаетъ хладную суровость.
 Ты пилъ недавно, знаю я,
 Здоровье Дульской. Это новость;
 Кто эта Дульская?

МАЗЕПА.

И ты

Ревнива? Мнѣ ль, въ мои ли лѣта
 Искать надменнаго привѣта
 Самолюбивой красоты?
 И стану ль я, старикъ суровый,
 Какъ праздный юноша, вздыхать,
 Влачить позорныя оковы
 И женъ притворствомъ искушать?

МАРІЯ.

Нѣтъ, объяснись безъ отговорокъ
 И просто, прямо отвѣчай.

МАЗЕПА.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
 Марія; такъ и быть : узнай

Давно замыслили мы дѣло;
 Теперь оно кипитъ у насъ.
 Благое время намъ приспѣло;
 Борьбы великой близокъ часъ.

Безъ милой вольности и славы
 Склоняли долго мы главы
 Подъ покровительствомъ Варшавы,
 Подъ самовластіемъ Москвы.
 Но независимой державой
 Украйнѣ быть уже пора :
 И знамя вольности кровавой
 Я поднимаю на Петра.
 Готово все : въ переговорахъ
 Со мною оба Короля;
 И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
 Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
 Друзей надежныхъ я имѣю :
 Княгиня Дульская и съ ней
 Мой Езуитъ, да нищій сей
 Къ концу мой замыселъ приводятъ;
 Чрезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
 Наказы, письма Королей.
 Вотъ важныя тебѣ признанья.
 Довольна ль ты? Твои мечтанья
 Разсѣяны ль?

МАРІА.

О милый мой,
 Ты будешь царь земли родной !
 Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
 Корона царская !

МАЗЕПА.

Постой,
 Не все свершилось. Буря грянетъ;
 Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

МАРІЯ.

Я близъ тебя не знаю страха —
Ты такъ могущъ! О, знаю я:
Тронъ ждетъ тебя.

МАЗЕПА.

А если плаха?...

МАРІЯ.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ : ты носишь власти знакъ.

МАЗЕПА.

Меня ты любишь ?

МАРІЯ.

Я! люблю ли?

МАЗЕПА.

Скажи : отецъ или супругъ
Тебѣ дороже ?

МАРІЯ.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? тревожить
Меня напрасно онъ. Семейю
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,
(Какая страшная мечта!)
Моимъ отцемъ я проклята,
А за кого?

МАЗЕПА.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь...

ПОЛТАВА.

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕПА.

Что жъ ? отвѣчай.

МАРІЯ.

Рѣши ты самъ.

МАЗЕПА.

Послушай : если было бѣ намъ,
 Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
 А ты бы намъ судьей была :
 Кого бѣ ты въ жертву принесла,
 Кому бы ты была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! Сердце не смущай!
 Ты искунитель.

МАЗЕПА.

Отвѣчай!

МАРІЯ.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
 О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
 Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
 Но страшны мнѣ слова такія.
 Довольно.

МАЗЕПА.

Помни же, Марія,
 Что ты сказала мнѣ теперь.

Тиха Украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.

Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещуть
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ Гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопоть и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Завтра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслить объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долить. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху вестъ,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятя,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...

И вспомнил онъ свою Полтаву,
 Обычный кругъ семьи, друзей,
 Минувшихъ дней богатство, славу,
 И пѣсни дочери своей,
 И старый домъ, гдѣ онъ родился,
 Гдѣ зналъ и трудъ и мирный сонъ,
 И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
 Что добровольно бросилъ онъ,
 И для чего? —

Но ключъ въ заржавомъ
 Замкѣ гремитъ — и пробужденъ
 Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
 Вотъ на пути моемъ кровавомъ
 Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
 Грѣховъ могучій разрѣшитель,
 Духовной скорби врачъ, служитель,
 За насъ распятаго Христа,
 Его святую кровь и тѣло
 Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
 Да приступлю ко смерти смѣло
 И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
 Готовъ несчастный Кочубей
 Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
 Излить тоску мольбы своей.
 Но не отшельника святого,
 Онъ гостя узнаетъ инаго:
 Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
 И отвращеніемъ томимъ,
 Страдалецъ горько вопрошаетъ:
 Ты здѣсь, жестокой человекъ?

Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орликъ.

Допросъ не конченъ: отвѣчай.

Кочубей.

Я отвѣчалъ уже: ступай,
Оставь меня.

Орликъ.

Еще признанья
Панъ Гетманъ требуетъ.

Кочубей.

Но въ чемъ?

Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

Орликъ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ,
Мы знаемъ: не единый кладъ
Тобой въ Диканьгѣ ²³ укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣнiе сполна
Въ казну поступить войсковую —
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

23. Деревня Кочубея.

КОЧУВЕЙ.

Такъ; не ошиблись вы: три клада
 Въ сей жизни были мнѣ отрада.
 И первый кладъ мой честь была:
 Кладъ этотъ пытка отняла;
 Другой былъ кладъ невозвратимый,
 Честь дочери моей любимой.
 Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
 Мазепа этотъ кладъ укралъ.
 Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
 Мой третій кладъ: святую мечь.
 Ее готовлюсь Богу снести.

ОРЛИКЪ.

Старикъ, оставь пустыя бредни:
 Сегодня покидая свѣтъ,
 Питайся мыслию суровой.
 Шутить не время. Дай отвѣтъ,
 Когда не хочешь пытки новой:
 Гдѣ спряталъ деньги?

КОЧУВЕЙ.

Злой холопъ!

Окончишь ли допросъ нелъпой?
 Повремени, дай лечь мнѣ въ гробъ,
 Тогда ступай себѣ съ Мазепою
 Мое наслѣдіе считать
 Окровавленными перстами,
 Мои подвалы разрывать,
 Рубить и жечь сады съ домами.
 Съ собой возьмите дочь мою;
 Она сама вамъ все расскажетъ,
 Сама всѣ клады вамъ укажетъ;

Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь? — Деньги гдѣ, скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай: мѣсто намъ назначь.
Молчишь? — Ну, въ пытку. Гей, палачъ! ²⁴
Палачъ вошелъ...

О, ночь мученій!

Но гдѣ же Гетманъ? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Змеиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнаніемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы молодой
Сидитъ, съ поникшею главой,
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы,
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
«Умреть безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль Гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клеветъ
Умрутъ.» Но бросаю взоръ на ложе,

24. Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ Гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ.

Мазепа думаетъ: «о Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ —
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Съкира,
Упавъ поутру, загремитъ
По всей Украинѣ. Голось міра
Вокругъ нея заговоритъ!...
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены.
Въ одну телегу впрячь невозможно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно:
Теперь плачу безумства дань...
Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
Мнѣ старцу мрачному — и что же?
Какой готовлю ей ударъ!... »
И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юности покой!
Какъ сонъ ее лелѣетъ нѣжно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра... Содрагаясь
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и тихо пробираясь
Въ уединенный сходить садъ.

Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачь совы, иль звѣря вой
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной —
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ,
И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ — тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И — съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.

Блеснули доли, холмы, нивы,
 Вершины роцъ и волны рѣкъ,
 Раздался утра шумъ игривый,
 И пробудился человекъ.

Еще Марія сладко дышитъ,
 Дремой объята, и слышитъ
 Сквозь легкой сонъ, что кто-то къ ней
 Вошелъ и ногъ ея коснулся.
 Она проснулась — но скорѣй
 Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
 Отъ блеска утреннихъ лучей.
 Марія руки протянула
 И съ нѣгой томною шепнула:
 Мазепа, ты?... Но голось ей
 Иной отвѣтствуетъ... о Боже!
 Вздрогнувъ, она глядитъ... и что же?
 Предъ нею мать...

МАТЬ.

Молчи, молчи;
 Не погуби насъ: я въ ночи
 Сюда прокралась осторожно
 Съ единой, слезною мольбой.
 Сегодня казнь. Тебъ одной
 Свирѣпство ихъ смягчить возможно.
 Спаси отца.

Дочь, въ ужасъ.

Какой отецъ?

Какая казнь?

МАТЬ.

Иль ты донинѣ

Не знаешь?... нѣтъ! ты не въ пустынѣ,
 Ты во дворцѣ; ты знать должна,
 Какъ сила Гетмана грозна,
 Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
 Какъ Государь ему внимаетъ —
 Но вижу : скорбную семью
 Ты отвергаешь для Мазепы;
 Тебя я сонну застаю,
 Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
 Когда читаютъ приговоръ,
 Когда готовъ отцу топоръ —
 Другъ другу, вижу, мы чужія...
 Опомнись: дочь моя! Марія!
 Бѣги, пади къ его ногамъ,
 Спаси отца, будь ангелъ намъ:
 Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
 Ты можешь ихъ топоръ отвести.
 Рвись, требуй — Гетманъ не откажетъ:
 Ты для него забыла честь,
 Родныхъ и Бога.

Дочь.

Что со мною?

Отецъ... Мазепа... казнь — съ мольбою
 Здѣсь, въ этомъ замкѣ мать моя —
 Нѣтъ, иль ума лишилась я,
 Иль это грезы.

Мать.

Богъ съ тобою,
 Нѣтъ, нѣтъ — не грезы, не мечты.
 Уже ль еще не знаешь ты,
 Что твой отецъ ожесточенный

Безчестья дочери не снесъ
 И, жаждой мести увлеченный,
 Царю на Гетмана донесъ —
 Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
 Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
 Въ стыдѣ безумной клеветы,
 Что, жертва смѣлой правоты,
 Врагу онъ выданъ головою,
 Что предъ Громадой войсковою,
 Когда его не освѣнитъ
 Десница вышняя Господня,
 Онъ долженъ быть казненъ сегодня;
 Что здѣсь покамѣсть онъ сидитъ
 Въ тюремной башнѣ.

Дочь.

Боже, Боже!...

Сегодня! — бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
 Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
 Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки ²⁵,
 Въ строяхъ ровняются полки.
 Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.
 Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
 Полна народу, шевелится.
 Средь поля роковой помость.
 На немъ гуляеть, веселится

25. Войско, состоявшее на собственномъ иждивеніи Гетмановъ.

Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣмыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелой,
То шутить съ чернью веселой.
Въ гремячій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.
Вдругъ восклицанье раздалось
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Быль слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный Гетманъ съ старшинами
Скакалъ на ворономъ конѣ.
А тамъ по Кіевской дорогѣ
Телега вѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей;
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телега стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ.
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробъ, тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая

Катится вслѣдъ за ней, мигая.
 Зардѣлась кровію трава —
 И сердцемъ радуясь во злобѣ
 Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ
 И напряженною рукой
 Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
 Идетъ, рассыпавшись, домой,
 И про свои работы вѣчны
 Уже толкуеть межъ собой.
 Пустьетъ поле понемногу.
 Тогда чрезъ пеструю дорогу
 Перебѣжали двѣ жены.
 Утомлены, запылены,
 Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
 Спѣшили полныя боязни.
Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
 И въ поле перстомъ указалъ.
 Тамъ роковой намошь ломали,
 Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
 И на телегу подымали
 Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
 Мазепа, грозень, удалялся
 Отъ мѣста казни. Онъ терзался
 Какой-то страшной пустотой.
 Никто къ нему не приближался;
 Не говорилъ онъ ничего;
 Весь въ гнѣбъ мчался конь его.
 Домой пріѣхавъ, что Марія?

Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
Отвѣты робкіе, глухіе...
Невольнымъ страхомъ пораженъ,
Идетъ онъ къ ней; въ свѣтлицу входитъ:
Свѣтлица тихая пуста.
Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродитъ;
Но вокругъ широкаго пруда,
Въ кустахъ, вдоль стѣней безмятежныхъ
Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ —
Ушла! — Зоветъ онъ слугъ надежныхъ,
Своихъ проворныхъ сердюковъ.
Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони —
Раздался дикій кликъ погони
Верхомъ — и скачутъ молодцы
Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія.
Не возвращается Марія.
Никто не вѣдалъ, не слыхаль,
Зачѣмъ и какъ она бѣжала.
Мазепа молча скрежеталъ.
Затихнувъ, челядь трепетала.
Въ груди кипучій ядънося,
Въ свѣтлицѣ Гетманъ заперся.
Близъ ложа тамъ во мракѣ ночи
Сидѣлъ онъ не смыкая очи,
Нездѣшной мукою томимъ.
Поутру, посланные слуги
Одинъ явились за другимъ.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пѣною покрыто,

Въ крови, растеряно, избито;
 Но ни одинъ ему принести
 Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
 И слѣдъ ея существованья
 Пропалъ какъ будто звукъ пустой,
 И мать одна во мракъ изгнанья
 Умчала горе съ нищетой.

—

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Души глубокая печаль
 Стремиться дерзновенно въ даль
 Вождю Украины не мѣшаетъ.
 Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
 Онъ съ гордымъ Шведскимъ Королемъ
 Свои сношенья продолжаетъ.
 Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
 Глаза враждебнаго сомнѣнья,
 Онъ, окружась толпой врачей,
 На ложѣ мнимаго мученья
 Стоная молить исцѣленья.
 Плоды страстей, войны, трудовъ,
 Болѣзни, дряхлость и печали,
 Предтечи смерти, приковали
 Его къ одру. Уже готовъ
 Онъ скоро бранный мѣръ оставить;
 Святой обрядъ онъ хочетъ править,
 Онъ Архипастыря зоветъ
 Къ одру сомнительной кончины:
 И на коварныя сѣдины
 Елей таинственный течеть.

Но время шло. Москва напрасно
 Къ себѣ гостей ждала всечасно,
 Средь старыхъ вражескихъ могилъ
 Готова Шведамъ тризну тайну.
 Незапно Карлъ поворотилъ
 И перенесъ войну въ Украину.

И день насталъ. Встаетъ съ одра
 Мазепа, сей страдалецъ хилой,
 Сей трупъ живой, еще вчера
 Стонавшій слабо надъ могилой.
 Теперь онъ мощный врагъ Петра.
 Теперь онъ, бодрый, предъ полками
 Сверкаетъ гордыми очами
 И саблей машетъ — и къ Деснѣ
 Проворно мчится на конѣ.
 Согбенный тяжко жизнью старой,
 Такъ оный хитрый Кардиналъ,
 Вънчавшись Римскою тиарой,
 И прямъ, и здравъ, и молодъ сталъ.
 И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
 Украина смутно зашумѣла.
 «Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
 Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
 Бунчукъ покорный.» Пламя пышетъ,
 Встаетъ кровавая заря
 Войны народной.

Кто опишетъ
 Негодованье, гнѣвъ Царя ^{26?}

26. Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной Его быстротою и энергіей, удержали Украину въ повиновеніи.

Гремитъ анаѣма въ Соборахъ;
 Мазепы лигъ терзаетъ катъ ²⁷.
 На шумной Радѣ, въ вольныхъ спорахъ,
 Другаго Гетмана творять.
 Съ береговъ пустынныхъ Енисея
 Семейства Искры, Кочубея
 Поспѣшно призваны Петромъ.
 Онъ съ ними слезы проливаетъ.
 Онъ ихъ лаская осыпаетъ
 И новой честью и добромъ.
 Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
 Старикъ Палтѣй изъ мрака ссылки
 Въ Украину ѣдетъ въ Царскій станъ.
 Трепещетъ бунтъ осиротѣлой.
 На плахъ гибнетъ Чечель ²⁸ смѣлой
 И запорожскій Атаманъ;
 И ты, любовникъ бранной славы,
 Для шлема кинувшій вѣнецъ,
 Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
 Вдали завидѣлъ наконецъ.

«1708 г. Ноября 7-го числа, по Указу Государеву, казаки, по обычаю своему, вольными голосами выбрали въ Гетманы Полковника Стародубскаго Ив. Скоропадскаго.

«8-го числа пріѣхали въ Глуховъ Кіевскій, Черниговскій и Переяславскій Архіепископы.

«А 9-го дня предали клятвѣ Мазепу оные Архіереи публично; того же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли, и снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ), оную персону бросили въ палачевскіи руки, которую палачъ, взявъ и прицѣпя за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, и потомъ повѣсилъ.

«Въ Глуховѣ же 10-го дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ...» (*Журналъ Петра Великаго*).

27. Малороссійское слово. По-Русски палачъ.

28. Чечель отчаянно защищалъ Батуринъ противъ войскъ Кн. Меншикова.

И Царь туда жь помчалъ дружины.
 Онъ какъ буря притекли —
 И оба стана средь равнины
 Другъ друга хитро облегли:
 Неразь избитый въ схваткѣ смѣлой,
 Заранѣ кровью опьянѣлой,
 Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
 Такъ грозный сходится боецъ.
 И злобась видитъ Карлъ могучій
 Ужъ не разстроенныя тучи
 Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
 А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
 Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
 И рядъ незыблемый штыковъ.

Но онъ рѣшилъ: завтра бой.
 Глубокой сонъ во станѣ Шведа.
 Лишь подъ палаткою одной
 Ведется шопотомъ бесѣда:

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
 Поторопились мы не кстати:
 Расчетъ и дерзкій и плохой,
 И въ немъ не будетъ благодати.
 Пропала, видно, цѣль моя.
 Что дѣлать? Далъ я промахъ важной:
 Ошибся въ этомъ Карлъ я.
 Онъ мальчикъ бойкій и отважной;
 Два-три сраженья разыграть,
 Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
 Къ врагу на ужинъ прискакать ²⁹,

29. Въ Дрезденъ къ Королю Августу. Смотр. *Voltaire Hist. de Charles XII.*

Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ ³⁰;
 Не хуже Русскаго стрѣлка
 Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
 Свалить какъ нынче казака
 И обмѣнять на рану рану ³¹;
 Но не ему вести борьбу
 Съ самодержавнымъ великаномъ:
 Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
 Принудить хочеть барабаномъ;
 Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
 И легкомысленъ, и кичливъ,
 Богъ вѣсть какому счастью вѣрять;
 Онъ силы новыя врага
 Успѣхомъ прошлымъ только мѣрять —
 Сломить ему свои рога.
 Стыжусь: воинственнымъ бродягой
 Увлекся я на старость лѣтъ:
 Былъ ослѣпленъ его отвагой
 И бѣглымъ счастьемъ побѣдъ
 Какъ дѣва робкая.»

Орликъ.

Сраженья

Дождемся. Время не ушло
 Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
 Еще поправить можно зло.
 Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
 Царь не отвергнетъ примиренья.

30. Ахъ, В. В.! бомба!... — «Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? пиши.» Это случилось гораздо послѣ.

31. Ночью, Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

МАЗЕПА.

Нѣтъ, поздно. Русскому Царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ
Смутились гости молодые —
Царь вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носить. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды:
Кому бѣжать, рѣшить заря.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ Русскаго Царя.

Горить востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпить.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ :
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбиты дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розень сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра :
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,

Выходить Петръ. Его глаза
 Сіяють. Ликъ его ужасенъ.
 Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
 Онъ весь, какъ Божія гроза.
 Идетъ. Ему коня подводятъ.
 Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
 Почуя роковой огонь
 Дрожить, глазами косо водить
 И мчится въ прахъ боевомъ,
 Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
 Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаеть.
 Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
 Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
 Ровняясь строятся полки.
 Молчить музыка боевая.
 На холмахъ пушки присмирѣвъ
 Прервали свой голодный ревъ.
 И се — равнину оглашая
 Далече грянуло ура :
 Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
 Могущъ и радостенъ какъ бой.
 Онъ поле пожиралъ очами.
 За нимъ вослѣдъ неслись толпой
 Си птенцы гнѣзда Петрова —
 Въ премѣнахъ жребія земнова,
 Въ трудахъ державства и войны
 Его товарищи, сыны :
 И Шереметевъ благородный,
 И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,

И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣднѣ, недвижимѣ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины :
И грянулъ бой, Полтавскій бой !
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубить, рѣжетъ.

Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ Московскаго Царя
Кто воинъ сей подъ съдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волнение боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаннѣ сиротья,
И казаки на кличъ Палъя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои мѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ.
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.

Вдругъ выстрѣлъ. Старець обратился.
 У Войнаровскаго въ рукахъ
 Мушкетный стволъ еще дымился.
 Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
 Младой казакъ въ крови валялся,
 А конь, весь въ пѣнь и пыли,
 Почуя волю, дико мчался,
 Скрываясь въ огненной дали.
 Казакъ на Гетмана стремился
 Сквозь битву съ саблей въ рукахъ.
 Съ безумной яростью въ очахъ.
 Старикъ, подъѣхавъ, обратился
 Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
 Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
 Еще грозилъ врагу Россіи,
 Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
 И имя нѣжное Маріи
 Чуть лепеталъ еще языкъ.
 Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
 Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.
 О славный часъ! о славный видъ!
 Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ ³²;
 И слѣдомъ конница пустилась,
 Убійствомъ тупятся мечи,
 И падшими вся степь покрылась
 Какъ роемъ черной саранчи.

32. Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ Кн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранее. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. *Ибо* (сказано въ Жур. Петра Вел.) *непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія вся на опрокинута.* Петръ въ послѣдствіи времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день Генераломъ Кн. Меншиковымъ.

Пируетъ Петръ. И гордъ и ясенъ
 И славы полонъ взоръ его.
 И Царскій пиръ его прекрасенъ.
 При кликахъ войска своего,
 Въ шатръ своемъ онъ угощаетъ
 Своихъ вождей, вождей чужихъ,
 И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
 И за учителей своихъ
 Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званный гость ?
 Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
 Чью долговременную злость
 Смирилъ Полтавскій побѣдитель ?
 И гдѣ жъ Мазепа ? гдѣ злодѣй ?
 Куда бѣжалъ Іуда въ страхъ ?
 Зачѣмъ Король не межъ гостей ?
 Зачѣмъ измѣнникъ не на плахъ ³³ ?

Верхомъ, въ глуши стеней нагихъ,
 Король и Гетманъ мчатся оба.
 Бѣгутъ. Судьба связала ихъ !
 Опасность близкая и злоба
 Даруютъ силу Королю.
 Онъ рану тяжкую свою

33. L'Empereur Moscovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чемъ и радоваться), recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?

... Alors prenant un verre de vin: à la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous, Messieurs, les généraux Suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses mattres.

Забыль. Поникнувъ головою
 Онъ скачетъ, Русскими гонимъ,
 И слуги вѣрные толпою
 Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
 Степей широкій полукругъ,
 Съ нимъ старый Гетманъ скачетъ рядомъ;
 Предъ ними хуторъ... Что же вдругъ
 Мазепа будто испугался?
 Что мимо хутора помчался
 Онъ стороной во весь опоръ?
 Иль этотъ заустылый дворъ,
 И домъ, и садъ уединенный,
 И въ поле отпертая дверь
 Какой нибудь рассказъ забвенный
 Ему напомнили теперь?
 Святой невинности губитель!
 Узналъ ли ты сію обитель,
 Сей домъ, веселый прежде домъ,
 Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
 Семей счастливой окруженный,
 Шутилъ, бывало, за столомъ?
 Узналъ ли ты пріютъ укромный,
 Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
 И садъ, откуда ночью темной
 Ты вывелъ въ степь... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
 На брегъ синяго Днѣпра,
 Между скалами чутко дремлютъ
 Враги Россіи и Петра.

Щадятъ мечты покой героя :
 Уронъ Полтавы онъ забылъ.
 Но сонъ Мазепы смутенъ былъ :
 Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
 И вдругъ въ безмолвіи nocturno
 Его зовуть. Онъ пробудился.
 Глядитъ : надъ нимъ, грозя перстомъ,
 Тихонько кто-то наклонился.
 Онъ вздрогнулъ какъ подъ топоромъ...
 Предъ нимъ съ развитыми власами,
 Сверкая впалыми глазами,
 Вся въ рубищъ, худа, блѣдна,
 Стоитъ, луной освѣщена...
 «Иль это сонъ? Марія... ты ли?»

МАРІЯ.

Ахъ, тише, тише, другъ!.. Сейчасъ
 Отецъ и мать глаза закрыли...
 Постой... услышать могутъ насъ.

МАЗЕПА.

Марія, бѣдная Марія !
 Опомнись! Боже!... Что съ тобой?

МАРІЯ.

Послушай : хитрости какія !
 Что за разсказъ у нихъ смѣшной ?
 Она за тайну мнѣ сказала,
 Что умеръ бѣдный мой отецъ.
 И мнѣ тихонько показала
 Съдую голову — Творецъ !
 Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья ?
 Подумай : эта голова
 Была совсѣмъ не человѣчья,

А волчья — видишь : какова !
 Чѣмъ обмануть меня хотѣла !
 Не стыдно ль ей меня терзать ?
 И для чего ? чтобъ я не смѣла
 Съ тобой сегодня убѣжать !
 Возможно ль ?

Съ горестью глубокой
 Любовникъ ей внималъ жестокой.
 Но, вихрю мыслей предана,
 «Однако жъ, говоритъ она,
 Я помню поле... праздникъ шумной...
 И чернь... и мертвыя тѣла...
 На праздникъ мать меня вела...
 Но гдѣ жъ ты былъ?... Съ тобою розно
 Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
 Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно.
 Ахъ, вижу, голова моя
 Полна волненія пустаго :
 Я принимала за другаго
 Тебя, старикъ. Оставь меня.
 Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
 Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ :
 Въ его глазахъ блеститъ любовь,
 Въ его рѣчахъ такая нѣга !
 Его усы бѣлѣе снѣга,
 А на твоихъ засохла кровь.»

И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
 И легче серны молодой
 Она вспрыгнула, побѣжала
 И скрылась въ темнотѣ ночной.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
Огонь казачій пламенѣлъ.
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у берега Днѣпра
Коней разсѣдланнхъ поими.
Проснулся Карлъ. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ.»
Но Гетманъ ужъ не спитъ давно.
Тоска, тоска его снѣдаетъ;
Въ груди дыханье стѣснено.
И молча онъ коня сѣдаетъ,
И скачетъ съ бѣглымъ Королемъ,
И страшно взоръ его сверкаетъ,
Съ роднымъ прощаясь рубежемъ.

Прошло сто лѣтъ — и что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, Герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый
Оградой мирной обступилъ
Бендеръ пустынные раскаты,
Гдѣ бродятъ буйволы рогагы

Вокругъ воинственныхъ могилъ —
 Остатки разоренной стѣны,
 Три углубленные въ землѣ
 И мхомъ поросшія ступени
 Гласятъ о Шведскомъ Королѣ.
 Съ нихъ отражалъ герой безумный,
 Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
 Турецкой рати приступъ шумной,
 И бросилъ шпагу подъ бунчукъ;
 И тщетно тамъ пришлецъ унылый
 Искалъ бы Гетманской могилы :
 Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
 Лишь въ торжествующей святынѣ
 Разъ въ годъ анаемой донинѣ,
 Грозя, гремитъ о немъ Соборъ.
 Но сохранилася могила,
 Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ :
 Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
 Ихъ мирно Церковь пріютила ³⁴.

34. Обезглавленные тѣла Искры и Кочубея были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской Лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись :

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
 Елпцы здѣ естесмо положены сущи,
 Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
 Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
 И за правду и вѣрность къ Монаршъ нашу,
 Страданія и смерти испиймо чашу,
 Злуданьемъ Мазеши, всевѣчно правы,
 Посѣчены заставше топоромъ во главы;
 Почиваемъ въ семь мѣстѣ Матери Владычнѣ,
 Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца Іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войскового, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, Судія Ге-

Цвѣтеть въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ:
Они о праотцахъ казенныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.
Но дочь-преступница... преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой Украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни Гетмана бренчить,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говорить.

неральный; Іоаннъ Искра, Полковникъ Полтавскій. Привезены же тѣла ихъ Іюли 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на селѣ жѣстѣ погребены.»

VIII.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМЕНѢ.

(1829—1830.)

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надобѣ:
Имъ писать всякой. Мальчикамъ въ забаву
Пора бѣ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу!
Вѣдь рифмы запросто со мной живутъ;
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкій, вольной,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу ..
Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ писывалъ *** богомольной,
По большей части такъ и я пишу.

Къ чему? скажите; ужъ и такъ мы голы:
Отнынѣ въ рифмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,
Иль какъ коней, за ихъ плохую статью,
А подбирать союзы да нарѣчья;
Изъ мелкой сволочи вербую рать.
Мнѣ рифмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,
Хоть весь Словарь; что слогъ, то и солдатъ —
Всѣ годны въ строй: у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Ровняйтесь, вытягивайте ноги
И по три врьдъ въ октаву заѣзжай!
Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги!
Держись вольнѣй и только не плошай,
А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
И выѣдемъ на ровную дорогу.

V.

Какъ весело стихи свои вести
Подъ цифрами, въ порядкѣ, строй за строемъ,
Не позволять имъ въ сторону брести,
Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!
Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,
Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
А стихотворецъ... съ кѣмъ же равенъ онъ?
Онъ Тамерланъ, иль самъ Наполеонъ.

VI.

Немного отдохнемъ на этой точкѣ.
Что? перестать или *пустить на не?*..
Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ.
Иначе, стихъ то въ ямѣ, то на кочкѣ,
И хоть лежу теперь на канаве,
Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
По мерзлой пашнѣ мчусь я на телегѣ.

VII.

Что за бѣда? не все жъ гулять пышкомъ
По Невскому граниту, иль на балѣ
Лощить паркетъ, или скакать верхомъ
Въ степи Киргизской. Поплетусь-ка даль,
Со станціи на станцію шажкомъ,
Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ,
Который, не кормя, на рысакѣ
Пріѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

VIII.

Скажу, рысакъ! Парнасскій иноходецъ
Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодезь
Иссохъ. Поросъ крапивою Парнасъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ-Музъ ужъ не прельщаетъ насъ.
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

IX.

Усядся, Муза; ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки! не вертись, рѣзвушка!

Теперь начнемъ. — Жила-была вдова,
 Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
 Съ одною дочерью. У Покрова
 Стояла ихъ смиренная лачужка
 За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
 Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

X.

Дня три тому, тогда ходилъ я вмѣстѣ
 Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ:
 Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
 Ея построены трехъ-этажный домъ.
 Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
 Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
 О той порѣ, когда я былъ моложе,
 Я думалъ: живы ли онѣ? — И что же?

XI.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
 Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
 Пожаръ его бы обхватилъ кругомъ,
 То моему бѣ озлобленному взору
 Приятно было пламя. Станнымъ сномъ
 Бываетъ сердце полно; много вздору
 Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
 Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XII.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ править
 И держать мысль на привязи свою,
 Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давитъ
 Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
 Но кто болтливъ, того молва прославить
 Вмигъ извергомъ... Я воды Леты пью,

Мнѣ докторомъ запрещена унылость:
Оставимъ это — сдѣлайте мнѣ милость!

XIII.

Старушка (я стократъ видалъ точь въ точь
Въ картинахъ Рембранда такія лица)
Носила чепчикъ и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
Глаза и брови — темныя какъ ночь,
Сама бѣла, нѣжна — какъ голубица;
Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
Читала сочиненья Эмина.

XIV.

Играть умѣла также на гитарѣ
И пѣла: *Стонетъ сизый голубокъ*,
И *Выду ль я...* и то — что ужъ постарѣ,
Все, что у печки въ зимній вечерокъ
Иль скучной осенью при самоварѣ,
Или весною, обходя лѣсокъ,
Поетъ уныло Русская дѣвица,
Какъ Музы наши грустная пѣвица.

XV.

Фигурно иль буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь Русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ Музъ и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

XVI.

Параша (такъ звалась красотка наша)
 Умѣла мыть и гладить, шить и плестъ;
 Всѣмъ домою правила одна Параша;
 Поручено ей было счеты вестъ,
 При ней варилась гречневая каша
 (Сей важный трудъ ей помогала несть
 Стряпуха Ѳекла, добрая старуха,
 Давно лишенная чутья и слуха).

XVII.

Старушка-мать, бывало, подъ окномъ
 Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
 А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
 Раскладывала карты и гадала.
 Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
 То у окна, то на дворѣ мелькала,
 И кто бы ни проѣхалъ иль ни шелъ,
 Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XVIII.

Зимою ставни закрывались рано,
 Но лѣтомъ до ночи растворено
 Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
 Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно
 (Безъ этого ни одного романа
 Не обойдется: такъ заведено!).
 Бывало, мать давнымъ давно храпѣла,
 А дочка на луну еще смотрѣла.

XIX.

И слушала мяуканье котовъ
 По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной,

Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ —
И только. Ночь надъ мирною Коломной
Тиха отъменно. Рѣдко изъ домовъ
Мелькнутъ двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось полотно.

XX.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
Вдова ходила съ нею къ Покрову,
И становилася передъ толпою
У клироса на лѣво. Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрною мечтою
Люблю летать, заснувши на яву,
Въ Коломну, къ Покрову — и въ воскресенье
Тамъ слушать Русское богослуженье.

XXI.

Туда, я помню, ѣздила всегда
Графиня... (звали какъ, не помню право).
Она была богата, молода;
Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
Молилась гордо (гдѣ была горда!)
Бывало, грѣшень! все гляжу на право,
Все на нее. Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй.

XXII.

Порой Графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно
И не казалась имъ развлечена.
Смиренье въ ней изображалось нѣжно;
Графиня же была погружена

Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXIII.

Она казалась хладный идеаль
Тщеславія. Его бъ вы въ ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгія печали,
Смиренье жалобъ... Въ нихъ-то я вникалъ,
Невольный взоръ они-то привлекали...
Но это знать Графиня не могла,
И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXIV.

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ея текла
Въ роскошной нѣгѣ; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой виміамъ — она была несчастна.
Блаженнѣе стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXV.

Коса змѣей на гребнѣ роговомъ,
Изъ-за ушей змѣю кудри русы,
Косыночка крестъ-на-крестъ иль узломъ,
На тонкой шеѣ восковыя бусы —
Нарядъ простой: но предъ ея окномъ
Все жъ въздили Гвардейцы черноусы,
И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XXVI.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
 Или равно для всѣхъ она была
 Душею холодна? увидимъ ниже.
 Покамѣстъ мирно жизнь она вела,
 Не думая о балахъ, о Парижъ,
 Ни о Дворѣ (хоть при Дворѣ жила
 Ея сестра двоюродная, Вѣра
 Ивановна, супруга Гофъ-Фурьера).

XXVII.

Но горе вдругъ ихъ постѣлило домъ:
 Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
 Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
 И уксуомъ, и мятною припаркой
 Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
 Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
 Онѣ простились. Въ тотъ же день пришли
 За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XXVIII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
 Коть—Васька. Послѣ вдовушка моя
 Подумала, что два, три дня — не долъ —
 Жить можно безъ кухарки; что нельзя
 Предать свою трапезу Божьей волѣ.
 Старушка кличетъ дочь: «Параша!» — Я! —
 — «Гдѣ взять кухарку? свѣдай у сосѣдки,
 Не знаетъ ли. Дешевыя такъ рѣдки.» —

XXIX.

Узнаю, маменька. — И вышла вонъ,
 Закутавшись (зима стояла грозно,

И снѣгъ скрипѣлъ, и синій небосклонъ,
 Безоблаченъ, въ звѣздахъ, сіялъ морозно).
 Вдова ждала Парашу долго; сонъ
 Ее клонилъ тихонько; было поздно,
 Когда Параша тихо къ ней вошла,
 Сказавъ: — «Вотъ я кухарку привела.»

XXX.

За нею слѣдомъ, робко выступая,
 Короткой юбочкой принарядясь,
 Высокая, собою недурная,
 Шла дѣвушка, и, низко поклонясь,
 Прижалась въ уголъ, фартукъ разбирая.
 — «А что возьмешь?» спросила, обратясь,
 Старуха. — Все, что будетъ вамъ угодно,
 Сказала та смиренно и свободно.

XXXI.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
 — «А какъ зовутъ?» — А Маврой — «Ну, Мавруша,
 Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
 Гоняй мужчинъ. Покойница Феклуша
 Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
 Ни разу долга чести не наруша.
 Ходи за мной, за дочерью моей,
 Усердна будь; присчитывать не смѣй.» —

XXXII.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
 Довольно мало: то переварить,
 То пережарить, то съ посудой полку
 Уронить; вѣчно все пересолить,
 Шить сядетъ — не умѣетъ взять иголку;
 Ее бранятъ — она себѣ молчитъ;

Вездѣ во всемъ ужъ какъ нибудь подгадить.
Параша бьется: а никакъ не сладить.

XXXIII

Поутру, въ воскресенье, мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь —
Пирожное испечь она собиралась.
Ее оставили; но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашель испугъ.

XXXIV.

Она подумала: «въ Маврушѣ ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала ль она насъ обокрасть,
Да улизнуть? Вотъ будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»
Такъ думая, старуха обмирала
И наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:

XXXV

«Стой тутъ, Параша. Я схожу домой;
Мнѣ что-то страшно.» Дочь не разумѣла,
Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
Въ ней сердце билось какъ передъ бѣдой,
Пришла въ лачужку, въ кухню посмотрѣла —
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла — и что жъ? о Боже! страхъ какой!

XXXVI.

Предъ зеркальцомъ Параша, чинно сидя,
 Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
 «Ахъ, ахъ!» и шлепнулась. Ее увидя,
 Та второпяхъ, съ намыленной щекой
 Черезъ старуху (вдовью честь обидя),
 Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
 Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

XXXVII.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
 — «Что, маменька?» — Ахъ, Пашенька моя!
 Маврушка... — «Что, что съ ней?» — «Кухарка наша...
 Опомниться досель не въ силахъ я...
 За зеркальцомъ... вся въ мыль...» — Воля ваша,
 Мнѣ право ничего понять нельзя:
 Да гдѣ жъ Мавруша? — «Ахъ, она разбойникъ!
 Она здѣсь брилась!... точно мой покойникъ!» —

XXXVIII.

Параша покраснѣлась или нѣтъ,
 Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки
 Съ тѣхъ поръ какъ не было — простылъ и слѣдъ;
 Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
 И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
 У красной дѣвушки и у старушки
 Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
 Не вѣдаю: и кончить тороплюсь.

XXXIX.

— Какъ, развѣ все тутъ? Шутите! — «Ей Богу.»
 — Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
 Къ чему жъ такую подняли тревогу,
 Скликали рать и съ похвальбою шли?

Завидную жъ вы избрали дорогу !
Уже ль иныхъ предметовъ не нашли ?
Да нѣтъ ли хоть у васъ нравоученья ?
«Нѣтъ.... или есть : минуточку терпѣнья....»

XL.

Вотъ вамъ мораль : по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно;
Кто жъ родился мужчиною, тому
Рядиться въ юбку странно и напрасно :
Когда нибудь придется же ему
Брить бороду себѣ, что несогласно
Съ природой дамской.... Больше ничего
Не выжмешь изъ разсказа моего.»

IX.

Г А Л У Б Ъ .

(1829.)

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для распросовъ кунака,
Не для разбойничей потѣхи
Такъ рано съѣхались Адехи
На дворъ Галуба старика.
Въ неожиданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убить
Вблизи развалинъ Ташартуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальной;
Звучитъ уныло пѣснь муллы;
Въ арбу впряженные волы
Стоять предъ саклею печальной;
Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемлютъ гости скорбный вой
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;

И, внемля шумъ небоевой,
 Мянутся спутанные кони;
 Всѣ ждуть. Изъ сакли наконецъ
 Выходить между женъ отецъ;
 Два узденя за нимъ выносятъ
 На буркѣ хладный трупъ. Толпу
 По сторонамъ раздаться просить,
 Слагаютъ тѣло на арбу
 И съ нимъ кладутъ снарядь воинской :
 Неразряженную пищаль,
 Колчанъ и лукъ, кинжалъ Грузинской
 И шашки крестовую сталь,
 Чтобы крѣпка была могила,
 Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
 Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
 Исправнымъ воиномъ возстать.

Въ дорогу шествіе готово,
 И тронулась арба. За ней
 Адехи слѣдуютъ сурово,
 Смиряя молча пылъ коней.
 Ужъ потухалъ закатъ огнистой,
 Златя нагорныя скалы,
 Когда долины каменистой
 Достигли тихіе воли.
 Въ долину той враждою жадной
 Сраженъ наѣздникъ молодой —
 Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
 Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой...

Ужъ трупъ землю взять. Могила
 Завалена. Толпа вокругъ

Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Старикъ съдой, съ нимъ отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу,
И скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ, важный и спокойный:
«Тому прошло тринадцать лѣтъ,
Какъ ты, въ ауль чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабого младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго Чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ, покоренъ будь судьбѣ!
Другаго я привелъ тебѣ —
Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь :
Труды мои ты самъ оцѣнишь—
Хвалиться ими не хочу.»

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ,
Главу потупя молчаливо,
Ему недвижимъ предстоить.
И въ горь имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлетъ ласково его.
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодарить и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками

Его онъ хочетъ угощать
И послѣ съ честью провожать,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, отецъ печальный мнить,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ :
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстителемъ обидь.

Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранить.
Среди родимаго аула
Онъ все чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчить и бродить.
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ
Онъ любить по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главою.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дальняго куда
Младые сны его уводятъ?...
Какъ знать? Незрима глубь сердець!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
Какъ вътеръ въ небъ...

Но отецъ

Уже Тазитомъ не доволенъ.
«Гдѣ жъ, мыслить онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ?
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ?»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулъ нѣтъ его,
На третій онъ домой приходитъ.

Отецъ.

Гдѣ былъ ты, сынъ?

Сынъ.

Въ ущельи скалъ,
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
И путь открытъ на Даріалъ.

Отецъ.

Что дѣлалъ тамъ?

Сынъ.

Я слушалъ Терекъ.

Отецъ.

А не видалъ ли ты Грузинъ,
Иль Русскихъ?

Сынъ.

Видѣлъ я: съ товаромъ
Тифлисскаго вѣхалъ Армянинъ.

ГАЛУБЪ.

ОТЕЦЪ.

Онъ былъ со стражей?

СЫНЪ.

Нѣтъ, одинъ.

ОТЕЦЪ.

Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его,
И не прыгнулъ къ нему съ утеса?

Потупилъ очи сынъ Черкеса,
Не отвѣчая ничего.

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

ОТЕЦЪ.

Гдѣ былъ?

СЫНЪ.

За Бѣлою-горой.

ОТЕЦЪ.

Кого ты встрѣтилъ?

СЫНЪ.

На курганѣ

Отъ насъ бѣжавшаго раба.

ОТЕЦЪ.

О милосердая судьба!
Гдѣ жъ онъ? уже ли на арканѣ
Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ.
 Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
 Но скрытъ свое негодованье.
 «Нѣтъ, мыслить онъ, не замѣнить
 Онъ никогда другаго брата!
 Не научился мой Тазитъ,
 Какъ шашкой добываютъ злата;
 Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
 Не надѣлятъ его разѣзды,
 Онъ только знаетъ безъ трудовъ
 Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды.
 А не въ набѣгахъ отбивать
 Коней съ Нагайскими быками,
 И съ боя взятыми рабами
 Суда въ Анапъ нагружать.»

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ
 Два дня, двѣ noci пропадаетъ,
 На третій, блѣденъ какъ мертвецъ,
 Приходитъ онъ домой. Отецъ,
 Его увидя, вопрошаетъ:
 Гдѣ былъ ты?

Сынъ.

Около станицъ
 Кубани, близъ лѣсныхъ границъ

Отецъ.

Кого ты видѣлъ?

Сынъ.

Супостата.

ГАЛУБЪ.

ОТЕЦЪ.

Кого? кого?

Сынъ.

Убійцу брата.

ОТЕЦЪ.

Убійцу сына моего?...

Тазить! гдѣ голова его?

Дай, нагляжусь!

Сынъ.

Убійца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ...

ОТЕЦЪ.

Ты долга крови не забылъ...

Врага ты навзничъ опрокинулъ...

Не правда ли? ты пашку вынулъ,

Ты въ горло сталь ему воткнулъ

И трижды тихо повернулъ?

Упился ты его стенаньемъ,

Его змѣинымъ издыханьемъ?...

Гдѣ жъ голова? подай!... нѣтъ силъ...

Но сынъ молчить, потупя очи.

И сталь Галубъ чернѣе ночи

И сыну грозно возопилъ:

«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,

Ты не Чеченецъ — ты старуха,

Ты трусь, ты рабъ, ты Армянинъ:

Будь проклятъ мной! — Поди — чтобъ слуша

Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой съѣлъ
И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;
Чтобъ ты, какъ раненый олень,
Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
Чтобъ дѣти Русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали
И какъ волченка затерзали —
Чтобъ ты... бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!»
Сказалъ и на земь легъ — и очи
Закрывъ, и такъ лежалъ до ночи.
Когда же приподнялся онъ,
Былъ темень синій небосклонъ.

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долину шумно собрались;
Привычны игры начались:
Верхами юные Чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шапку пробиваютъ,
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ съ разу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поютъ — и гулъ лѣсной
Далече вторитъ ихъ напѣвы.
Но между юношей — одинъ
Забавъ наѣздничьихъ не дѣлать,
Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,

Изъ лука звонкаго не цѣлить.
Но между дѣвами — одна
Молчить, уныла и блѣдна.
Они въ толпѣ четою странной
Стоять, не видя ничего.
И горе имъ: онъ — сынъ изгнанный,
Она — любовница его...
О, было время!... Съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ;
Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу
Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ садилась и блѣднѣла,
И отвѣчая не глядѣла,
И разгаралась какъ заря;
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ
И долго кованный кувшинъ
Волною звонкой наполняла...
И онъ, невластный перевозмочь
Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говорить: «твоя мнѣ дочь
Давно мила; по ней тоскуя,
Одинъ и сирѣ давно живу я;
Благослови любовь мою;
Я бѣденъ — но могучъ и молодъ,
Я агнецъ дома, звѣрь въ бою;
Къ намъ въ саклю не впускаю я голодъ;

Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и вѣрный,
Твоимъ сынамъ — кунакъ надежный,
А ей приверженный супругъ...»

Х.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ).

(1833.)

Начнемъ ab ovo :

Мой Езерскій

Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
Поработилъ брега морей.
Одкульфъ, его начальникъ рода,
Вельми бѣ грозенъ воевода
(Гласить Софійскій хронографъ).
При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
Пріялъ крещенье въ Царѣградѣ
Съ приданымъ Греческой княжны.
Отъ нихъ два сына рождены,
Якубъ и Дорофей. Въ засадѣ
Убить Якубъ, а Дорофей
Родилъ двѣнадцать сыновей.

Ондрей, по прозвищу Езерскій,
 Родилъ Ивана да Плью,
 И въ Лавръ схимился Печерской.
 Отсель фамилію свою
 Ведуть Езерскіе. При Калкъ
 Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
 И тамъ раздавленъ какъ комаръ
 Задами тяжкими Татаръ.
 За то на Куликовомъ полѣ
 Другой Езерскій, Елизаръ,
 Упился кровію Татаръ,
 Между Непрядвою и Дономъ,
 Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
 Съ дружиной Суздальцевъ своихъ.

Въ вѣка старинной нашей славы,
 Какъ и въ худыя времена,
 Крамолъ и смуть во дни кровавы
 Блестятъ Езерскихъ имена.
 Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
 На воеводствѣ и въ отвѣтѣ *
 Служили доблестно Царямъ.
 Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
 Гордыней славился боярской;
 За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ,
 Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
 Бывалъ изъ-за трапезы Царской,
 Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
 И умеръ, Сицкихъ пересѣвъ *.

* Въ посольствѣ.

* *Пересѣвъ* кого, старинное выраженіе, значить занять мѣсто выше

Когда отъ Думы величавой
Пріялъ Романовъ свой вѣнецъ,
Какъ подъ отеческой державой
Русь отдохнула наконецъ,
А наши вороги смирились :
Тогда Езерскіе явились
Въ великой силѣ при Дворѣ,
При Императорѣ Петрѣ....
Но извините : статья можетъ,
Читатель, вамъ я досадила;
Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
Васъ спѣсь дворянская не гложетъ,
И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой.

Кто бъ ни былъ вашъ родоначалникъ,
Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
Или Митюшка цаловальникъ,
Вамъ все равно. Конечно, такъ :
Вы презираете отцами,
Ихъ славой, честію, правами
Великодушно и умно;
Вы отреклись отъ нихъ давно,
Прямаго просвѣщенья ради,
Гордясь (какъ общей пользы другъ) .
Красою *собственныхъ заслугъ*,
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Иль приглашеніемъ на балъ
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунять,

Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
 И въ этомъ смыслѣ демократъ;
 Но каюсь : новый Ходаковской *,
 Люблю отъ бабушки Московской
 Я толки слушать о роднѣ,
 О толстобрюхой старинѣ.
 Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
 Уже намъ чужды; что спроста
 Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état;
 Что намъ не впрокъ пошли науки,
 И что спасибо намъ за то
 Не скажетъ, кажется, никто.

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
 Блѣднѣветъ блескъ и никнетъ духъ;
 Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
 Что о другихъ пропалъ и слухъ;
 Что ихъ поносить и Фигляринъ;
 Что Русскій вѣтренный бояринъ
 Считаетъ грамоты Царей
 За пыльный сборъ календарей;
 Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
 Растетъ пустынная трава;
 Что геральдическаго льва
 Демократическимъ копытомъ
 Теперь лягаетъ и осель :
 Духъ вѣка вотъ куда зашелъ !

Вотъ почему, архивы роя,
 Я разбиралъ въ досужный часъ

Извѣстный любитель древности, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой разсказъ,
И здѣсь потомству заповѣдалъ.
Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
Что дѣдъ его, великій мужъ,
Имѣлъ двѣнадцатъ тысячъ душъ;
Изъ нихъ отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А самъ онъ жалованьемъ жилъ
И регистраторомъ служилъ.

XI.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

(ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ.)

(1833.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Провсшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подрсбности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справить-ся съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхомъ.

=

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдалъ глядѣлъ. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ

По ней стремился одиноко.
 По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
 Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
 Пріютъ убогаго Чухонца;
 И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
 Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
 Кругомъ шумѣлъ:

И думалъ Онъ:
 «Отсель грозить мы будемъ Швецу;
 Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
 На зло надменному сосѣду;
 Природой здѣсь намъ суждено
 Въ Европу прорубить окно ¹,
 Ногою твердой стать при морѣ;
 Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
 Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
 И запируемъ на просторѣ.»

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
 Полночныхъ странъ краса и диво,
 Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
 Вознесся пышно, горделиво:
 Гдѣ прежде Финскій рыболовъ,
 Печальный пасынокъ природы,
 Одинъ у низкихъ береговъ
 Бросалъ въ невѣдомыя воды
 Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
 По оживленнымъ берегамъ,
 Громады стройныя тѣнятся

1. Альгаротти гдѣ-то сказалъ: Pétersbourg est la fenêtre, par a quelle la Russie regarde en Europe.

Дворцовъ и башень; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранить одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиросная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье ²;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранить,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампы,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,

2. См. стихи К. Вяземскаго къ Графини Э***.

Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
 Дѣвичьи лица ярче розъ,
 И блескъ и шумъ и говоръ баловъ,
 А въ часть пирушки холостой
 Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
 И пунша пламень голубой;
 Люблю воинственную живость
 Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
 Пѣхотныхъ ратей и коней
 Однообразную красоту,
 Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
 Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
 Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
 На сквозь прострѣленныхъ въ бою.
 Люблю, военная столица,
 Твоей твердыни дымъ и громъ,
 Когда Полночная Царица
 Даруетъ сына въ Царскій домъ,
 Или побѣду надъ врагомъ
 Россія снова торжествуетъ,
 Или, взломавъ свой синій ледъ,
 Нева къ морямъ его несетъ
 И, чую вешни дни, ликуеть.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
 Неколебимо, какъ Россія!
 Да умирится же съ тобой
 И побѣжденная стихія:
 Вражду и плѣнь старинный свой
 Пусть волны Финскія забудутъ
 И тщетной злобою не будутъ
 Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печалень будетъ мой рассказъ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ Ноябрь осеннимъ хладомъ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
Въ своей постелѣ безпокойной;
Ужь было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домоі
Пришелъ Евгенийъ молодой...
Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ. Оно
Звучить пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно;
Прозванья намъ его не нужно —
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало
И, подъ перомъ Карамзина,

Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
 Но нынѣ свѣтомъ и молвой
 Оно забыто. Нашъ герой
 Живетъ въ Коломнѣ; гдѣ-то служить,
 Дичится знатныхъ и не тужить
 Ни о покойницѣ роднѣ,
 Ни о забытой старинѣ.

И такъ домой пришедъ, Евгений
 Стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ ---
 Но долго онъ заснуть не могъ
 Въ волненьи разныхъ размышленій.
 О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
 Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
 Онъ долженъ былъ себя доставить
 И независимость и честь;
 Что могъ бы Богъ ему прибавить
 Ума и денегъ; что вѣдь есть
 Такіе праздные счастливицы,
 Ума недалняго, лѣнивцы,
 Которымъ жизнь куда легка!
 Что служить онъ всего два года;
 Онъ также думалъ, что погода
 Не унималась; что рѣка
 Все прибывала; что едва ли
 Съ Невы мостовъ уже не сняли,
 И что съ Парашей будетъ онъ
 Дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
 Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
 Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло,

И чтобы дождь въ окно стучалъ
Не такъ сердито...

Сонны очи

Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ
Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаеть...
Ужасный день!

Нева всю ночь ³

Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея берегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы —

3. Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій Петербургскому наводненію (въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній Oleszkiewicz). Жаль только, что описаніе его не точно: снѣгу не было, Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе, хотя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ Польскаго поэта.

И всплыль Петрополь, какъ Тритонъ
По поясъ въ воду погружень.

Осада! приступъ! Злая волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; чолны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!

Народъ

Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровь и пища.
Гдѣ будетъ взять?

Въ тотъ грозный годъ

Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печалень, смутенъ вышелъ Онъ
И молвилъ: «съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣтъ». Онъ съль
И въ думъ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ:
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ

Его пустились Генералы ⁴
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонуцій народъ.

Тогда, на площади Петровой —
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стоять два льва сторожевые —
На звѣрь мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣль недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился блѣдный
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая;
Какъ дождь ему въ лице хлесталъ;
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки... Боже, Боже! тамъ —
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива —
Заборъ некрашенный, да ива

4. Графъ Милорадовичъ и Генераль-Адъютантъ Бенкендорфъ.

И ветхій домикъ: тамъ онѣ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во снѣ
Онъ это видитъ? иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землею?
И онѣ, какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода — и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ, насытая разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомаясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой! ..

И грабежемъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшать разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спѣшить, душею замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но, торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ бы подѣ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгений смотритъ : видитъ лодку;
Онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
Онъ перевозчика зоветъ —
И перевозчикъ беззаботной
Его за гривенникъ охотно
Чрезъ волны страшныя везетъ.

И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими пловцами
Готовъ былъ чолнъ — и наконецъ
Достигъ онъ берега.

Несчастный

Знакомой улицей бѣжитъ
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ...

Узнать не можетъ. Видъ ужасный !
 Все передъ нимъ завалено;
 Что сброшено, что снесено;
 Скривились домики; другіе
 Совсѣмъ обрушились; иные
 Волнами сдвинуты; кругомъ,
 Какъ будто въ полѣ боевомъ,
 Тѣла валяются. Евгенийъ
 Стремглавъ, не помня ничего,
 Изнемогая отъ мученій,
 Бѣжить туда, гдѣ ждетъ его
 Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
 Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
 И вотъ бѣжить ужъ онъ предмѣстьемъ,
 И вотъ заливъ, и близокъ домъ....
 Что жъ это ?

Онъ остановился;

Пошелъ назадъ — и воротился.
 Глядитъ.... идетъ.... еще глядитъ :
 Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
 Вотъ ива. Были здѣсь ворота;
 Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
 И полонъ сумрачной заботы,
 Все ходить, ходить онъ кругомъ,
 Толкуеть громко самъ съ собою —
 И вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
 Захохоталъ.

Ночная мгла

На городъ трепетный сошла;
 Но долго жители не спали
 И межъ собою толковали
 О днѣ минувшемъ.

Утра лучъ

Изь-за усталыхъ блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей —
И не нашель уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багряницей
Уже прикрыто было зло.
Въ порядокъ прежній все вошло:
Уже по улицамъ свободнымъ,
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
Покинувъ свой ночной пріютъ,
На службу шелъ. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ вымѣстить. Съ дворовъ
Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ,

Поэтъ, любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье Невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгений....

Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался;
Его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ — онъ
Къ себѣ домой не возвращался.

Его пустынный уголокъ
 Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
 Хозяинъ бѣдному поэту.
 Евгений за своимъ добромъ
 Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
 Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
 А спалъ на пристани; питался
 Въ окошко поданнымъ кускомъ;
 Одежда ветхая на немъ
 Рвалась и тѣла. Злыя дѣти
 Бросали камни въ слѣдъ ему;
 Нерѣдко кучерскія плети
 Его стегали, потому
 Что онъ не разбиралъ дороги
 Ужъ никогда; казалось — онъ
 Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
 Былъ шумомъ внутренней тревоги.
 И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
 Влечилъ — ни звѣрь, ни человѣкъ;
 Ни то, ни сѣ — ни житель свѣта,
 Ни призракъ мертвой....

Разъ онъ спалъ .

У Невской пристани. Дни лѣта
 Клонились къ осени. Дышалъ
 Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
 Плескалъ на пристань, роища пѣни
 И бясь о гладкія ступени,
 Какъ челобитчикъ у дверей
 Ему невнемлющихъ судей.
 Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
 Дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло —
 И съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,

Перекликался часовой....
Вскочилъ Евгеній; вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ ⁵.

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вокругъ него,
И львовъ, и площадь, и Того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракъ съ мѣдной головой
И съ распростертою рукою —
Какъ будто градомъ любовался.

Безумецъ бѣдный обошелъ
Кругомъ скалы съ тоскою дикой,

5. См. описаніе памятника въ Мицкевичѣ. Оно заимствовано изъ Рубана — какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ.

И надпись яркую прочелъ,
 И сердце скорбію великой
 Стѣснилось въ немъ. Его чело
 Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
 Глаза подернулись туманомъ....
 По членамъ холодъ пробѣжалъ
 И вздрогнулъ онъ — и мраченъ сталъ
 Предъ дивнымъ Русскимъ Великаномъ.
 И персть свой на Него поднявъ,
 Задумался... Но вдругъ стремглавъ
 Бѣжать пустился. Показалось
 Ему, что грознаго Царя,
 Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
 Лице тихонько обращалось....
 И онъ по площади пустой
 Бѣжить и слышитъ за собой,
 Какъ будто грома грохотанье,
 Тяжело-звонкое скаканье
 По потрясенной мостовой —
 И, озаренъ луною блѣдной,
 Простерши руку въ вышинъ,
 За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
 На звонко-скачущемъ конѣ —
 И во всю ночь, безумецъ бѣдный
 Куда стопы ни обращалъ,
 За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
 Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

И съ той поры, когда случилось
 Идти той площадью ему,
 Въ его лицѣ изображалось
 Смятенье : къ сердцу своему

Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиря муку;
Картузъ изношенный сымалъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шелъ сторонкой.

Островъ малый

На взморьѣ видѣнъ. Иногда
Причалить съ неводомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варить;
Или чиновникъ посѣтить,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхій. Надъ водою
Остался онъ какъ черный кустъ —
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего...
И тутъ же хладный трупъ его
Похоронили, ради Бога.

ХИ.

АНДЖЕЛО.

(1833.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италии счастливой
Когда-то властвовалъ предобрый, старый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивый,
Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ,
А добротъ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ судъ его дремалъ карающій Законъ,
Какъ дряхлый звѣрь, уже къ ловитвѣ неспособный.
Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,
Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,

Что правосудіе сидѣло сложа руки
И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ раскаянемъ смущенный,
Хотѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
Молчаніемъ суда уже дозволено,
И вдругъ его казнить совсѣмъ несправедливо
И странно было бы, тому-же особливо,
Кто первый самъ его потворствомъ ободрялъ.
Что дѣлать? Долго Дукъ терпѣлъ и размышлялъ.
Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ на время
Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя,
Чтобъ новый властелинъ расправой новой могъ
Порядокъ вдругъ завести, и былъ бы крутъ и строгъ.

III.

Былъ нѣкто Анджело, мужъ опытный, не новый
Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
Блѣднѣющій въ трудахъ, ученїи и постѣ,
За нравы строгіе прославленный вездѣ,
Стѣснившій весь себя оградю законной,
Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной.
Его-то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
И въ ужасъ ополчилъ и милостью облекъ,
Неограниченны права ему вручая.
А самъ, докучнаго вниманья избѣгая,
Съ народомъ не простясь, incognito, одинъ
Пустился странствовать, какъ древній Паладинъ.

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управленіе,
И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло,

Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
 Законы поднялись, хватая въ когти зло;
 На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ боязни,
 По пятницамъ пошли разыгрываться казни,
 И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
 И говорить: хе! хе! да этотъ ужъ не тотъ.

V.

Между законами, забытыми въ ту пору,
 Жестокій былъ одинъ: законъ сей изрекалъ
 Прелюбодѣю смерть. Такого приговору
 Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слыхалъ.
 Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенья
 Отрылъ его, и въ страхъ повѣсамъ городскимъ
 Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненья,
 Сурово говоря помощникамъ своимъ:
 «Пора намъ зло пугнуть Въ балованномъ народѣ
 Преобратилися привычки ужъ въ права,
 И шмыгаютъ кругомъ закона на свободѣ,
 Какъ мыши около зѣвающего льва.
 Законъ не долженъ быть пужало изъ тряпицы,
 На коемъ наконецъ уже садятся птицы.»

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольнo дрожь.
 Роптали вообще, смѣялась молодежь,
 И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадила,
 Мѣжъ тѣмъ какъ вѣтренно надъ бездною скользила:
 И первый подъ топоръ безпечной головой
 Попался Клавдіо, патрицій молодой.
 Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить,
 И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,
 Джульету нѣжную успѣлъ онъ обольстить,

И къ тайнствамъ любви безбрачной преклонить.
 Но ихъ послѣдствія къ несчастью явны стали;
 Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали,
 Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
 И юношѣ прочли законный приговоръ.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшенье,
 Съ поникшей головой обратно шелъ въ тюрьму.
 Невольно каждому внушая сожалѣнье
 И горько сѣтуя. На встрѣчу вдругъ ему
 Попался Луціо, гуляка беззаботной,
 Повѣса, вздорный враль, но малый добротной.
 «Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
 Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
 Что долженъ я на смерть идти; чтобъ успѣшила
 Она спасти меня, друзей бы упросила,
 Иль даже бы пошла къ намѣстнику сама.
 Въ ней много, Луціо, искусства и ума;
 Богъ далъ ея рѣчамъ увѣрчивость и сладость;
 Къ тому жъ и безъ рѣчей рыдающая младость
 Мягчитъ сердца людей.» — Изволь! поговорю,
 Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
 Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабела

Въ то время съ важною монахиней сидѣла,
 Постричься черезъ день она должна была
 И разговоръ о томъ со старицей вела.
 Вдругъ Луціо звонитъ и входитъ. У рѣшетки
 Его привѣтствуетъ, перебирая четки,
 Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»

— Дѣвица (и судя по розовымъ щекамъ
 Увѣренъ я, что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ),
 Нельзя ли доложить прекрасной Изабелѣ,
 Что къ ней меня прислалъ ея несчастный братъ?—
 «Несчастный?... почему? что съ нимъ? скажите смѣло:
 Я Клавдіо сестра.» — Нѣтъ, право? очень радъ.
 Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло:
 Вашъ братъ въ тюрьмѣ.—«За что?»—За то, за что бы я
 Благодарилъ его, красавица моя,
 И не было бъ ему инаго наказанья —
 (Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
 Немного жесткія своею наготою
 Для дѣвственныхъ ушей отшельницы младой;
 Но со вниманіемъ все выслушала дѣва,
 Безъ приторныхъ причудъ стыдливости и гнѣва.
 Она чиста была душою какъ эфиръ:
 Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
 Своею суетой и праздными рѣчами.)
 —Теперь, примолвилъ онъ, осталось лишь мольбами
 Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чемъ просилъ
 Васъ братецъ. — «Боже мой, дѣвица отвѣчала,
 Когда бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!...
 Но сомнѣваюся; во мнѣ не станетъ силъ...»
 —Сомнѣнья намъ враги, тотъ съ жаромъ возразилъ,
 Насъ неудачею предатели страшатъ,
 И благо вѣрное достать не допускаютъ.
 Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,
 Что если дѣвица, колѣна преклоня
 Передъ мужчиною, и просить и рыдаетъ,
 Какъ Богъ онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ. —

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной,

Съ усерднымъ Луціо къ вельможѣ посѣвшила,
 И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
 За брата своего Намѣстника молила.
 — Дѣвица, отвѣчалъ суровый человекъ,
 Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ;
 Онъ долженъ умереть. — Заплакавъ Изабела
 Склонилась передъ нимъ и прочь идти хотѣла,
 Но добрый Луціо дѣвицу удержалъ.
 «Не отступайтесь такъ, онъ тихо ей сказалъ,
 Просите вновь его; бросайтесь на колѣни,
 Хватайтесь за плащъ, рыдайте; слезы, пѣни,
 Всѣ средства женскаго искусства вы должны
 Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны,
 Какъ будто рѣчь идетъ межъ вами про иголку:
 Конечно, если такъ, не будетъ вѣрно толку.
 Не отставайте же! еще!»

X.

Она опять

Усердною мольбой стыдливо умолять
 Жестокосердаго блюстителя закона.
 «Повѣрь мнѣ, говорить, ни царская корона,
 Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ судіи,
 Ни полководца жезлъ — всѣ почести сіи —
 Земныхъ властителей ничто не украшаетъ
 Какъ милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.
 Когда бъ во власть твою мой братъ былъ облеченъ,
 А ты былъ Клавдіо, ты могъ бы пасть какъ онъ,
 Но братъ бы не былъ строгъ какъ ты.»

XI.

Ея укоромъ

Смущенъ былъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взоромъ,

«Оставь меня, прошу,» сказалъ онъ тихо ей.
 Но дѣва скромная и жарче и смѣльй
 Была часть отъ часу. «Помилуй! говорила,
 Подумай, если тотъ, чья праведная сила
 Прощаетъ и цѣлитъ, судимъ бы грѣшныхъ насъ
 Безъ милосердія, скажи: что было бъ съ нами?
 Подумай — и любви услышишь въ сердцѣ гласъ,
 И милость нѣжная твоими дхнеть устами,
 И новый челоувѣкъ ты будешь.»

ХII.

Онъ въ отвѣтъ:

«Поди; твои мольбы пустая словъ утрата.
 Не я, законъ казнить. Спасти нельзя мнѣ брата,
 И завтра онъ умретъ.»

Изабела.

Какъ завтра! что? нѣтъ, нѣтъ.

Онъ не готовъ еще... подумай, въ самомъ дѣлѣ:
 Ты знаешь, Государь, несчастный осужденъ
 За преступленіе, которое доселѣ
 Прощалось каждому; постраждетъ первый онъ.

Анджело.

Законъ не умираетъ, но былъ лишь въ усыпленъ;
 Теперь проснулся онъ.

Изабела.

Будь милостивъ!

Анджело.

Цельзя.

Потворствовать грѣху есть тоже преступленіе:
 Карая одного, спасаю многихъ я.

ИЗАБЕЛА.

Ты ль первый изречешь сей приговоръ ужасный?
 И первой жертвою мой будетъ братъ несчастный!
 Нѣтъ, нѣтъ! будь милостивъ. Уже ль душа твоя
 Совсѣмъ безвинная? спросись у ней: уже ли
 И мысли грѣшныя въ ней отроду не тлѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
 И прочь идти хотѣлъ. Она: «Постой, постой!
 Послушай, воротись! Великими дарами
 Я задарю тебя... прими мои дары,
 Они не суетны, но честны и добры,
 И будешь ими ты дѣлиться съ небесами:
 Я одарю тебя молитвами души
 Предъ утренней зарей, въ полнощной тиши,
 Молитвами любви, смиренія и мира,
 Молитвами святыхъ, угодныхъ небу дѣвъ,
 Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
 Живыхъ для Господа.»

Смущенъ и присмирѣвъ,
 Онъ ей свиданіе на завтра назначаетъ
 И въ отдаленные покои поспѣшаетъ.

—

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Анджело, безмолвный и угрюмой,
 Сидѣлъ уединясь, объять одною думой,

Однимъ желаніемъ; всю ночь не тронулъ сонъ
 Усталыхъ вѣждъ его. «Что жъ это мыслить онъ,
 Уже ль ее люблю, когда хочу такъ сильно
 Услышать вновь ее, и взоръ мой усладить
 Дѣвичьей прелестью? По ней грустить умильно
 Душа... Или когда святаго уловить
 Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
 И манить онъ на крюкъ? Нескромной красотою
 Я не былъ отъ роду къ соблазнамъ увлеченъ,
 И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
 Влюбленный человѣкъ доселѣ мнѣ казался
 Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
 А нынѣ!...»

II.

Размышлять, молиться хочетъ онъ;
 Но мыслить, молится разсѣянно. Словами
 Онъ небу говоритъ, а волей и мечтами
 Стремится къ ней одной. Въ уныньѣ погруженъ,
 Устами праздными вращалъ онъ имя Бога,
 А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная тревога
 Его осилила. Правленье для него,
 Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
 Несноснымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ; какъ отъ ига
 Отречься былъ готовъ отъ сана своего;
 А важность мудрую, которой столь гордился,
 Которой весь народъ безсмысленно дивился,
 Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ,
 Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ...

.

Поутру къ Анджело явилась Изабела
 И странный разговоръ съ Намѣстникомъ имѣла.

АНДЖЕЛО.

Ш.

АНДЖЕЛО.

Что скажешь?

ИЗАБЕЛА.

Волю я твою пришла узнать.

АНДЖЕЛО.

Ахъ, если бы ее могла ты угадать!...
Твой братъ не долженъ жить... а могъ бы.

ИЗАБЕЛА.

Почему же

Простить нельзя его?

АНДЖЕЛО.

Простить?.. Что въ міръ хуже
Столь гнуснаго грѣха? Убійство легче.

ИЗАБЕЛА.

Да,

Такъ судятъ въ небесахъ, но на землѣ, когда?

АНДЖЕЛО.

Ты думаешь? такъ вотъ тебѣ предположенье:
Что если бь отдали тебѣ на разрѣшенье
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?

ИЗАБЕЛА.

Скорѣе, чѣмъ душою,
Я плотью жертвовать готова.

АНДЖЕЛО.

Я съ тобою

Теперь не о душѣ толкую... дѣло въ томъ:

Братъ осужденъ на казнь; спасти его грѣхомъ
Не милосердіе ль?

ИЗABELA.

Предъ Богомъ я готова
Душею отвѣчать: грѣха въ томъ никакова,
Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!
Тутъ милость, а не грѣхъ.

АНДЖЕЛО.

Спасешь ли ты его,
Коль милость на всахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

ИЗABELA.

О пусть моимъ грѣхомъ спасенье брата станеть!
Коль это только грѣхъ, о томъ готова я
Молиться день и ночь.

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, выслушай меня :
Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понять меня нарочно избѣгаешь;
Я проще изъяснюсь : твой братъ приговорень.

ИЗABELA.

Такъ.

АНДЖЕЛО.

Смерть изрекъ ему рѣшительно законъ.

ИЗABELA.

Такъ точно.

АНДЖЕЛО.

Средство есть одно къ его спасенью.
(Все это клонится къ тому предположенью,

И только есть вопросъ и больше ничего.)
 Положимъ : тотъ, кто бѣ могъ одинъ спасти его,
 (Наперникъ судіи, иль самъ по сану властный
 Законы толковать, смягчить ихъ смыслъ ужасный)
 Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
 И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
 Своимъ паденіемъ; не то — рѣшить законъ.
 Что скажешь ? какъ бы ты въ умѣ своемъ рѣшила ?

ИЗABELA.

Для брата, для себя рѣшилась бы скорѣй,
 Повѣрь, какъ яхонты, носить рубцы бичей
 И лечь въ кровавый гробъ спокойно какъ на ложе,
 Чѣмъ осквернить себя.

АНДЖЕЛО.

Твой братъ умереть.

ИЗABELA.

Такъ что же;

Онъ лучший путь себѣ конечно избереть.
 Безчестіемъ сестры души онъ не спасеть.
 Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ на вѣчно.

АНДЖЕЛО.

Зачто жъ казалось тебѣ безчеловѣчно
 Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
 Въ жестокосердіи. Давно ль еще? Сейчасъ
 Ты праведный законъ тираномъ называла,
 А братній грѣхъ едва ль не шуткой почитала.

ИЗABELA.

Прости, прости меня. Невольно я душой
 Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
 Противорѣчила я, милое спасая,

И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.

АНДЖЕЛО.

Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
Такъ, женщина слаба, я въ этомъ убвжденъ,
И говорю тебъ: будь женщина, не болѣ —
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

ИЗАБЕЛА.

Тебя я не могу понять.

АНДЖЕЛО.

Поймешь: люблю тебя.

ИЗАБЕЛА.

Увы! что мнѣ сказать?
Джюльету братъ любилъ, и онъ умеръ несчастный.

АНДЖЕЛО.

Люби меня, и живъ онъ будетъ.

ИЗАБЕЛА.

Знаю: властный

Испытывать другихъ, ты хочешь...

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, клянусь,

Отъ слова моего теперь не отопрусь:

Клянуся честію!

ИЗАБЕЛА.

О много, много чести!

И дѣло честное!... Обманщикъ! Демонъ лести,

Сейчасъ мнѣ Клавдіо свободу подпиши,

Или поступокъ твой и черноту души

Я всюду разглашу — и полно лицемврить
Тебѣ передъ людьми.

Анджело.

И кто же станетъ вврить?

По строгости моей извѣстенъ свѣту я;
Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
И самый приговоръ надъ братней головою
Представятъ твой доносъ безумной клеветою.
Теперь я волю дамъ стремленію страстей.
Подумай и смирись предъ волею моей;
Брось эти глупости : и слезы, и моления,
И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья
Твѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной
Искупишь ты его отъ плахи роковой.
До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта.
И знай, что твоего я не боюсь извѣта.
Что хочешь говори, не пошатнуся я.
Всю истину твою низвергнетъ ложь моя.

IV.

Сказалъ и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу
Оставя въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшитъ она въ темницу.
Дверь отворилась ей; и братъ ея глазамъ
Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ унынїи глубокомъ,
О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
Безмолвенъ онъ сидѣлъ, и съ нимъ въ плащѣ широкомъ,
Подъ чернымъ куколемъ, съ Распятіемъ въ рукахъ

Согбенный старостью бесѣдовалъ монахъ.
 Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
 Что смерть и бытіе равны одна другому,
 Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа,
 И что подлунный міръ не стоитъ ни гроша.
 Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
 А въ сердцѣ милою Джюльетой занимался
 Отшельница вошла : міръ вамъ! — Очнулся онъ,
 И смотритъ на сестру: мгновенно оживленъ.
 Отецъ мой, говоритъ монаху Изабела,
 Я съ братомъ говорить одна бы здѣсь хотѣла.
 Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

КЛАВДІО.

Что жъ, милая сестра,
 Что скажешь?

ИЗАБЕЛА.

Милый братъ, пришла тебѣ пора.

КЛАВДІО.

Такъ нѣтъ спасенья?

ИЗАБЕЛА.

Нѣтъ, имъ развѣ поплатиться
 Душей за голову?

КЛАВДІО.

Такъ средство есть одно?

ИЗАБЕЛА.

Такъ, есть. Ты могъ бы жить. Судья готовъ смягчиться.
 Въ немъ милосердіе бѣсовское : оно
 Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

КЛАВДІО.

Что? вѣчная тюрьма?

ИЗАБЕЛА.

Тюрьма — хоть безъ оградъ,
Безъ цѣпи.

КЛАВДІО.

Изъяснись, что жъ это?

ИЗАБЕЛА.

Другъ сердечной

Братъ милый! Я боюсь... Послушай, милый братъ :
Семь, восемь лишнихъ лѣтъ уже ль тебѣ дороже
Всегдашней чести? Братъ, боишься ль умереть?
Что чувство смерти? мигъ. И много ли терпѣть?
Раздавленный червякъ при смерти терпитъ то же,
Что терпитъ великанъ.

КЛАВДІО.

Сестра! или я трусь?
Или идти на смерть во мнѣ не станетъ силы?
Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
Коль долженъ умереть, и встрѣчу ночь могилы
Какъ дѣву милую.

ИЗАБЕЛА.

Вотъ братъ мой! узнаю;
Изъ гроба слышу я отцовской голосъ. Точно :
Ты долженъ умереть; умри же безпорочно.
Послушай, ничего тебѣ не утаю;
Тотъ грозный судія, святоша тотъ жестокой,
Чьи взоры строгіе во всѣхъ родятъ боязнь,
Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь —

Самъ демонъ; сердце въ немъ черно какъ адъ глубокой
И полно мерзостью.

КЛАВДІО.

Намѣстникъ?

ИЗАБЕЛА.

Адъ облекъ

Его въ свою броню. Лукавый человекъ!
Знай : если бъ я его безстыдное желанье
Рѣшилась утолить, тогда бы могъ ты жить.

КЛАВДІО.

О нѣтъ, не надобно.

ИЗАБЕЛА.

На гнусное свиданье,
Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣшить.
Иль завтра ты умрешь.

КЛАВДІО.

Нейди, сестра.

ИЗАБЕЛА.

Братъ милой!

Богъ видитъ : ежели одной моей могилой
Могла бы я тебя отъ казни искупить,
Не стала бъ болѣе иголки дорожить
И жизнию моей.

КЛАВДІО.

Благодарю, другъ милой !

ИЗАБЕЛА.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

КЛАВДІО.

Да, такъ... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой!

... Для одного мгновенья
 Уже ль себя сгубить рѣшился бѣ онъ на вѣкъ?
 Нѣтъ, я не думаю. Онъ умный человекъ.
 Ахъ, Изабела!

ИЗАБЕЛА.

Что? что скажешь?

КЛАВДІО.

Смерть ужасна!

ИЗАБЕЛА.

И стыдъ ужасенъ.

КЛАВДІО.

Такъ — однако жъ ... умереть,
 Идти невѣдомо куда, во гробъ тлѣть,
 Въ холодной тѣснотѣ... Увы! земля прекрасна
 И жизнь мила А тутъ: войти въ нѣмую мглу,
 Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,
 Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
 Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ.

.....

ИЗАБЕЛА.

О Боже!

КЛАВДІО.

Другъ ты мой! Сестра! позволь мнѣ жить.
 Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,
 Природа извинить.

ИЗАБЕЛА.

Что смѣешь говорить?

Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
 Себѣ ты жизни ждешь!... Кровосмѣситель! нѣтъ,
 Я думать не могу, нельзя, чтобъ жизнь и свѣтъ
 Моимъ отцемъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
 Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,
 Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
 Спасти тебя могла лишь волею моею,
 То все таки бѣ теперь свершилась казнь твоя.
 Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
 За жизнь — ужъ ни одной.

КЛАВДІО.

Сестра стой, стой!

Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой

Удерживалъ ее за платье. Изабела
 Отъ гнѣва своего насилу охладѣла,
 И брата бѣднаго простила, и опять
 Лаская, начала страдальца утѣшать.

—

ЧАСТЬ ТРЕТЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
 И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
 Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
 Ни что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтой.

Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
 И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометою,
 Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ, наблюдалъ
 И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ
 Палаты, площади, монастыри, больницы,
 Развратные дома, театры и темницы.
 Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
 Романы онъ любилъ, и можетъ быть хотѣлъ
 Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
 Младой отшельницы подслушавъ весь разговоръ,
 Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
 Не только наказать жестокость и обиду,
 Но сладить кое-что... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
 Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
 «Я слышалъ все, сказалъ, ты похвалы достойна:
 Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
 Предайся жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна,
 Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь »
 Тутъ онъ ей объяснилъ свое предположеніе
 И далъ прощальное свое благословеніе.

II.

Друзья! повѣрите ль, чтобъ мрачное чело,
 Угрюмой, злой души печальное зеркало,
 Желанья женскія на вѣки привязало
 И нѣжной красотѣ понравиться могло?
 Не чудно ли? Но такъ. Сей Анджело надменный,
 Сей злобный человекъ, сей грѣшникъ — былъ любимъ
 Душею нѣжною, печальной и смиренной,
 Душей отверженной мучителемъ своимъ.
 Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрыма,
 Младой его жены молва не пощадила,

Безъ доказательства насмѣшливо коря;
 И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
 «Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,
 «Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнье
 «Къ супругъ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
 Одна въ предмѣстїи печально изнывая.
 Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
 По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьяна подъ окномъ за пряжею сидѣла
 И тихо плакала. Какъ ангелъ, Изабела
 Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
 Отшельница была давно знакома съ ней,
 И часто утѣшать несчастную ходила.
 Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила.
 Марьяна, только лишь настанетъ ночи мгла,
 Къ палатамъ Анджело идти должна была,
 Въ саду съ нимъ встрѣтиться подъ каменной оградой
 И наградить его условленной наградой.
 Чуть внятнымъ шопотомъ, прощаяся, шепнуть
 Лишь только то: *теперь о братья не забудь.*
 Марьяна блѣдная сквозь слезы улыбалась,
 Готовилась дрожа — и дѣва съ ней разсталась.

IV.

Всю ночь въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ,
 И сидя съ Клавдію, страдальца утѣшалъ.
 Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабела.
 Все шло какъ надобно: сейчасъ у ней сидѣла
 Марьяна блѣдная, съ успѣхомъ возвратясь,
 И мужа обманувъ. Денница занялась —

Вдругъ запечатанный приказъ приноситъ вѣстникъ
 Начальнику тюрьмы. Читаютъ: что жь? Намѣстникъ
 Немедля узника приказывалъ казнить
 И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ — представить
 Начальнику тюрьмы свой перстень и печать,
 И казнь остановить, а къ Анджело отправить
 Другую голову, велѣвъ обрить и снять
 Ее съ широкихъ плечъ разбойника морскаго,
 Горячкой въ ту же ночь умершаго въ тюрьмѣ,
 А самъ отправился, дабы вельможу злаго
 Столь гнусныя дѣла творящаго во тѣмъ,
 Предъ свѣтомъ обличить.

VI.

Едва молва невнятно
 О казни Клавдіо успѣла пробѣжать,
 Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
 Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчатъ
 Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
 Грызомый совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный,
 Туда же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ
 Привѣтствуетъ народъ, тѣснящійся вокругъ,
 И дружно къ Анджело протягиваетъ руку.
 И вдругъ раздался крикъ — и прямо въ ноги Дuku
 Дѣвица падаетъ. «Помилуй, Государь!
 Ты щить невинности, ты милости алтарь,
 Помилуй!...» Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
 И взоры дикіе на Изабелу мещетъ....
 Но побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,
 «Она помѣшана, сказалъ онъ, видѣвъ брата

Приговореннаго на смерть. Ся утрата
Въ ней разумъ потрясла...»

Но обнаружа гнѣвъ

И долго скрытое въ душѣ негодование:
«Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
Злодѣйство на землѣ получить воздаянье.
Дѣвица, Анджело! за мною, во дворецъ!»

VI.

У трона во дворцѣ стояла Маріана
И бѣдный Клавдіо. Злодѣй увидя ихъ,
Затрениталъ, челомъ поникнулъ и утихъ?
Все объяснилось, и правда изъ тумана
Возникла. Дукъ тогда: что, Анджело, скажи,
Чего достоинъ ты? Безъ слезъ и безъ боязни
Съ угрюмой твердостью тотъ отвѣчаетъ: «казни!
И объ одномъ молю: скорѣ прикажи
Вести меня на смерть.»

— Иди, сказалъ властитель,

Да гибнетъ судія-торгашъ и обольстителъ,
Но бѣдная жена къ ногамъ его упавъ,
Помилуй, молвила; ты мужа мнѣ отдавъ,
Не отымай опять; не смѣйся надо мною.
— Не я, но Анджело смѣялся надъ тобою,
Ей Дукъ отвѣтствуетъ; но о твоей судьбѣ
Самъ буду я пещись. Останутся тебѣ
Его сокровища, и будешь ты награда
Супругу лучшему. — Мнѣ лучшаго не надо.
Помилуй, Государь! не будь неумолимъ.
Твоя рука меня соединила съ нимъ!
Уже ли для того такъ долго я вдовѣла?
Онъ челоуѣчеству свою принесть лишь дань.

Сестра! спаси меня! другъ милый Изабела!
Проси ты за него, хоть на колѣна стань,
Хоть руки подыми ты молча.—

Изабела

Душой о грѣшникѣ, какъ ангелъ, пожалѣла
И предъ властителемъ колѣна преклоня,
«Помилуй, Государь! сказала. За меня
Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно,
И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
Покамѣстъ на меня очей не устремилъ.
Прости же ты его!»

И Дукъ его простилъ.

XIII.

ПРОСТОНАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

(1825—1833.)

1.

ЖЕНИХЪ.

(1825).

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожить и еле дышитъ.

Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,

И отступились наконецъ,
А тайны не узнали.
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

Разъ у тесовыхъ у воротъ,
Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица — и вотъ
Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ.
Конями, крытыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ стоя править
И гонить всѣхъ и давить.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
Наташа поглядѣла,
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
Наташа помертвѣла.
Стремглавъ домой она бѣжить
Онъ! онъ! узнала! говорить,
Онъ, точно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!

Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Отецъ ей: «милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя—скажи,
Хоть только слѣдъ намъ укажи.»

Наташа плачетъ снова.
И болѣе ни слова.

Наутро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданая приходитъ.
Наташу хвалить, разговоръ
Съ отцомъ ея заводитъ:
«У васъ товаръ, у насъ купецъ;
Собою парень молодецъ,
И статной, и проворной,
Не вздорной, не зазорной.

«Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется въ поясъ,
А какъ бояринъ между тѣмъ
Живеть, не беспокоясь;
А подарить невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платье парчевыя

«Катаясь, видѣлъ онъ вчера
Ее за воротами;
Не по рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами?»
Она сидитъ за пирогомъ,
Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.

«Согласенъ, говоритъ отецъ;
Ступай благополучно,

Моя Наташа, подь вѣнецъ:
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все косаткѣ распѣвать,
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить.»

Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить хочеть —
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ и хохочеть.
Въ смятеньи сваха къ ней бѣжитъ,
Водой студеною поить
И льетъ остатокъ чаши
На голову Наташи.

Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Наташа,
И говоритъ: «послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пиръ,
Пеките хлѣбы на весь міръ,
На славу медъ варите,
Да судъ на пиръ зовите.»

«Изволь, Наташа, ангелъ мой!
Готовъ тебѣ въ забаву
Я жизнь отдать!» — И пиръ горой;
Пекутъ, варятъ на славу.
Вотъ гости честные наши,
За столъ невѣсту повели;

Поютъ подружки, плачутъ,
А вотъ и сани скачутъ.

Вотъ и женихъ — всѣ за столъ.

Звенятъ, гремятъ стаканы.

Заздравный ковшъ кругомъ пошолъ;

Все шумно, гости пьяны.

Женихъ. «А что же, милые друзья,

Невѣста красная моя

Не пьетъ, не ѣстъ, не служитъ:

О чемъ невѣста тужить?»

Невѣста жениху въ отвѣтъ:

«Откроюсь на удачу.

Душѣ моей покоя нѣтъ,

И день и ночь я плачу:

Недобрый сонъ меня крушить.»

Отецъ ей: «что жъ твой сонъ гласить?

Скажи намъ, что такое,

Дитя мое родное?»

«Мнѣ снилось, говоритъ она,

Зашла я въ лѣсъ дремучій,

И было поздно; чуть луна

Свѣтила изъ-за тучи;

Съ тропинки сбилась я: въ глуши

Не слышно было ни души,

И сосны лишь да ели

Вершинами шумѣли.

«И вдругъ, какъ будто наяву,

Изба передо мною.

Я къ ней, стучу — молчать. Зову —
 Отвѣта нѣтъ; съ мольбою
 Дверь отворила я. Вхожу —
 Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу —
 Вездѣ серебро, да золото,
 Все свѣтло и богато.»

Женихъ. «А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
 Знать жить тебѣ богато.»

Невѣста. «Постой, сударь, не конченъ онъ.
 На серебро, на золото,
 На сукна, коврики, парчу,
 На Новгородскую камчу,
 Я молча любовалась,
 И диву дивовалась.»

«Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ...
 Подѣхали къ крылечку.
 Я поскорѣ дверью хлопъ,
 И спряталась за печку.
 Вотъ слышу много голосовъ...
 Взошли двѣнадцать молодцовъ,
 И съ ними голубица
 Красавица-дѣвица.»

«Взошли толпой, не поклонясь,
 Иконъ не замѣчая;
 За столъ садятся, не молясь
 И шапокъ не снимая.
 На первомъ мѣстѣ братъ большой,
 По праву руку братъ меньшей,

По лъву голубица
Красавица-дѣвица.

«Крикъ, хохоть, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмѣлье...»

Женихъ. «А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Вѣщаетъ онъ веселье.»

Невѣста. «Постой, сударь, не конченъ онъ.
Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ.
Пиръ весело бушуеть,
Лишь дѣвица горюеть.»

«Сидить, молчить, не ѣсть, не пьеть,
И токомъ слезы точить,
А старшій братъ свой ножъ береть,
Присвистывая точить;
Глядитъ на дѣвицу-красу,
И вдругъ хватаетъ за косу,
Злодѣй дѣвицу губить,
Ей праву руку рубить.»

—Ну, это, говоритъ женихъ,
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа-дѣвица.—
Она глядитъ ему въ лицо.
«А это съ чьей руки кольцо?»
Вдругъ молвила невѣста,
И всѣ привстали съ мѣста.

Кольцо катится и звенить,
Женихъ дрожить блѣднѣя;

Смутились гости — судъ гласить:

Держи, вязать злодѣя!

Злодѣй окованъ, обличенъ,

И скоро смертію казненъ.

Прославилась Наташа!

И вся тутъ пѣсня наша.

2.

СКАЗКА

ЦАРЬ САЛТАНЪ, О СЫНѢ ЕГО, СЛАВНОМЪ И МОГУЧЕМЪ БОГАТЫРѢ КНЯЗѢ
ГВИДОНѢ САЛТАНОВИЧѢ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНѢ ЛЕБЕДИ.

(1831.)

—

Три дѣвицы подѣ окномѣ
Пряли поздно вечеркомѣ.
Кабы я была царица,
Говорить одна дѣвица,
То сама на весь бы мѣръ
Приготовила я пирѣ.
Кабы я была царица,
Говорить ея сестрица,
То на весь бы мѣръ одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бѣ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,

И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
Здравствуй, красная дѣвица,
Говорить онъ, будь царица
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха.

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пирь честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха —
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,

Объщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.

Въ тѣ поры война была:
Царь Салтанъ, съ женой простяся,
На добра-коня сядяся,
Ей наказывалъ себя
Поберечь, его любя.

Между тѣмъ, какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ.
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ;
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.

А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другова
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:

«Родила царица въ ночь
«Не то сына, не то дочь;
«Не мышенка, не лягушку,
«А невѣдому звѣрюшку.»

Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,
Въ гнѣвъ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:

«Ждать царева возвращенья
Для законнаго ршенья.»

Бдетъ съ грамотой гонецъ.
И прїѣхалъ наконецъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой
Обождать его велятъ;
Допьяна гонца поятъ
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую —
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ же день приказъ такой:
«Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ.»
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицъ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслухъ указъ.
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатали
И пустили въ окіянь —
Такъ вельѣ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ.
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Туча по небу идетъ,

Бочка по морю плыветь.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И ростеть ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопить...
А дитя волну торопитъ:
«Ты, волна моя, волна!
«Ты гульлива и вольна;
«Плещешь ты, куда захочешь,
«Ты морскія камни точишь,
«Топишь берегъ ты земли,
«Подымаешь корабли —
«Не губи ты нашу душу:
«Выплесни ты насъ на сушу!»
И послушалась волна:
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена;
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
Богъ неужто ихъ покинетъ?
Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать? молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волъ;
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ.

Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
Быль бы намъ однако нуженъ.
Ломить онъ у дуба сукъ
И въ тугой сгибаетъ лукъ,
Со креста снурокъ шелковой
Натянулъ на лукъ дубовой,
Тонку тросточку сломилъ
Стрѣлкой легкой заострилъ,
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ и слышитъ будто стонъ...
Видно на морѣ не тихо;
Смотрить — видитъ дѣло лихо :
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та бѣдняжка такъ и плещеть,
Воду вокругъ мутить и хлещеть...
Тотъ ужъ когти распустилъ,
Клевъ кровавый наострилъ...
Но какъ разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла —
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотрить : коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злаго коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопить,

Бѣтъ крыломъ и въ морѣ топить —
И царевичу потомъ
Молвить Русскимъ языкомъ :
«Ты, царевичъ, мой спаситель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Бѣсть не будешь ты три дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Это горе — все не горе.
Отплачу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ потомъ :
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
Ты не коршуна убилъ,
Чародѣя подстрѣлилъ.
Ввѣкъ тебя я не забуду :
Ты найдешь меня повсюду.
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись.»

Улетѣла лебедь - птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,
Лечь рѣшили натоцакъ.
Вотъ открылъ царевичъ очи!
Отрясая грезы ночи
И дивясь, передъ собой
Видитъ городъ онъ большой;
Стѣны съ частыми зубцами,
И за бѣлыми стѣнами
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.

Онъ скорѣй царицу будить;
Та какъ ахнетъ!... То ли будетъ?
Говорить онъ; вижу я :
Лебедь тѣшится моя.
Мать и сынъ идутъ ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ :
Къ нимъ народъ на встрѣчу валить,
Хоръ церковный Бога хвалить;
Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой :
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ же день сталь княжить онъ
И нарекъся : князь Гвидонъ.

Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ :
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликѣ толпятся,
На знакомомъ острову
Чудо видятъ наяву :
Городъ новый златоглавой,
Пристань съ крѣпкою заставой —
Пушки съ пристани палятъ,

Кораблю пристать велить.
Пристаютъ къ заставѣ гости :
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ онъ кормить и поить
И отвѣтъ держать велить :
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете ?
Корабельщики въ отвѣтъ :
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь намъ вышелъ срокъ.
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана...
Князь имъ вымолвилъ тогда :
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану :
Отъ меня ему поклонъ
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальней;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветь.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говорить она ему.
Князь печально отвѣчаетъ :
Грусть - тоска меня съѣдаетъ.
Одолѣла молодца :

Видѣть я бѣ хотѣлъ отца.
Лебедь князю : « вотъ въ чемъ горе !
Ну, послушай : хочешь въ море
Полетѣть за кораблемъ ?
Будь же, князь, ты комаромъ. »
И крылами замахала,
Воду съ шумомъ расплескала,
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменьшился,
Комаромъ оборотился;
Полетѣлъ и запищалъ,
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корабль — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ излали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости—
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видить : весь сіяя въ златъ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатъ
На престолъ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,

Около царя сидятъ,
И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ :
Ой вы, гости - господа,
Долго ль ѣздили ? куда ?
Ладно ль за моремъ, иль худо ?
И какое въ свѣтъ чудо ?
Корабельщики въ отвѣтъ :
Мы объѣхали весь свѣтъ ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтъ жъ вотъ какое чудо :
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Непривольный, нежилой ;
Онъ лежалъ пустой равниной ;
Росъ на немъ дубокъ единой ;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду ;
Молвить онъ : коль живъ я буду,
Чудной островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой ,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотять его пустить
Чудной островъ навѣститъ.
« Ужъ диковинка, ну право,
Подмигнувъ другимъ лукаво,

Повариха говорить,
Городъ у моря стоитъ !
Знайте, вотъ что не бездымка :
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ.
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ :
Вотъ что чудомъ - то зовутъ.»
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ - то злится, злится —
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правой глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!...» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Снова князь у моря ходить,
Съ синя моря глазъ не сводить;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говорить она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ :

Грусть - тоска меня съѣдаетъ:
Чудо чудное завестъ
Мнѣ ѹ хотѣлось. Гдѣ - то есть :
Ель въ лѣсу, подѣ елью бѣлка,
Диво, право, не бездѣлка —
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Яра — чистый изумрудъ;
Но, быть можетъ, люди врутъ
Князю лебедь отвѣчаетъ :
«Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебѣ я въ дружбу.»
Съ ободренною душой
Князь пошелъ себѣ домой;
Лишь ступилъ на дворъ широкой —
Что жъ ? подѣ елкою высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки ровныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ :
Во саду ли, въ огородѣ.
Изумился князь Гвидонъ.
Ну, спасибо, молвилъ онъ,
Ай - да лебедь — дай ей Боже,

Что и мнѣ, веселье тоже.
Князь для бѣлочки потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И притомъ дьяка заставилъ
Строгий счетъ орѣхамъ вести.
Князю прибыль, бѣлкѣ честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ :
Онъ бѣжить себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости :
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормить и поить
И отвѣтъ держать велить :
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете ?
Корабельщики въ отвѣтъ :
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы конями,
Все Донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ —
И лежитъ намъ путь далекъ :
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана...
Говоритъ имъ князь тогда :
Добрый путь вамъ, господа,

По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите : князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь — а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молить князь : душа - де просить,
Такъ и тянетъ и уносить....
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего :
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль — и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжить
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана —
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна;
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ : весь сіяя въ златъ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатъ
На престолъ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.

А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ
Ой вы, гости - господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо.
И какое въ свѣтъ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ :
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо;
Въ свѣтъ жъ вотъ какое чудо .
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ:
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ:
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служать ей прислугой разной —
И приставленъ дьякъ приказной
Строгий счетъ орѣхамъ вестъ;
Отдаетъ ей войско честь;

Изъ скорлупокъ лютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту.
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя, да подспудъ :
Всѣ въ томъ островѣ богаты,
Пзобъ нѣтъ, вездѣ палаты;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ.
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣститъ.
Усмѣхнувшись изподтиха,
Говоритъ царю ткачиха :
«Что тутъ дивнаго? ну, вотъ !
Бѣка камешки грызетъ,
Мечетъ золото, и въ груди
Загребаетъ изумруды;
Этимъ насъ не удивишь,
Правду ль, нѣтъ ли, говоришь.
Въ свѣтъ есть иное диво :
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,

Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ —
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится,
А Гвидонъ-то злится, злится...
Зажужжалъ онъ и какъ разъ
Теткѣ съль на лѣвой глазъ,
И ткачиха поблѣднѣла:
Ай! и тутъ же окривѣла;
Всѣ кричатъ: «лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вотъ ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ!

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь: поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ —
Диво бѣ дивное хотѣлъ

Перенести я въ мой удѣлъ.
«А какое жъ это диво?»
— Гдѣ-то вздуется бурливо
Окіянь, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборѣ,
Съ ними дядька Черноморь. —
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печалься же, ступай,
Въ гости братцевъ поджидай.»

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
Всколыхалось вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
И оставило на брегѣ
Тридцать три богатыря;
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И блистая сѣдинами

Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
«Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежедневно
Вмѣстѣ будемъ непременно
У высокихъ стѣнъ твоихъ
Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море;
Тяжекъ воздухъ намъ земли.»
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велеть.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормить и поить
И отвѣтъ держать велить:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?

И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далекъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Говоритъ имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, госнода,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану.
Да скажите-жь князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужь гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де просить..
Такъ и тянетъ, и уноситъ —
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣлъ и зажужжалъ;
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжитъ

Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворець
Полетѣль нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ —
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,

Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ —
И останутся на брегѣ
Тридцать три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходить
И попарно ихъ выводить,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить:
И той стражи нѣтъ надежнѣй.
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ,
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха
Усмѣхнувшись говоритъ:
«Кто насъ этимъ удивить?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ;
Правду ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть:

Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косою блестить,
А во лбу звѣзда горить.
А сама-то величава,
Выплываетъ, будто пава;
А какъ рѣчь то говорить,
Словно рѣченька журчить.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво »
Гости умные молчать:
Спорить съ бабой не хотятъ
Чуду царь Салтанъ дивится —
А царевичъ хотъ и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей:
Онъ надъ ней жужжить, кружится —
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь:
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караулъ! лови, лови,
Да дави его, дави....
Вотъ ужо! пожди немножко,
Погоди!...» А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходить,
Съ синя моря глазъ не сводить;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ

Лебедь бѣлая плыветь.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!

Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?

Опечалился чему?»

Говорить она ему.

Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ.

Грусть-тоска меня съѣдаетъ: —

Люди женятся; гляжу,

Не женатъ лишь я хожу. —

«А кого же на примѣтъ

Ты имѣешь?» — Да на свѣтъ,

Говорять, царевна есть,

Что не можно глазъ отвести.

Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,

Ночью землю освѣщаетъ —

Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,

А во лбу звѣзда горитъ.

А сама то величава,

Выступаетъ, будто пава;

Сладку рѣчь-то говоритъ,

Будто рѣченька журчитъ.

Только, полно, правда ль это? —

Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.

Лебедь бѣлая молчитъ

И подумавъ говоритъ:

«Да! такая есть дѣвица.

Но жена не рукавица:

Съ бѣлой ручки не стряхнешь,

Да за поясъ не заткнешь.

Услужу тебѣ совѣтомъ —

Слушай: обо всемъ объ этомъ

Пораздумай ты путемъ,

Не раскаяться бѣ потомъ.»
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться,
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ идти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ вздохнувъ глубоко,
Молвила: «зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта — я »
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты,
Опустилася въ кусты,
Встрепенулася, отряхнулася
И царевной обернулася:
Мѣсяцъ подъ косою блеснить,
А во лбу звезда горить;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчить.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умолая:
— Государыня родная!
Выбралъ я жену себѣ,

Дочь послушную тебѣ.
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и любви. —
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконой чудотворной
Слезы льетъ и говорить:
«Богъ васъ, дѣти, наградить.»
Князь не долго собирался,
На царевнѣ обвѣнчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Онъ ихъ кормить и поить
И отвѣтъ держать велить:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы недаромъ
Неуказаннымъ товаромъ;

А лежитъ намъ путь далекъ:
Во свояси на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
Къ намъ онъ въ гости общался,
А досель не собрался.
Шлю ему я свой поклонъ.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.
Гости видятъ: во дворцѣ
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ,
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ

За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтъ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтъ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная,
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ;
А орѣшки не простыя
Скорлупы-то золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгъ
И очутятся на брегъ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавицы удалые,

Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ наподборъ —
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ отвести;
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подь косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ пѣняетъ онъ:
Къ намъ-де въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.

Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ царя пустить
Чудной островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ:
«Что я? царь или дитя?»
Говоритъ онъ не шутя:
«Нынче жъ ѣду!» — Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на море глядитъ:

Не шумитъ оно, не хлещеть,
Лишь едва едва трепещеть,
И въ лазоревой дали
Показались корабли;
По равнинамъ окіяна
Їдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Їдетъ батюшка сюда.»
Флотъ ужъ къ острову подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ,
И въ трубу на нихъ глядитъ;
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются онъ
Незнакомой сторонѣ.
Разомъ пушки запалили;
Въ колокольняхъ зазвонили;
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.

Всѣ теперь идутъ въ палаты:
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя

Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Царь вступилъ на дворъ широкой:
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поетъ,
Золотой орѣхъ грызетъ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшечекъ опускаетъ;
И засѣянь дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далъ — торопливо
Смотрятъ — что жъ? Княгиня — диво:
Подъ косою луна блеститъ,
А во лбу звезда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава,
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ — и узнаетъ...
Въ немъ разыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Какъ!» и духъ въ немъ занялся...
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сына и молодицу,
И садятся всѣ за столъ;
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;

Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онѣ признались,
Повинились, разрыдались.
Царь ддя радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ — царя Салтана
Уложили спать въ полпьяна.
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ —
И усы лишь обмочилъ.

3.

СКАЗКА

О КУПЦѢ КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

(1831).

Жилъ-былъ купецъ Кузьма Остолопъ,
По прозванью Осиновый-Лобъ.
Пошелъ Кузьма по базару
Посмотрѣть кой-какого товару.
На встрѣчу ему Балда
Идетъ, самъ не зная куда.
«Что, дядюшка, такъ рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Кузьма ему въ отвѣтъ: «Нуженъ мнѣ работникъ —
Поваръ, конюхъ и плотникъ.
А гдѣ найти мнѣ такого
Служителя, не слишкомъ дорогаго?»
Балда говорить:
«Буду служить тебѣ славно,
«Усердно и очень исправно
«Въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу;

Ѣсть же давай мнѣ вареную полбу.»
Призадумался нашъ Кузьма Остолопъ,
Сталъ почесывать лобъ.
Щелчокъ щелчку вѣдь розъ —
Да понадѣялся онъ на Русскій авось.
Кузьма говоритъ Балдѣ: «Ладно:
Не будетъ намъ обоимъ накладно.
Поживи-ка на моемъ подворьѣ,
Окажи свое усердье и проворье.»
Живетъ Балда въ купеческомъ домѣ,
Спитъ себѣ на соломѣ,
Ѣсть за четверыхъ,
Работаетъ за семерыхъ;
До свѣтла все у него пляшетъ,
Лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ,
Печь затопитъ, все заготовитъ, закупитъ,
Яичко испечетъ, да самъ и облупитъ.
Хозяйка Балдой не нахвалится,
Ихъ дочка Балдой лишъ и печалится,
Сынокъ ихъ зоветъ его: тятей,
Кашу заваритъ, нянчится съ дитятей;
Одинъ Кузьма лишъ Балду не любитъ.
Никогда его не приголубитъ,
О распатъ думаетъ частенько.
Время идетъ и срокъ ужъ близенько.
Кузьма не ѣсть, не пьетъ, ночи не спитъ.
Лобъ у него заранѣ трещитъ.
Вотъ онъ женѣ признается:
Такъ и такъ, что дѣлать остается?
Умъ у бабы догадливъ,
На всякія хитрости повадливъ.
Хозяйка Кузьмѣ говоритъ: «Знаю средство,

Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство:
Закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ мочь;
А требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь-въ-точь,
Тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь,
И Балду-то безъ расплаты отправишь.»
Стало на сердце у Кузьмы веселье;
Началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлье.
Вотъ онъ кричитъ: «Поди-ка сюда,
Вѣрный мой работникъ Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мнѣ оброкъ до самой моей смерти;
Лучшаго бѣ не надобно дохода,
Да есть на нихъ недоимки за три года.
Какъ нашься ты своей полбы,
Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный.»
Балда, съ Кузьмой понапрасну не споря,
Пошелъ, да и сѣлъ у берега моря;
Тамъ онъ сталъ веревку крутить,
Да конецъ ея въ морѣ мочить.
Вотъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ.
«Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ?»
— «Да вотъ веревкой хочу море морщить,
Да васъ, проклятое племя, корчить.»—
Бѣса стараго взяла тутъ унымость.
— «Скажи, за что такая немилость?»—
«Какъ за что? Вы не платите оброка,
Не помните положеннаго срока;
Вотъ уже будетъ намъ потѣха,
Вамъ, собакамъ, великая помѣха!»
— «Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
Погоди, вышлю къ тебѣ внука.»—

Балда мыслить: «этого провесть не штука!»
Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,
Замяукаль онъ, какъ голодный котенокъ.
«Здравствуй, Балда мужичокъ;
Какой тебѣ надобно оброкъ?
Объ оброкъ вѣкъ мы не слыхали,
Не было чертямъ такой печали;
Ну, такъ и быть — возьми, да съ уговору,
Съ общаго нашего приговору —
Чтобы впередъ не было никому горя:
Кто скорѣ изъ насъ обѣжитъ около моря,
Тотъ и бери себѣ полный оброкъ,
Между тѣмъ приготовятъ тамъ и мѣшокъ.»
Засмѣялся Балда лукаво:
— «Что ты это выдумалъ, право?
Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
Со мною, съ самимъ Балдою?
Экаго послали супостата!
Подожди-ка моего меньшаго брата.»
Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайцевъ, да въ мѣшокъ.
Къ морю опять онъ приходитъ;
У моря бѣсенка находить.
Держить Балда за уши одного зайку:
«Попляши-ка ты подъ нашу баламайку;
Ты, бѣсенокъ, еще молоденецъ,
Со мною тягаться слабенецъ —
Это было бѣ лишь время трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Разъ, два, три! Догоняй-ка.»
Пустились бѣсенокъ и зайка,
Бѣсенокъ по берегу морскому,

А зайка въ лѣсокъ до дому.
Вотъ, море кругомъ объжавши,
Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
Весь мокрешенекъ, лапкой утираясь,
Мысля: дѣло съ Балдою сладить.
Глядь — а Балда братца гладить,
Приговаривая: «Братецъ мой любимый,
Усталъ, бѣдняжка! Отдохни родимой.»
Бѣсенокъ оторопѣлъ,
Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ,
На братца поглядываетъ бокомъ.
«Погоди,» говоритъ, «схожу за оброкомъ.»
Пошелъ къ дѣду; говоритъ: «бѣда!
Обогналъ меня меньшій Балда!»
Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу;
А Балда надѣлалъ такого шуму,
Что все море смутилось,
И волнами такъ и расходилось.
Вылѣзъ бѣсенокъ. «Полно, мужичокъ,
Вышлемъ тебѣ весь оброкъ —
Только слушай: видишь ты палку эту?
Выбери себѣ любую мѣту —
Кто далѣе палку бросить,
Тотъ пускай и оброкъ уносить.
Что жъ? Боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — «Да жду вонъ этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну съ вами, чертями, свалку.»
Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду
Разсказывать про Балдову побѣду;
А Балда надъ моремъ опять шумить,

Да чертямъ веревкой грозить.
Вылѣзъ опять бѣсенокъ: «Что ты хлопчешь
Будеть тебѣ оброкъ, коли захочешь.»...
— «Нѣтъ,» говоритъ Балда,
«Теперь моя чередѣ —
Условіе самъ назначу,
Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
Посмотримъ, какова у тебя сила!
Видишь тамъ сивая кобыла?
Кобылу подыми-ка ты,
Да носи ее полверсты;
Снесешь кобылу — оброкъ ужъ твой;
Не снесешь кобылы — анъ будетъ мой.»
Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлѣзъ,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ,
На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.
А Балда ему: «Глупый ты бѣсъ,
Куда ты за нами полѣзъ?
И руками-то снести не смогъ,
А я, смотри, снесу промежъ ногъ.»
Слѣзъ Балда на кобылу верхомъ,
Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ;
Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
Пошелъ рассказывать про такую побѣду.
Дѣлать нечего — черти собрали полный оброкъ,
Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идетъ Балда, побрякиваетъ,
А Кузьма, завидя Балду, вскакиваетъ,
За хозяйку прячется,

Со страху корячится.
Балда его тутъ отыскалъ,
Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ.
Бѣдный купецъ Кузьма Остолопъ
Подставилъ лобъ.
Съ перваго щелчка —
Прыгнулъ Кузьма до потолка,
Со втораго щелчка —
Лишился Кузьма языка,
А съ третьяго щелчка —
Вышибло умъ у старика.
А Балда приговаривалъ съ укоризной:
«Не гонялся бы ты, Кузьма, за дешевизной!...»

СКАЗКА

О ЗОЛОТОМЪ ПЬТУШКѢ.

Нѣгдѣ въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятѣмъ государствѣ,
Жилъ былъ славный царь Дадонъ.
Смолоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдамъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подѣ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему твора.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.

Воеводы не дремали,
Но никакъ не успѣвали:
Ждутъ бывало съ юга, глядь —
Анъ съ востока лѣзетъ рать;
Справятъ здѣсь — лихіе гости
Идутъ отъ моря; со злости
Инда плакаль царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.
Что и жизнь въ такой тревогѣ!
Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
Обратился къ мудрецу,
Звѣздочету и скопцу; —
Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
Вотъ мудрецъ передъ Дадономъ
Сталъ и вынулъ изъ мѣшка
Золотаго пѣтушка.
Посади ты эту птицу,
Молвилъ онъ царю, на спицу;
Пѣтушокъ мой золотой
Будетъ вѣрный сторожъ твой:
Коль кругомъ все будетъ мирно —
Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незванной —
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
Приподыметъ гребешокъ,
Закричитъ и встрепенется,
И въ то мѣсто обернется.
Царь скопца благодарить,
Горы золота сулитъ:

«За такое одолженъе»,
 Говоритъ онъ въ восхищенъе,
 «Волю первую твою
 Я исполню, какъ мою».

Пѣтушокъ съ высокой спицы
 Сталъ стеречь его границы;
 Чуть опасность гдѣ видна,
 Вѣрный сторожъ какъ со сна
 Шевельнется, встрепенется,
 Къ той сторонкѣ обернется
 И кричитъ: кири ку ку....

.

И сосѣди присмирѣли,
 Воевать уже не смѣли.
 Таковой имъ царь Дадонъ
 Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ-другой проходитъ мирно,
 Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
 Вотъ однажды царь Дадонъ
 Страшнымъ шумомъ пробужденъ:
 «Царь ты нашъ! Отецъ народа!»
 Возглашаетъ воевода,
 «Государь! проснись! бѣда!»
 — Что такое, господа?
 Говоритъ Дадонъ зѣвая,
 А? кто тамъ? бѣда какая? —
 Воевода говоритъ:
 «Пѣтушокъ опять кричитъ;
 Страхъ и шумъ во всей столицѣ.»
 Царь къ окошку — анъ на спицѣ,

Видить, бьется пѣтушокъ,
Обратившись на востокъ.
Медлить нечего: скорѣе!
Люди, на конь! Эй, живѣе!
Царь къ востоку войско шлетъ,
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ угомонился,
Шумъ утихъ и царь забылся.

Вотъ проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей:
Было ль, не было ль сраженья?
Нѣтъ Дадону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять —
Кличетъ царь другую рать;
Сына онъ теперь меньшова
Шлетъ на выручку большова,
Пѣтушокъ опять утихъ.
Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ.
Снова восемь дней проходятъ;
Люди въ страхѣ дни проводятъ.
Пѣтушокъ кричитъ опять;
Царь скликаетъ третью рать
И ведетъ ее къ востоку
Самъ, не зная быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
Имъ становится не въ мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробнаго кургана
Не встрѣчаетъ царь Дадонъ.
Что за чудо? мыслить онъ.

Вотъ осьмой ужъ день проходить,
Войско въ горы царь приводитъ,
И промежъ высокихъ горъ
Видитъ шелковый шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра; въ ущельи тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.
Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ...
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шоломовъ и безъ латъ
Оба мертвые лежатъ,
Мечъ вонзивши другъ во друга.
Бродятъ кони ихъ средъ луга
По притоптанной травѣ,
По кровавой муравѣ.....
Царь завылъ: «Охъ дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попались въ сѣти
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла.»
Всѣ завыми за Дадонемъ;
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинъ, и сердце горъ
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулся... и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сія какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.

И она передъ Дадономъ
Улыбнулась — и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать,
И потомъ недѣлю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратной
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглагольшала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ;
Всѣ бѣгутъ за колесницей
За Дадономъ и царицей —
Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ...
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ Сорочинской шапкѣ бѣлой,
Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его скопецъ.
«А! здорово, мой отецъ,
Молвилъ царь ему, что скажешь?
Подъ поближе, что прикажешь?»
— Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ,

Разочтемся наконецъ.
Помнишь? за мою услугу
Объщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнить какъ свою
Подари жъ ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу....
Крайне царь былъ изумленъ.
«Что ты? старцу молвилъ онъ,
Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
Или ты съ ума ряхнулся?
Что ты въ голову забралъ?
Я конечно общалъ,
Но всему же есть граница.
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно знаешь ли, кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярской,
Хоть коня съ конюшни царской,
Хоть полцарства моего.»
— Не хочу я ничего.
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу —
Говорить мудрецъ въ отвѣтъ.
Плюнулъ царь: «такъ лихъ же, нѣтъ!
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты грѣшникъ мучишь.
Убирайся, цѣль пока;
Оттащите старика!» —
Старичокъ хотѣлъ заспорить,
Но съ инымъ накладно вздорить;
Царь хватилъ его жезломъ

По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
Да и духъ вонъ. — Вся столица
Содрогнулась — а дѣвица
Хи хи хи, да ха ха ха!
Не боится знать грѣха.
Царь хотъ былъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно —
Вотъ — вѣзжаетъ въ городъ онъ...
Вдругъ раздался легкой звонъ,
И въ глазахъ у всей столицы
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И царю на темя сѣлъ,
Встрепенулся, клюнулъ въ темя
И взвился... и въ то же время
Съ колесницы палъ Дадонъ —
Охнулъ разъ — и умеръ онъ —
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала

.....
.....

5.

СКАЗКА

О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Съла ждатель его одна.
Ждетъ-пождетъ, съ утра до ночи
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись гляючи
Съ бѣлой зори до ночи:
Не видать милаго друга!
Только видить: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издавеча, наконецъ
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Восхищенья не снесла,
Тяжелешенько вздохнула,
И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ;
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ;
Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямъ была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила:
«Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
«Да всю правду доложи:
«Я ль на свѣтъ всѣхъ милѣе,
«Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:

«Ты, конечно, спору нѣтъ;
«Ты, царица, всѣхъ милѣе,
«Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
И царица хохотать,
И плечами пожимать.
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая.
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась — и расцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нраву кроткаго такова.
И женихъ сыскался ей,
Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово,
И приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь
Вотъ царица. наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
«Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
Что же зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
«Но царевна всѣхъ милѣе,

«Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ—то какъ притопнетъ!...
«Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бѣла;
Мать беременна сидѣла,
Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся; всѣхъ я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ; мнѣ равной нѣтъ.
Такъ ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:
«А царица все жъ милѣе,
«Все румянѣй и бѣлѣе.»
Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Сынной дѣвушкѣ своей,
Везть царицу въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

Чортъ ли сладить съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего Съ царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась «Жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица
Я пожалуй тебя.»
Та, въ душѣ ея любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Богъ съ тобой.»
А сама пришла домой.
«Что?» сказала ей царица,
«Гдѣ красавица-дѣвица?»
— Тамъ въ лѣсу, стоитъ одна, —
Отвѣчаетъ ей она;
— Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть. —

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужить бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу

За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей на встрѣчу песь, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она.
На подворьѣ тишина.
Песь бѣжить за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовой,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ невидно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку.
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Чась обѣда приближался;

Топотъ по двору раздался.
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ : «Что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто же ? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися :
Коль ты старый человекъ,
Дядей будешь намъ на вѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названный;
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица.»

И царица къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что - де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царицу принимали;
Усадили въ уголокъ.
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносъ подавали.
Отъ зеленого вина
Отрекалася она;

Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ мелькая,
А царица молодая
Все въ лѣсу; не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сърыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечь
У Татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго Черкеса.
А хозяйшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовить.
Имъ она не прекословить,
Не перечать ей они
Такъ идутъ за днями дни.
Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,

Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей : « Дѣвица,
Знаешь : всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы ради,
Да нельзя; такъ Бога ради,
Помири насъ какъ нибудь :
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою ?
Аль отказываешь намъ ?
Аль товаръ не по купцамъ ? »

— « Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, »
Имъ царица говоритъ :
« Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть ? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно.
Но другому я на вѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.
Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
« Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ, »
Старшій молвилъ поклонясь :
« Коли такъ, не заикнуса
Ужъ о томъ. » — « Я не сержуся, »

Тихо молвила она;
«И отказъ мой не вина.»
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всё опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ, и съвѣ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала :
«Здравствуй, зеркальце ! скажи,
Да всю правду доложи :
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе !»
И ей зеркальце въ отвѣтъ :
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
«Но живетъ безъ всякой славы,
«Средь зеленыя дубравы,
«У семи богатырей
«Та, что все жъ тебя милѣй.»
И царица налетѣла
На Чернавку : «Какъ ты смѣла
Обмануть меня ? и въ чемъ !...»
Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,

Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ : нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,»
Ей кричить она въ окошко,
«Пригрожу сама я псу
И кой-что тебѣ свесу.»
Отвѣчаетъ ей черница :
«Охъ ты, дитятко дѣвица !
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ !
Выдь ко мнѣ.» — Царевна хочетъ
Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги — и лаеъ,
И къ старухѣ не пускаеъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо !
«Видно выпался онъ худо,»
Ей царевна говорить;
«На жъ, лови!» и хлѣбъ летить.

Старушонка хлѣбъ поймала;
«Благодарствую, сказала,
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!»
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летить ...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
Но царевна въ обѣ руки,
Хватъ — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ,»
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотреть, грозно воетъ,
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать :
Брось ! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою;
«Что, Соколка, что съ тобою
Лягь!» и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу съла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку снѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.

Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочикъ проглотила....
Вдругъ она. моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала...

Братья въ ту пору домой
Возвращались толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ на встрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжить, и ко двору
Путь имъ кажетъ. «Не къ добру!
Братья молвили; печали
Не минуемъ.» Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ знать оно.
Передъ мертвою царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,

И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она
Какъ подъ крымышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишъ только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшоткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: « Спи во гробъ;
Вдругъ погасла, жертвой злобъ,
На землѣ твоя краса,
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному.»

Въ тотъ же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая

Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала :
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ :
«Ты, царица, спору нѣтъ,
Ты на свѣтъ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»

За невѣстою своей
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ.
И кого ни спросить онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется:
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ.
«Свѣтъ нашъ солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу,водишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видало ль гдѣ на свѣтъ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей.» — «Свѣтъ ты мой,»
Красно солнце отвѣчало :
«Я царевны не видало.
«Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
«Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,

«Гдѣ нибудь ея да встрѣтилъ,
«Или слѣдъ ея замѣтилъ.»

Темной ночи Елисей
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался
«Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченный рожокъ!
Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокой,
И обычай твой любя,
Звѣзды смотреть на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей.» — «Братецъ мой,»
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
«Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна видно
Пробѣжала » — «Какъ обидно!»
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
«Погоди; объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ; онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай.»

Елисей не унывая
Къ вѣтру кинулся, зывая :

«Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторъ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ея.» — «Постой,»
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный :
«Тамъ за рѣчкой тихоструйной
Есть высокая гора;
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тьмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустаго мѣста :
Въ томъ гробу твоя невѣста.»

Вѣтеръ далъ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,

Гробъ качается хрустальной,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробѣ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла :
«Какъ же долго я спала !»
И встаетъ она изъ гроба....
Ахъ!... и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубитъ уже молва :
Дочка царская жива !

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря : «Я ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе !»
И услышала въ отвѣтъ :
«Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.»
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,

Въ двери прямо побѣжала
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей;
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

6.

СКАЗКА.

О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

(1833).

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неведомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тиною;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ
Пришелъ неводъ съ травой морской;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкою, золотою.
Какъ взмолился золотая рыбка,
Голосомъ молвить человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,

«Дорогой за себя дамъ откупъ :
«Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался :
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово :
— Богъ съ тобою, золотая рыбка !
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на-просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разказалъ ей великое чудо.
— Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась :
Откупалась чѣмъ только пожелаю,
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море. —
Старика старуха забранила.
«Дурачина ты, простофиля !
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки !
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто :
Наше-то совсѣмъ расколосось.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю.
Видитъ : море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила :
«Чего тебѣ надобно, старче !»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ :

— Смилуйся, государыня рыбка !
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою :
Надобно ей новое корыто ;
Наше-то совсѣмъ расколосось. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка :
« Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ !
Будетъ вамъ новое корыто. »
Воротился старикъ ко старухѣ ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится :
« Дурачина ты, простофиля !
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти ?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу. »
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю :
Помутилося синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку ;
Приплыла къ нему рыбка, спросила :
« Чего тебѣ надобно, старче ? »
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ :
— Смилуйся, государыня рыбка !
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою :
Избу просить сварливая баба. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка :
« Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ !
Такъ и быть : изба вамъ ужъ будетъ »
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда ;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,

Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ.
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.»

Пошелъ старикъ къ синему морю:
Не спокойно синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ недобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочеть быть она крестьянкой,
Хочеть быть столбовою дворянкой. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»

Воротился старикъ ко старухѣ;
Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ.
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.

Передъ нею усердные слуги;
 Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
 Говорить старикъ своей старухѣ :
 —Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
 Чай теперь твоя душенька довольна. —
 На него прикрикнула старуха,
 На конюшинѣ служить его послала.

Вотъ недѣля-другая проходить;
 Еще пуще старуха вздурилась;
 Опять къ рыбакъ старика посылаетъ.
 «Воротись, поклонися рыбакъ :
 Не хочу быть столбовою дворянкой,
 А хочу быть вольною царицей.»
 Испугался старикъ, взмолился :
 — Что ты, баба, бѣлены объѣлась ?
 Ни ступить, ни молвить не умѣешь —
 Насмѣшишь ты цѣлое царство.
 Осердилася пуще старуха,
 По щекъ ударила мужа.
 «Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
 Со мною, дворянкой столбовою ?
 Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию,
 Не пойдешь, поведутъ по неволѣ.»

Старичокъ отправился къ морю:
 Почернѣло синее море.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
 Приплыла къ нему рыбка, спросила :
 «Чего тебѣ надобно, старче ?»
 Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ :
 — Смилуйся, государыня рыбка !

Опять моя старуха бунтуеть :
Ужъ не хочеть быть она дворянкой,
Хочеть быть вольною царицей. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка :
« Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ !
Добро ! будетъ старуха царицей ! »

Старичокъ къ старухѣ воротился.
Что жъ ? Предъ нимъ царскія палаты
Въ палатахъ видить свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служать ей бояре, да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался,
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица !
Ну, теперь твоя душенька довольна. —
На него старуха не взгнула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся :
« По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа !
Впредь тебѣ, невѣжа, наука ;
Не садися не въ свои сани ! » —

Вотъ недѣля, другая проходитъ,

Еще пуще старуха вздурилась :
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха :
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіянь-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посыткахъ.»
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходять, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Прыпмыла къ нему рыбка, спросима:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобъ жить ей въ окіянь-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у нее на посыткахъ. —
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился — —

Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

XIV.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

(1832—1833.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть этихъ пѣсень взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1827 года, подъ названіемъ : *La Guzla, ou choix de Poësies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegowine*. Незвѣстный издатель говорилъ въ своемъ предисловіи, что, собирая нѣкогда безыскусственныя пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцевъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ, и по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ, и проч. Сей незвѣстный собиратель былъ не кто иной, какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, авторъ Театра Клары Газюль, Хроники временъ Карла IX, Двойной Ошибки,

и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней Французской литературы. Поэтъ Мпцкевичъ, критикъ зоркій и тонкій, и знатокъ въ Славянской поэзіи, не усомнился въ подлинности сихъ пѣсенъ, а какой-то ученый Нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацию.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсенъ. С. А. С. по моей просьбѣ, писалъ о томъ къ Мерпме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

Paris. 18 Janvier, 1835.

Je croyais, Monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif, je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avons formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire. Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis de là à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur nompareille» comme dit Rabelais, nous arrêtait au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance

notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire; on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je me levais à dix heures; quand j'avais fumé un ou deux cigares, ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots Illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé: Dei costumi dei Morlachi, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan-Aga, qui est réellement Illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan-Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la

poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est:

Sto se bieli u *gorje zelenoi*

Fortis a traduit:

Che mai biancheggia nel verde *Bosco*.

Nodier a traduit bosco, par *plaine verdoyante*; c'était mal tomber, car on me dit que *gorje* veut dire colline.

Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine.

Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

=

I.

ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ ¹.

Король ходитъ большими шагами
Взадъ и впередъ по палатамъ;
Люди спятъ — Королю лишь не спится:
Короля Султанъ осаждаетъ,
Голову отсѣчь ему грозитъ
И въ Стамбуль отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку:
Не услышитъ ли какого шума?
Слышитъ, воеетъ ночная птица:
Она чуетъ бѣду неминучу;
Скоро ей искать новой крови
Для своихъ птенцовъ горемычныхъ.

1. Ома I былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями, Стефаномъ и Радивомъ въ 1460 году. Стефанъ ему наследовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ по внушенію Папскаго легата, рѣшился воевать съ Турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключь-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ, онъ не согласился принять Магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

Не сова воетъ въ Ключь-градъ,
 Не луна Ключь-городъ озаряетъ,
 Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
 Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
 Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
 Лишь Король то слышалъ и видѣлъ;
 Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
 И идетъ одинъ въ Божію церковь.

Сталъ на паперти, дверь отворяетъ...
 Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
 Но великую творитъ онъ молитву
 И спокойно въ церковь Божію входитъ.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
 На помостъ валяются трупы,
 Между ними хлещетъ кровь ручьями
 Какъ потоки осени дождливой.
 Онъ идетъ, шагая черезъ трупы;
 Кровь по щиколку ² ему достягаетъ...

Горе! Въ церкви Турки и Татары
 И предатели враги *Богу милы*. ³
 На амвонѣ самъ Султанъ безбожный;
 Держитъ онъ наголо саблю;
 Кровь по саблѣ свѣжая струится
 Съ вострія до самой рукояти.

2. Щиколодка по Московскому нарѣчію щиколка.

3. Такъ называютъ себя нѣкоторые Иллпрійскіе раскольники.

Короля незапный обнялъ холодъ:
 Тутъ же видитъ онъ отца и брата.
 Предъ Султаномъ старикъ бѣдный справа,
 Униженно стоя на колѣнахъ,
 Подаетъ ему свою корону;
 Слѣва, также стоя на колѣнахъ,

Его сынъ, Радивой окаянный,
 Бусурманскою чалмою покрытый,
 (Съ тою самою веревкою, которой
 Удавилъ онъ несчастнаго старца),
 Край помы у Султана цѣлуетъ,
 Какъ холопъ наказанный *фалангой*. ⁴

И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
 Взявъ корону, растопталъ ногамъ,
 И промолвилъ потомъ Радивою:
 «Будь надъ Босніей моею ты властелиномъ,
 Для гяурь-христіянъ Бегмербеемъ.» ⁵
 И отступникъ билъ челою Султану,
 Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И Султанъ прислужниковъ кликнулъ,
 И сказалъ: «Дать кафтанъ Радивою! ⁶
 Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
 А содрать на кафтанъ Радивоя
 Кожу съ брата его роднаго.»
 Бусурмане на Короля наскочили,

4. *Фаланга*, палочные удары по пятамъ.

5. Радивой никогда не имѣлъ этого сана, и всѣ члены королевскаго семейства истреблены были Султаномъ.

6. Кафтанъ, обыкновенный подарокъ Султановъ.

До нага всего его раздѣли,
Ятаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже, меня наказуй!
«Плоть мою предай на растерзанье,
«Лишь помилуй мнѣ душу, Иисусе!»

При семь имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло,
Все исчезло — будто не бывало.

И Король ощупью въ потемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба, ⁷
И пошли бусурмане на приступъ.

7. Анахронизмъ.

2.

ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ разъздахъ Бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Отъ чего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлей не ночуетъ?
Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья,
Но онъ бродить, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры, какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались,⁸
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горьлки;
Охмѣвли, обезумѣли гости,
Два могучіе Бей побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала:

8. Трогательный обычай *братованія*, у Сербовъ и другихъ западныхъ Славянъ, освящается духовными обрядами.

Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродить,
Словно волъ, ужаленный змією.

Наконецъ онъ на родину воротился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
«Посмотри, жена, ты въ окошко,
Видишь ли церковь Спаса отсель?»
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «На дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,
За туманомъ ничего не видно »
Повернулся Янко Марнавичъ
И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
«Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
И жена, поглядѣвъ отвѣчала:
«Вижу, вонъ, малый огонечекъ
Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою.»
Улыбнулся Янко Марнавичъ,
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что тамъ еще видно?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:

«Вижу я на рѣкѣ сѣянье,
 Близится оно къ нашему дому.»
 Бей вздохнулъ, и съ постели свалился.
 Тутъ и смерть ему приключилась.

—

3.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ ⁹.

Радивой поднялъ желтое знамя:
 Онъ идетъ войной на бусурмана;
 А Далматы, завидя наше войско,
 Свои длинные усы закрутили,
 На бекрень надѣли свои шапки,
 И сказали: «Возьмите насъ съ собою: ¹⁰
 Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
 Радивой дружелюбно ихъ принялъ
 И сказалъ имъ: «милости просимъ!»
 Перешли мы заповѣдную рѣчку,
 Стали жечь Турецкія деревни,
 А жидовъ на деревьяхъ вѣшать. ¹¹
 Беглербей со своими Босняками
 Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки; ¹²

9. Неизвѣстно, къ какому пропеществію относится эта пѣсня.

10. Потеря сраженія приписывается Далматамъ, ненавстнымъ для Влаховъ.

11. Жиды въ Турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ мусульманъ и христіанъ. Участь ихъ, замѣчаетъ В. Скоттъ, походить на участь летучей рыбы — М.

12. Банялука, прежняя столица Боснійскаго Пашалыка.

Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбѣжались измѣнники Далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
Мы домой воротимся съ тобою
И расскажем эту битву нашимъ дѣтямъ.»
Стали биться мы тогда жестоко:
Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія до самой рукояти.
Но когда черезъ рѣчку стали
Тѣсною кучкою мы переправляться,
Селихтарь ¹³ съ крыла на насъ ударилъ
Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣти,
«Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
«Намъ управиться съ ними невозможно.
«Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
«И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать. —
Всѣ друзья, родные Радивою:
Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
Закричалъ Георгій Радивою:
«Ты садись, Радивой, поскорѣе
На коня моего вороного;
Черезъ рѣчку вплавь переправляйся,
Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»
Радивой Георгія не послушалъ,

13. Селихтарь, меченосецъ.

На земь сълѣ, поджавъ подъ себя ноги.
Тутъ враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

—

4.

ФЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

.
.

Стамати былъ старъ и безсиленъ,
А Елена молода и проворна;
Она такъ-то его оттолкнула,
Что ушелъ онъ; охая да хромая.
«Подѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
Ай да баба! отдѣламась славно!»

Вотъ Стамати сталъ думать думу:
Какъ ему погубить бы Елену?
Онъ къ жиду лиходѣю приходитъ,
Отъ него онъ требуетъ совѣта.
Жидъ сказалъ: «ступай на кладбище,
Отыщи подъ камнями жабу,
И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходитъ Стамати,
Отыскалъ подъ камнями жабу, ¹⁴
И въ горшкѣ жиду ее приносить.

14. Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.

Жидъ на жабу проливаетъ воду,
 Нарекаетъ жабу Иваномъ
 (Грѣхъ великъ Христіанское имя
 Нарещи такой поганой твари!)
 Они жабу всю потомъ искололи,
 И ее --- ея жъ кровью напоили;
 Напоивши, заставили жабу
 Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
 «Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
 Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
 Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
 А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
 Показалось бѣдной молодицѣ,
 Что змія у ней въ животѣ шевелится
 Испугалась молодая Елена;
 Она кликнула сестру свою меньшую.
 Та ее молокомъ напоила,
 Но змія въ животѣ все шевелилась.
 Стала пухнуть прекрасная Елена,
 Стали баить: Елена брюхата.
 Каково-то будетъ ей отъ мужа,
 Какъ воротится онъ изъ-за моря!
 И Елена стыдится и плачетъ,
 И на улицу выдти не смѣетъ,
 День сидитъ, ночью ей не спится.
 Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
 «Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходить, и Феодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжить къ нему на встрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ ни ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой — и видитъ:
На постелѣ сидитъ его Елена.
«Встань, Елена!» говоритъ Феодоръ.
Она встала, — онъ взглянулъ сурово.
«Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я невиновата:
Испортили меня злые люди.»

Но Феодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну его живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походить,
Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что жъ! — Намѣсто милаго дитяти,
Онъ черную жабу находить.

Взвѣль Ѳеодоръ: «горе мнѣ убійць!
 Я сгубилъ Елену понапрасну:
 Предо мною она была невинна,
 А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
 Сталъ ее цѣловать умиленно,
 И мертвыя уста отворились,
 Голова Елены провѣщала:
 «Я невинна. Жидъ и старый Стамати
 Черной жабой меня окормили.»
 Тутъ опять уста ея сомкнулись
 И языкъ пересталъ шевелиться.

И Ѳеодоръ Стамати зарѣзалъ,
 А жиду убилъ какъ собаку,
 И отпѣлъ по женѣ панихиду.

—

5.

ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ. ¹⁵

Какъ покинула меня Парасковья,
 И какъ я съ печали промотался,
 Вотъ Далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
 «Ступай, Дмитрій, въ морскій ты городъ,
 Тамъ цехины что у насъ каменя;

15. Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ,
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро ты тамъ разбогатѣешь,
И воротишься въ шитомъ долиманѣ
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусяхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь.»
Я послушался лукаваго Далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завялъ какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу — «Здравствуй Димитрій Алексѣичъ!»
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

6.

ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЬ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ
Притаился храбрый Гайдукъ Хризичь. ¹⁶
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына;
Имъ нельзя изъ пещеры выйти:
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Коли чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризичь глядя на нее, не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли;
Они только очитирали,
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичь.
Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
Сталъ глядѣть онъ на мертвую матеръ,
Будто волкъ на спящую козу.

16. Гайдукъ, глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбойни.

Его братъ, видя то, испугался;
 Закричалъ онъ старшему брату:
 «Милый братъ! не губи свою душу;
 Ты напейся горячей моей крови,
 А умремъ мы голодною смертю;
 Станемъ мы выходить изъ могилы
 Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ.» ¹⁷
 Хризичъ всталъ и промолвилъ: «Полно!
 «Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
 И всѣ трое со скалы въ долину
 Сбѣжали какъ бѣшеные волки.
 Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
 Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣлъ;
 Головы враги у нихъ отсѣкли
 И на копья свои насадили —
 А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли:
 Такъ имъ страшень былъ Хризичъ съ сыновьями.

—

7.

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ

Іакина Маглановича. ¹⁸

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
 Путь найдешь ты, слава Богу.

17. Западные Славяне вѣрятъ существованію *утырей* (vampire). См. пѣсню о *Маркѣ Якубовичѣ*.
 18. Мериме помѣстилъ въ началѣ своей *Guzla* извѣстіе о старомъ гусларѣ Іакинѣ Маглановичѣ; неизвѣстно, существовалъ ли онъ когда нибудь, но статья его Біо-

СВѢТИТЬ МѢСЯЦЪ; НОЧЬ ЯСНА;
Чарка выпита до дна.

графа имѣть необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Меркле рѣдка, и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь живописаніе Славянина-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de Guzla que j'ai vu, qui fût aussi poëte; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches, en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poëte est né à Zuonigrad, comme il le dit lui même dans sa ballade intitulée *l'Aubépine de Veliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parens ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingéchs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart *. Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'eut pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitemens. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine qui l'avait rebaptisé l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation **.

* Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

** J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

Пуля легче лихорадки;
Воленъ умеръ ты, какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitans des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterremens, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs du Scign, se souciant fort peu de ses parens, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poëte et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche Morlaque, nommé Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les mœurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglauovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parens pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des Heyduques *.

Il vécut longtems avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les Pandours **. Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar

* Espèce de bandits.

** Soldats de la police.

Вспоминай насъ за могилою,
 Коль сойдется какъ нибудь;
 Отъ меня отцу, братъ милой,
 Поклониться не забудь!

avec sa femme et quelques enfans. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfans s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très-facilement l'illyrique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas ***, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensamble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très-extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'œil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir : ses vêtemens étaient assez vieux, mais encore très-propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire : vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif : je chanterai quand je serai rassasié. Nous dînâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient

Ты скажи ему, что рана
 У меня ужъ зажила;
 Я здоровъ — и сына Яна
 Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ.
 Умный мальчикъ у меня;
 Ужъ владѣтъ ятаганомъ
 И стрѣляетъ изъ ружья.

son verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en Décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eut moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois : j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle; mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange : il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets qu'il m'avait pris.

En 1817 je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfans et petits-enfans me sautèrent au cou, et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
 Съ мужемъ ей нескучно тамъ.
 Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
 Живъ или нѣтъ — узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу;
 Путь найдешь ты, слава Богу.
 Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
 Чарка выпита до дна.

—

8.

МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
 Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
 А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
 По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
 Блѣденъ онъ и чуть ноги волочить,
 Просить онъ напиться ради Бога.
 Зоя встала и пошла за водою,
 И прохожему вынесла ковшикъ,
 И прохожій до дна его выпилъ.
 Вотъ, напившись, говоритъ онъ Марку:
 «Это что подъ горою тамъ видно?»
 Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
 «То кладбище наше родовое.»
 Говоритъ незнакомый прохожій:

«Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
Потому что мнѣ жить ужъ недолго.»
Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
Кажеть Марку кровавую рану.
«Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
Бусурмана свинцовую пулю.
Какъ умру, ты зарой мое тѣло
За горой, подъ зеленою ивой.
И со мною положи мою саблю,
Потому что я славный былъ воинъ.»

Поддержала Зоя незнакомца.
А Марко сталъ осматривать рану.
Вдругъ сказала молодая Зоя:
«Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
Поддержать гостя нашего долъ.»
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко съѣлъ на коня вороного,
Взялъ съ собою мертвое тѣло,
И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу,
И съ молитвою мертвеца схоронили.
Вотъ проходить недѣля-другая,
Сталъ худѣть сыночекъ у Марка;
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
Къ Якубовичу Калуерьъ приходитъ —
Посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ:
«Сынъ твой боленъ опасною болѣзнью;
Посмотри на бѣлую его шею:

9.

БОНАПАРТЬ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»

Бонапарте спросилъ:

«Правда ль: это племя злое

«Не боится нашихъ силъ?»

«Такъ расскаются жъ нахалы:

«Объявить ихъ старшинамъ,

«Чтобы ружья и кинжалы

«Всѣ несли къ моимъ ногамъ.»

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту

Съ сотней пушекъ и мортиръ,

И своихъ Мамлюковъ роту,

И косматыхъ Кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты —

Черногорцы таковы!

Для коней и для пѣхоты

Камни есть у насъ и рвы.....

Мы засѣли въ наши норы

И гостей незваныхъ ждемъ;

Вотъ они вступили въ горы,

Истребляя все кругомъ.

Идутъ тѣсно подъ скалами,
Вдругъ смятеніе!... Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не падите жъ никого!»

Ружья грянули — упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы Французамъ: «Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо что-ли?» Нѣтъ, не то!

Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человекъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И Французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.

10.

СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко!
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни;
У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота —
Рано молодца женили;
А вторая-то забота —
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота —
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки;
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки,
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

11.

ПѢСНЯ О ГЕОРГІИ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся —
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
Старый Петро сына укоряетъ:
«Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый,
Не боишься ты Господа Бога:
Гдѣ тебѣ съ Султаномъ тягаться,
Воевать съ Бѣлградскимъ Пашею!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Пропадай ты себѣ, окаянный,
Да зачѣмъ ты всю Сербію губишь?»
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
«Изъ ума, старикъ, видно, выжилъ,
Коли лаешь безумныя рѣчи.»
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать послушнаго сына,
Объявить убѣжище Сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
«Воротися, отецъ, воротися!
«Отпусти мнѣ невольное слово.»
Старый Петро не слушаетъ, грозитъ:
«Вотъ ужо, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.

Не взглянулъ на сына старый Петро.
Договоряетъ вновь его Георгій,
И хватаетъ за сивую косу.
«Воротись, ради Господа Бога:
Не введи ты меня въ искушенье!»
Отпихнулъ старикъ его сердито,
И пошелъ по Българской дорогѣ.
Горько, горько Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
Закричалъ Петро, зашатавшись:
«Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
Его мать вышла ему на встрѣчу.
«Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
Отвѣчаетъ Георгій сурово:
«За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
И заснулъ на Българской дорогѣ.» ²¹
Догадалась она, завопила:
«Будь же Богомъ проклять ты, черный,
Коль убилъ ты отца роднаго!»
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный.

21. По другому преданію, Георгій сказалъ товарищамъ: старикъ мой умеръ; возьмите его съ дороги.

12.

ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся Ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки-Янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать бусурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они перестали —
Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряютъ:
«Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
Долго ль вамъ терпѣть оплеухи?
Или вы ужъ не Сербы — Цыганы?
Или вы не мужчины — старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые дома,
Уходите въ Велійское ущелье —
Тамъ гроза готовится на Турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый Сербинъ, воевода Милошъ.»

13.

ВУРДАЛАКЪ.

Трусовать былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Черезъ кладбище шелъ домой.

Бѣдный Ваня еле дышетъ;
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ —
Кто-то кость, ворча, грызетъ.

Ваня сталъ — шагнуть не можетъ.
Боже! думаетъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый Вурдалакъ.

Горе! малый я несильный;
Съѣстъ Упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ.

Что же? вмѣсто Вурдалака
(Вы представьте Вани злость!) —
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

14.

СЕСТРА И БРАТЯ ²².

Два дубочка выросали рядомъ,
Между ними тонковерхая елка;
Не два дуба рядомъ выросали,
Жили вмѣстѣ два брата родные:
Одинъ Павелъ, а другой Радула,
А межъ ними сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;
Напослѣдокъ ей ножъ подарили
Золоченый въ серебряной оправѣ.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорить она Радуловой любѣ:
«Невѣстушка, по Богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелія такова,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
Отвѣчаетъ Радулова любя:
«По Богу сестра моя, невѣстка,
Я не знаю зелія такова;
Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость.»
Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
Да зарѣзала коня вороного,

Прекрасная эта поэма взята мною изъ собранія Сербскихъ пѣсень Вука Стефановича.

И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ.
«Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой;
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лице терзая;
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка;
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,

Осмотри ты ножъ ея злаченный.»
Вскочилъ Павелъ какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ во свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченный,
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ —
Ножъ злаченный весь былъ окровавленъ
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
«Ой, сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня воронаго,
И въ саду сокола заколола;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвутъ на четыре части.»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алые цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молодая Павлиха:
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ —
Выросла трава сквозь ея кости,

Въ той травѣ лютой змѣй гнѣздится,
Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страждетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
«Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся.»
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
И пусти ихъ по чистому полю.»
Своей любви послушался Павелъ,
Привязаль ее къ хвостамъ своихъ коней,
И погналь ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ тернье да крапива;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлкѣ сидитъ соколъ-птица,
Лежитъ въ люлкѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

15.

ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ ²³.

Полюбилъ королевичъ Янышъ
 Молодую красавицу Елицу;
 Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
 Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
 На Любусъ, Чешской королевнѣ.
 Съ прежней любой идетъ онъ проститься.
 Ей приносить съ червонцами чересь,
 Да гремучія серги золотыя,
 Да жемчужное тройное ожерелье;
 Самъ ей вдѣлъ онъ серги золотыя,
 Навязалъ на шею ожерелье,
 Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
 Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
 И поѣхалъ своею дорогою.
 Какъ одна осталася Елица,
 Деньги на земь она пометала,
 Изъ ушей выдернула серги,
 Ожерелье на двое разорвала,
 А сама кинулась въ Мораву.
 Тамъ на днѣ молодая Елица
 Водяною царицей очнулась,
 И родила маленькую дочку,
 И ее нарекла Водяницей.

23. Пѣсня о Янышѣ—Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую, и то не всю.

Вотъ проходятъ три года и болѣ.
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы.
Захотѣлъ онъ коня воронова
Напоить студеною водою.
Но лишь только запѣнненную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
На уздѣ виситъ Водяница,
Какъ на удѣ пойманная рыбка.
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою,
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронова,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Янышъ-королевичъ:
«Разскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая Вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Янышъ-королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей.»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня воронова,
Обнялъ дочь свою Водяницу,
И слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать — Елица?»

Я слыхаль, что она потонула.»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ,
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Янышъ-королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаеть,
И у ней свиданія просить
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходить;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Янышъ-королевичъ!
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мнѣ на зеленой берегъ,
Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:

«Нѣтъ, не выду, Янышь-королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленый берегъ;
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Янышь-королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ.»

—

16.

КОНЬ.

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не хожу?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?»

Отвѣчаетъ конь печальный:

— Отъ того я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;

Отъ того я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой збруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Збрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
Отъ того мой духъ и ноетъ
Что на мѣсто чапрака
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока. —

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ОТДѢЛУ.

I.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

Поэма напечатана въ 1820 г., въ типографіи Н. Греча, Спб. in 8°, стр. 142, подъ заглавіемъ: «Русланъ и Людмила, поэма въ шести пѣсняхъ, сочиненіе А. Пушкина», съ вѣтъкою (нѣсколько спенъ въ поэмы) составленною А. Н. Оленинымъ и исполненною г.г. Ивановыми. (Рисоваль А. Ивановъ, гр. М. Ивановъ). Второе изданіе поэмы было въ 1828 году (Русланъ и Людмила — поэма Александра Пушкина, изд. второе, исправленное и умноженное. Спб., типографія Департамента Народнаго Просвѣщенія, 1828 г., стр. 159, съ дозволенія Правительства). Оно отличалось значительными пропусками противъ перваго, но сопровождалось небольшимъ предисловіемъ и украшено было новымъ прологомъ: «У Лукоморья дубъ зеленый» и новымъ эпилогомъ: «Такъ, міра житель равнодушный». Выписываемъ предисловіе съ нѣкоторыми сокращеніями, такъ какъ оно уже извѣстно намъ отчасти изъ біографическихъ матеріаловъ.

«Автору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ Руслана и Людмилу. Онъ началъ свою поэму, будучи еще воспитанникомъ Царско-Сельскаго Лицея и продолжалъ ее среди самой разсѣянной жизни. Этимъ до нѣкоторой степени можно извинить ея недостатки.

«При ея появленіи въ 1820 году тогдашніе журналы наполнились критиками, болѣе или менѣе снисходительными. Самая пространныя, писана В. и помѣщена въ Сынѣ Отечества. Вслѣдъ за нею появились вопросы неизвѣстнаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя.»

Здѣсь слѣдуетъ выписка вопросовъ, съ которыми мы уже знакомы по біографическимъ матеріаламъ. Затѣмъ авторъ предисловія продолжаетъ :

«Tes pourquoі, dit le dieu, ne finiront jamais.»

«Конечно многія обвиненія сего допроса основательны, особливо послѣдній (*). Нѣкто взялъ на себя трудъ отвѣчать на оныя. Его антикритика остроумна и забавна.

«Впрочемъ нашлись рецензенты со всѣмъ инаго разбора. Напр. въ Вѣстникѣ Европы, № 11, 1820 г., мы находимъ слѣдующую благонамѣренную статью.»

Здѣсь приложена выписка изъ Вѣстника Европы, которая тоже отчасти была приведена нами прежде, въ матеріалахъ, куда и отсылаемъ читателя. Предисловіе далѣе говоритъ :

«Долгъ искренности требуетъ также упомянуть о мнѣніи одного изъ *увѣнчанныхъ, первокласныхъ отечественныхъ писателей*, который прочитавъ Руслана и Людмилу, сказалъ : «Я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность.» Другой (а можетъ быть и тотъ же) увѣнчанный, первокласный отечественный писатель привѣтствовалъ сей первый опытъ молодаго поэта слѣдующимъ стихомъ :

«Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть »

18 Февраля, 1828.

—

Замѣненія, сдѣланныя Пушкинымъ въ своей поэмѣ при второмъ изданіи и особенно выпуски цѣлыхъ мѣстъ еще разъ свидѣтельствуютъ о строгости его взгляда на свои произведенія. Всѣ они сдѣланы къ лучшему, какъ можно видѣть изъ нѣсколькихъ примѣровъ.

(*) Въ немъ авторъ вопросовъ обращался къ тогдашнимъ журналамъ со словами : «Зачѣмъ разбирая Руслана и Людмилу говорить объ Илиадѣ и Энеидѣ и проч.»

Въ первой пьсьи Руслана послѣ стиха : « Герой! Я не люблю тебя » выпущена въ 1828 г., строфа :

Русланъ, не знаешь ты мученья
Любви, отверженной на вѣкъ.
Увы! Ты несносилъ презрѣнья....
И что же, странный человѣкъ!
И ты жъ тоскою сердце губишь.
Щастливецъ! ты любимъ, какъ любишь!

Послѣ стиха : « Былъ рокъ — упорный мой гонитель, » опять выпущена строфа :

Въ надеждѣ сладостныхъ отрадъ,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ — и виновать!
Безумный, дерзостный губитель,
Достойный Черномора братъ,
Я сталъ Наины похититель:
Лишь загадалъ, во тьмѣ лѣсной...

Вся строфа эта во второмъ изданіи поэмы замѣнена только однимъ четверостишіемъ :

Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ — и въ тьмѣ лѣсной...

Во второй пьсьи послѣ стиха : « Сердиться глупо и смѣшно » выпущено изданіемъ 1828 года:

Уже ли Богъ намъ далъ одно
Въ подлунномъ мірѣ наслажденье?
Вамъ остаются въ утѣшенье
Война, и Музы, и вино.

И за тѣмъ еще другая строфа послѣ стиха : « И далѣ продолжаетъ путь, »

О люди, странныя созданья!
Межъ тѣмъ какъ тяжкія страданья

Тревожатъ, убиваютъ васъ
 Обѣда лишь наступитъ часъ —
 И вмигъ вамъ жалобно доноситъ
 Пустой желудокъ о себѣ,
 И имъ заняться тайно проситъ:
 Что скажемъ о такой судьбѣ?
 И ты прекрасная Людмила...

Издание 1828 г., сохранило только послѣдній стихъ въ слѣдующемъ видѣ:

Моя прекрасная Людмила

Въ четвертой письмѣ вынуждено мѣсто послѣ стиха: «Ихъ замыслы не такъ ужасны:»

Не правъ Фернейскій злой крикунъ!
 Все къ лучшему; теперь колдунъ
 Иль магнетизмомъ лечитъ бѣдныхъ,
 И дѣвушекъ худыхъ и блѣдныхъ —
 Пророчить, издастъ журналъ —
 Дѣла, достойныя похвалъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1828 г., выпущены еще три строфы, одна во 2-й пѣсни, и двѣ въ 4-й.

Не говоримъ о мелкихъ поправкахъ въ словахъ (напр. въ третьей пѣснѣ — «на темени» вмѣсто прежняго «на теми... горъ», и проч.; Пушкинъ не исправилъ однакожъ страннаго стиха въ первой пѣснѣ: «Все слышитъ *голосъ ихъ ужасный*»); но въ этомъ очищенномъ и усовершенствованномъ видѣ, съ приложеніемъ новаго пролога и эпилога, поэма перешла уже во всѣ послѣдующія изданія ея, въ собраніе поэмъ и повѣстей Пушкина 1833 г., въ посмертное собраніе 1838 года и наконецъ въ наше.

Нельзя забыть, что ко второму изданію приложенъ былъ также портретъ Пушкина, гравированный Уткинымъ, съ картины Кипренскаго. Отецъ поэта Сергѣй Львовичъ Пушкинъ считалъ его болѣе схожимъ, чѣмъ всѣ извѣстные портреты его сына (смотри въ Отечественныхъ запискахъ 1841, *Лѣт* 4 статью: «Замѣчанія С. Л. Пушкина на біографію поэта, помѣщенную въ «Портретной и біографической галлерей»).

Еще нѣсколько не великобытныхъ подробностей о первомъ изданіи. Оно уже вышло въ свѣтъ и съ жадностью читалось публикой,

когда Пушкинъ, находившійся на Кавказѣ, прислалъ къ нему дополненія. Онѣ были напечатаны въ журналѣ: Сынъ Отечества 1820 г., № 38 подъ заглавіемъ: «Прибавленія къ поэмѣ: Русланъ и Людмила» и заключались въ двухъ пояснительныхъ мѣстахъ къ шестой пѣсни и въ эпилогѣ. Первое пояснительное мѣсто имѣло 14-ть стиховъ (отъ: «Но только свѣтъ луны двурогой» до «Бѣда: возстали Печенѣги»), второе только 3 (отъ: «Достоинной казни ждетъ измѣна» до: «Ея спокойнаго лица»). Эти добавленія завершались прекраснымъ эпилогомъ, который, послѣ имени автора, имѣлъ помѣтку: «26 Іюня 1820. Кавказъ». Все это вошло въ текстъ поэмы уже только при второмъ ея изданіи.

Наконецъ первые отрывки Руслана помѣщены были въ двухъ журналахъ: Невскомъ Зрителѣ 1820 (Мартъ мѣс.), гдѣ было мѣсто изъ первой пѣсни отъ стиха: «Русланъ на мягкій мохъ ложится» до стиха: «Природа, мудрость и покой» и въ Сынѣ Отечества 1820, №№ 15 и 16, гдѣ было мѣсто изъ третьей пѣсни отъ стиха: «Ужъ утро хладное сіяло» до стиха: «Твою пощечину забуду.»

II.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

Поэма вышла въ свѣтъ въ 1822 г. (Кавказскій Плѣнникъ, повѣсть, сочиненіе А. Пушкина, Спб., въ типографіи Н. Греча, 1822 г., in 8°, страниць съ примѣчаніями 53. Одобреніе цензора г. А. Бирюкова подписано 12 Іюня 1822 г.). Извѣстныя примѣчанія къ поэмѣ открывались слѣдующей замѣткой: «Издатели присовокупляютъ портретъ автора, въ молодости съ него рисованный. Они думаютъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы ларомъ необыкновеннымъ.» Приложенный, гравированный портретъ (рис. Е. Гейманъ) изображаетъ Пушкина въ первомъ возрастѣ, въ рубашкѣ и съ открытой шеей à la Вугон. Онъ слѣдился теперь художественною рѣдкостью. Само изданіе, вообще некрасивое, отличалось еще употребленіемъ точекъ, такъ часто являющихся за тѣмъ въ другихъ поэмахъ Пушкина. Послѣ стиха: «Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ» было двѣ строки точекъ и къ нимъ выноска: «какъ это мѣсто, такъ и другія означены точками сочинителемъ.» Послѣ стиха: «Съ веселымъ призракомъ свободы» — опять

двѣ строки точекъ. Все это отброшено было во второмъ изданіи, которое исправило и нѣсколько стиховъ повѣсти, какъ увидимъ.

Вторымъ изданіемъ повѣсти можно почитать Нѣмецкій переводъ ея, появившійся въ 1824 г. (*der Berggefangene von A. Puschin*), къ которому весь сполна приложенъ былъ и Русскій подлинникъ. Такимъ считаетъ его и роспись г. Смирдина (см. № 6762), но это изданіе сдѣлано было безъ согласія автора и разумѣется сохраняетъ всѣ недосмотры и ошибки перваго.

Настоящимъ вторымъ изданіемъ должно принимать то, которое сдѣлано было въ 1828 г. (Кавказскій Плѣнникъ, повѣсть Александра Пушкина. Второе, исправленное изданіе. Спб. Въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1828, in 8°, страницъ 60). Оно имѣло небольшое предисловіе, здѣсь прилагаемое: «*Предисловіе. Сія повѣсть, снисходительно принятая публикою, обязана своимъ успѣхомъ вѣрному, хотя слегка означенному изображенію Кавказа и Горскихъ нравовъ. Авторъ также соглашается съ общимъ голосомъ критиковъ, справедливо осуждавшихъ характеръ Плѣнника, нѣкоторыя отдѣльные черты и проч.*» Затѣмъ второе изданіе уничтожило точки, отдѣлило заключительные стихи повѣсти подъ особое названіе: *Эпилогъ* и исправило нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ въ посвященіи, стихъ перваго изданія: «*Когда гроза и вихрь мой чолнъ о камни били, замѣненъ другимъ, гораздо простѣйшимъ: «Когда мнѣ бѣдствія грозили», а извѣстное ошибочное двуступише перваго изданія:*

«Остановлялъ онъ долго взоръ
На отдаленныя громады»

передѣлано въ слѣдующее:

Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады.

Въ такомъ видѣ, за исключеніемъ однакожъ предисловія, перешелъ Кавказскій Плѣнникъ въ «Повѣсти и поэмы А. Пушкина 1835 г. и въ посмертное собраніе его сочиненій 1838 г. Впрочемъ находится и тутъ еще разница, именно въ посвященіи. Первые два изданія сохраняли имя лица, къ которому оно относилось: Н. Н. Раевскому. Последнія два выпустили имя и замѣстили его однимъ заглавіемъ: «Посвященіе.»

Между прочимъ въ рукописи поэта находятся слѣдующія важныя для біографа отмѣтки: въ концѣ поэмы: «*20 Февраля 1821, Каменка*», а въ началѣ эпилога: *Одесса 1821, 15-е Мая*. По одно-

му частному письму Пушкина въ 1821 г. видно, что въ рукописи его было: «И путникъ оживаетъ», вмѣсто нынѣшняго «И плѣнникъ оживаетъ»; «И уповательнымъ мечтамъ» вмѣсто: «И упоительнымъ мечтамъ» какъ вывѣ и проч. Онъ просилъ исправить это уже при самой печати, доказывая тѣмъ заботливость къ своимъ произведеніямъ, которая никогда его не оставляла.

III.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

Произведеніе это напечатано было въ 1824 г., безъ означенія рода поэзіи, къ которому принадлежитъ (Бахчисарайскій фонтанъ. *Сочиненіе* Александра Пушкина. Эпиграфъ: «Многіе, также какъ и я, посѣщали сей фонтанъ, но иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече. Сади.» Москва. Типографія Августа Семена, 1824 г. in 12°, стр. XX, 49. Одобреніе г. цензора Статскаго Совѣтника Алексѣя Мерзлякова подписано 10 Декабря 1823. За оглавленіемъ слѣдуетъ статья Князя Вяземскаго: «*Вмѣсто предисловія : Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова*». См. матеріалы наши для біографіи поэта). Поэма заканчивалась выпиской изъ Путешествія по Тавридѣ И. М. Муравьева-Апостола, которой предшествовало объясненіе издателя: «Желая познакомить читателей, не бывавшихъ въ Тавридѣ, со спеною повѣствованія поэта нашего, предлагаемъ имъ здѣсь выписку изъ любопытнаго и занимательнаго Путешествія по Тавридѣ, недавно изданнаго И. М. Муравьевымъ-Апостоловымъ.» Это первое изданіе напечатано было на грубой толстой бумагѣ, дурнымъ шрифтомъ и довольно небрежно. На послѣдней его страницѣ находятся еще слѣдующія лаконическія замѣтки: Стр. 3. «*Гяуру сердце отда-ла.*» Тѣ ошибаются, которые пишутъ Джяуръ. Стр. 20 «*Кивотъ печалью озаренный.*» Должно читать: «*Кивотъ печально озаренный.*» Эти замѣтки были выпущены вторымъ изданіемъ, какъ и всѣ тире и точки, употребленныя здѣсь въ необычайномъ изобиліи. Ихъ было двѣ строки послѣ стиха: «Одно божественное чувство»; по одной строкѣ вслѣдъ за стихами: «И вдохновеній сладострастныхъ» и «Какъ

духъ она проходить мимо»: одна строка послѣ стиха: «Мелькала дѣва предо мной!» и опять двѣ строки за стихомъ: «И красоту еще земную.»

За исключеніемъ этого, второе изданіе 1827 г. сохранило все прочее (Бахчисарайскій фонтанъ, сочиненіе А. Пушкина. Спб. типографія Департамента Народнаго Просвѣщенія, 1827 in 16^о стр. XIX, 52, съ четырьмя гравюрами, изображавшими Гирея между диваномъ своимъ, Игры затворницъ, Ночный переходъ Заремы къ Маріи, сцену ея съ Маріею. Одобреніе цензора Г-на В. Семенова отъ 20 Октября 1827 г.). но въ замѣтъ оно сдѣлало важныя поправки въ двухъ стихахъ:

Первое изданіе 1824 года	Второе изданіе 1827 года
<i>И самыя главы</i> Корана	<i>Святую заповѣдь</i> Корана.
—	—
Твоихъ <i>произительныхъ</i> лоб-	Твоихъ <i>азвительныхъ</i> лоб-
заній.	заній.
—	—

Третье изданіе сдѣлано въ 1830 г. (Бахчисарайскій фонтанъ, соч. Алек. Пушкина. Спб. Типографія Департамента Народнаго Просвѣщенія 1830. Съ дозволенія Правительства, in 8, стр. 46). Это изданіе впервые выкинуло статью Кн. Вяземскаго, но къ выпискѣ изъ Муравьева присоединило письмо самаго Пушкина къ Дельвигу изъ Крыма, напечатанное прежде въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1826 г. Форма предшествующаго имъ объясненія уже такова: «Отъ издателей. Желая познакомить читателей, не бывавшихъ въ Тавридѣ, со сценою повѣствованія поэта нашего, предлагаемъ имъ здѣсь: 1-е Выписку изъ любопытнаго и занимательнаго путешествія по Тавридѣ, изданнаго П. М. Муравьевымъ, 2-е Отрывокъ изъ письма самаго автора къ Д***.» Замѣтимъ, что въ послѣднемъ документѣ вышущее, по требованію Пушкина. окончаніе его, попавшее однакожь ошибкой и противъ воли автора въ Сѣв. Цвѣты на 1826. Мы приводимъ его въ матеріалахъ для біографіи поэта Измѣненій въ стихахъ противъ втораго изданія не было здѣсь и поэма въ этомъ послѣднемъ своемъ видѣ перешла безъ новыхъ добавленій въ «Поэмы и Повѣсти А. Пушкина 1835» и въ посмертное собраніе его сочиненій 1838. Уничтожено было въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ только объясненіе и какъ выписка изъ Путешествія Муравьева, такъ и отрывокъ изъ письма Пушкина, припечатаны въ концѣ подъ одними собственными своими оглавленіями.

IV.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

Разсказъ этотъ съ припиской: «*Отрывокъ изъ поэмы*» напечатанъ былъ въ Полярной Звѣздѣ 1825 г. и въ 1827 г. вышелъ отдѣльно брошюрой въ Москвѣ (Братья-разбойники А. Пушкина. Москва. Типографія Августа Семена. 1827, in 8°, стр. 15) Послѣ оглавленія на первомъ листѣ припечатано въ скобкахъ: писано въ 1822 г., а на задней оберткѣ: цѣна 150 копѣекъ. Черезъ три мѣсяца, какъ видно изъ ценсурныхъ одобреній отъ 28 Марта 1827 и отъ 9 Юня 1827 г. вышло точно такое же второе изданіе. но съ надписью на задней оберткѣ: цѣна 42 коп. Это должно относиться къ какой-либо книгопродавческой исторіи, намъ не вполне извѣстной. Кажется, что цѣна перваго изданія была показана слишкомъ высока противъ условія, сдѣланнаго съ издателемъ, что и понудило одного изъ пріятелей Пушкина тотчасъ же напечатать второе изданіе съ цѣной уменьшенной. Въ обоихъ изданіяхъ не было окончанія разсказа отъ стиха: «Умолкъ и буйной головою» до стиха: «Она проснется въ черной день.» Этого окончанія нѣтъ даже въ «Поэмахъ и повѣстяхъ Пушкина 1835» (часть вторая). Оно является только въ посмертномъ изданіи сочиненій его 1838 года.

V.

ЦЫГАНЫ.

Послѣ отрывковъ. напечатанныхъ: 1-й, въ Полярной Звѣздѣ 1825 г. (начало поэмы), 2-й, въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1826 (отъ стиха: «Ты любишь насъ, хоть и рожденъ» до стиха: «Цыгана дикаго разсказъ»), 3-й, въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, часть 6-я, № XXI (пѣсня Земфиры), Поэма явилась вполне отдѣльной брошюрой въ Москвѣ, въ 1827 г. (Цыганы. Москва, въ типографіи Августа Семена 1827 in 12°). На первомъ листѣ послѣ оглавленія было тогда припечатано въ скобкахъ: «писано въ 1824 г.» но имени автора, противу обыкновенія Пушкина, не выставлено. Одинъ стихъ въ пѣснѣ Земфиры. данной журналомъ Московскимъ Телеграфомъ:

Какъ онъ молодъ и *свѣжъ*

въ настоящемъ изданіи поѣмы читается такъ:

Какъ онъ молодъ и *смѣлъ*.

Между прочимъ, журналъ сдѣлалъ выноску къ этой пѣснѣ: «Прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи.» Дѣйствительно ноты были приложены къ той же книжкѣ журнала (читатели могутъ справиться по нашему указанію), но любопытно было бы знать: кто записалъ Пушкину ноты дикаго напѣва, такъ какъ онъ самъ сдѣлать этого не могъ?

Послѣдующія редакціи произведенія въ «Поэмахъ и Повѣстяхъ Пушкина 1835 г.» и въ посмертномъ собраніи его сочиненій въ 1838 г. ничѣмъ не разнятся съ первой, если исключимъ маловажныя измѣненія въ правописаніи, которыя свидѣтельствуютъ объ измѣняющихся съ годами грамматическихъ условіяхъ.

Еще одно замѣчаніе. Въ черновой рукописи Пушкина есть нѣсколько строчъ, вложенныхъ имъ въ уста Алеко, когда тотъ задумывается надъ колыбелью собственнаго сына, рожденнаго ему Земфирой, но строфы эти не обдѣланы и выпущены самимъ авторомъ. Любопытно также, что Пушкинъ, кажется, имѣлъ намѣреніе приложить къ поэмѣ нѣкотораго рода предисловіе или по крайней мѣрѣ примѣчаніе. Вотъ что находимъ мы въ его бумагахъ, отчасти похожее на то и на другое.

«Долго не знали въ Европѣ происхожденія Цыгановъ и считали ихъ выходцами изъ Египта. До нынѣ въ нѣкоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ Египтянами. Англійскіе путешественники разрѣшили, кажется, всѣ недоумѣнія. Доказано, что Цыгане принадлежатъ отверженной кастѣ Индѣйцевъ, называемыхъ *Парія*. Языкъ и то, что можно назвать ихъ вѣрою, даже черты лица и образъ жизни—вѣрныя тому свидѣтельства. Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезпеченной бѣдностію—вездѣ утомила мѣры, принятія для преобразованія празднои жизни сихъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англій; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, воятъ медвѣдей, обманываютъ и крадутъ; женщины промышляютъ ворожбой, пѣснями и плясками.»

Извѣстно, что Пушкинъ любилъ предисловія. Почти при выпускѣ каждаго произведенія своего собирался онъ приложить къ нему вступленіе или предисловіе: это свидѣтельствуютъ его бумаги.

Не менѣе извѣстна и его склонность къ эпиграфамъ. Для «Цыганъ» приготовилъ онъ два слѣдующихъ:

«Мы люди смиренные, дѣвы наши любятъ волю — что тебѣ дѣлать у насъ?»

Молдавская пѣсня.

Подъ бурей рока — твердый камень
Въ волненьяхъ страсти — легкій листъ.

Кн. Вяземскій.

VI.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Разсказъ напечатанъ былъ впервые въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 годъ и тотчасъ же былъ перепечатанъ въ отдѣльную книжку (Спб. Д-тъ Народнаго Просвѣщенія, 1827 г. стр. 32, съ дозволенія Правительства). Тутъ замѣчательно, что брошюра носитъ 1827 годъ, между тѣмъ, какъ разсказъ появился впервые въ альманахѣ 1828 г., но дѣло въ томъ, что альманахъ ценсурованъ былъ 3-го декабря 1827 г. и брошюра напечатана вмѣстѣ съ нимъ, но только до распродажи альманаха не поступала въ обращеніе.

Между прочимъ брошюра разнится въ двухъ мѣстахъ съ текстомъ альманаха. Въ послѣднемъ было напечатано: «Я сытъ... *И такъ*». «Онъ входитъ, *медлитъ*, отступаетъ». Въ брошюрѣ: «Я сытъ и такъ» «Онъ входитъ, *щетъ*, отступаетъ.» Редакція брошюры перешла въ «Поэмы и Повѣсти Пушкина 1835 г.» (вторая часть), а посмертное собраніе 1838 г. ограничилось принятіемъ второй только поправки. Въ дополненіе скажемъ, что въ одно время съ упомянутой нами брошюрой, «Графъ Нулинъ» вышелъ тоже въ 1827 году вмѣстѣ съ повѣстью Евгенія Баратынскаго: Балъ (Двѣ повѣсти въ стихахъ: Балъ, сочиненіе Ев. Баратынскаго и Графъ Нулинъ, соч. А. Пушкина. Спб. Тип. Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1827 г., въ 12 д., стр. 45 и 32).

VII.

ПОЛТАВА.

Поэма эта издана была въ 1829 г. (Полтава, поэма Александра Пушкина. Спб. въ тип. Департамента Народнаго Просвѣщенія.

1829 г. Съ дозволенія Правительства, 8°, стр. VII и 91). Къ поэмѣ приложены были тогда: эпиграфъ изъ Мазепы Байрона и «Предисловіе», уже не находящіяся въ «Поэмахъ и Повѣстяхъ Пушкина 1835 г.», а равно и въ посмертномъ изданіи 1838 г., сохраняющихъ во всемъ остальномъ совершенное сходство съ первымъ текстомъ, кромѣ обычныхъ измѣненій въ правописаніи. Вотъ эпиграфъ:

«The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar».

(«Могущество и слава войны, измѣнчивыя, какъ и люди—суетные ихъ поклонники, сдѣлались достояніемъ торжествующаго Царя»).

Предисловіе переписывается буквально:

«Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій Царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага; утвердила Русское владычество на Югѣ, обезпечила новыя заведенія на Сѣверѣ и доказала Государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго Царемъ.

«Ошибка Шведскаго Короля вошла въ пословицу. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украину безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ однакожь симъ походомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ ожидать, что Малоросія... безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего Гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25,000 Шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ Королемъ, побѣгутъ передъ Нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, яко злыа опаснаго дѣла. Въ семъ походѣ Карлъ XII менѣе, нежели когда нибудь вѣрjлся своему счастью: оно уступило гению Петра.

«Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмѣльницкаго. Исторія представляетъ его честолюбцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣянιάхъ, клеветникомъ Самойловича, — своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, пре-

дателемъ Карла послѣ его пораженія: память его, преданная Церковію анаемѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятія челоуѣчества.

«Нѣкто въ романтической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, избобрѣтающимъ утонченныя ужасы, годныя во Французской мелодрамѣ и проч. Лучше было бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго Гетмана, не искажая своевольно историческаго лица.»

31 Января.

1829.

Необходимо слѣлать слѣдующую замѣтку: въ примѣчаніяхъ къ Полтавѣ сказано въ изданіи 1829 и 1835 г.г. что Филиппъ Орликъ «умеръ въ Бендерахъ около 1736 г.» (Прим. 17-е), а въ посмертномъ изданіи 1838—41 г.: «умеръ въ Бендерахъ около 1726 года».

Мы имѣемъ поэмѹ Полтаву, совершенно перебѣленную рукой Пушкина и кромѣ того первый черновыи оригиналъ въ тетрадахъ, да три листочка или лучше сказать, три отодранные куска второй ея копии. По нимъ составлены тѣ указанія къ ней, которыя находятся въ матеріалахъ для біографіи поэта.

Повторимъ здѣсь, что поэма написана была въ довольно короткое время и приложимъ во второй разъ цифры, находящіяся подъ ея пѣснями. Первая пѣсня имѣетъ помѣтку: 3-е Октября 1828, вторая 9 Октября, послѣдняя 16 Октября 1828 г. Посвященіе обозначено числомъ 29 Октября 1828—вся поэма создана такимъ образомъ въ теченіи одного мѣсяца.

VIII.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

Разсказъ напечатанъ былъ въ Альманахѣ г. Смирдина *Новоселье* на 1833 годъ, гдѣ обозначенъ и годъ сочиненія «1829»; но въ рукописи окончаніе сказочки помѣчено 1830 г. и принадлежитъ уже къ пребыванію Пушкина въ Болдинѣ. Домикъ въ Коломнѣ, какъ извѣстно писался въ видѣ развлеченія, веселаго разговора съ самимъ собою и потому нѣсколько строчъ его, весьма игривыхъ и остроумныхъ не попали въ печать. Они явились впервые на свѣтъ въ нашемъ изданіи, въ приложеніи VII къ біографическимъ матеріаламъ.

IX.

ГАЛУБЬ.

Поэма эта напечатана была уже послѣ смерти автора въ Современникѣ 1837 г., томъ седьмой и намъ остается только сличить ее съ рукописью.

Въ рукописи она не имѣетъ оглавленія и не раздѣлена на двѣ главы, какъ это сдѣлано въ Современникѣ и за нимъ въ посмертномъ изданіи 1838 г., куда поэма цѣликомъ перешла изъ журнала. Если не ошибаемся, нашу черновую рукопись должно считать единственной, оставшейся отъ Пушкина; лаконическія поправки его, встрѣчающіяся тамъ очень часто, совершенно непонятны для разбирателя. Иногда замаранный стихъ замѣненъ въ ней однимъ словомъ, отрывистой фразой, по которымъ у автора должны были образоваться новые стихи и строфы, но которые теперь безжизненно стоятъ передъ глазами читателя, ничего не выражая. Такъ подъ стихомъ: «Онъ ляжетъ блѣдной и вѣмой» написано: «Восприметъ трупъ его.» Для читателя фраза не имѣетъ никакого значенія: это была первая черта картины, о которой теперь нельзя составить никакого понятія. Вотъ почему редакція Современника весьма основательно поступила, передавъ цѣликомъ черновой текстъ поэмы и не обращая вниманія на ея помарки, но она, къ сожалѣнію, отступила въ концѣ отъ принятой методы и тѣмъ отчасти затемнила окончаніе поэмы. Въ описаніи Черкесскихъ игрищъ, Пушкинъ замаралъ слѣдующій очеркъ молодого изгнаннаго Черкеса, вѣроятно полагая замѣнить его другимъ, чего однакожъ не исполнилъ.

Но между юношей — одинъ
Забавъ наѣздничьихъ не дѣлитъ,
Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,
Изъ лука звонкаго не цѣлитъ и проч.

Редакція Современника, на этотъ разъ обративъ вниманіе на помарку, выпустила мѣсто, замѣнивъ его точками и тѣмъ повредила ясности дальнѣйшаго повѣствованія. Еще одно замѣчаніе: пятый и шестой стихъ съ конца, въ Современникѣ напечатаны такъ :

« Я агнецъ дома, звѣрь въ бою,
Къ намъ въ саклю не впущу я голодъ, »

но въ рукописи они читаются иначе :

Мнѣ трудъ лежокъ. Я удаю
Отъ нашей сакли тощій голодъ.

Время окончанія этого превосходнаго отрывка — неизвѣстно, но начало его, какъ уже сказали мы прежде, встрѣчается въ тетрадахъ 1829 г., сопровождавшихъ поэта въ его второмъ путешествіи на Кавказъ.

Х.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

Отрывокъ этотъ былъ напечатанъ въ Современникѣ 1836 г., томъ третій, изданіе А. С. Пушкина, но безъ подписи имени автора. Значительныя подробности о пьесѣ находятся въ нашихъ матеріалахъ для біографіи поэта. Нѣкоторыя орфографическія измѣненія, полученныя отрывкомъ при переходѣ въ посмертное изданіе, здѣсь отстранены и текстъ возстановленъ по редакціи Современника. Изданіе наше сохранило стихъ: «О толстобрюхой старинѣ», хотя, какъ уже намъ извѣстно, настоящей стихъ въ этомъ мѣстѣ таковъ: «Объ отдаленной старинѣ.» Кстати, у Пушкина во второй строфѣ есть одинъ стихъ, не имѣющій рифмы, именно: «За то на Куликовомъ полѣ». Соответствующій ему читается: «Между Непрядвою и Дономъ». Вѣроятно прилагательное перваго стиха—Куликовомъ—предназначалось поэтомъ для образованія рифмы, но на свое мѣсто не попало.

ХІ.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

Повѣсть «Мѣдный Всадникъ» появилась въ печати послѣ смерти автора ея, именно въ журналѣ: Современникъ 1837 г., томъ пятый, когда журналъ издавался уже въ пользу его семейства.

Въ бумагахъ поэта находится рукопись Мѣднаго Всадника, чрезвычайно чисто перебѣленная самимъ авторомъ. Это та самая, которую онъ представлялъ на разсмотрѣніе, испрашивая дозволеніе къ напечатанію своей повѣсти въ 1834 году. Извѣстно, что одинъ отрывокъ ея, именно: «Вступленіе» до стиха: «Была ужасная пора» включительно, помѣщенъ былъ тогда же въ Библіотекѣ для Чтенія (1834 г., томъ VII), подъ названіемъ: «Петербургъ.» Вмѣстѣ съ этой рукописью существуетъ и другая, перебѣленная уже писцомъ. Время, раздѣляющее ихъ не могло быть очень значительно, но уже рукопись писца заключаетъ весьма важныя поправки, сдѣланныя самимъ авторомъ. Съ этой послѣдней рукописи печатался Мѣдный Всадникъ въ Современникѣ и считаемъ долгомъ представить здѣсь окончательную работу Пушкина надъ своимъ произведеніемъ, которымъ онъ еще не былъ доволенъ, изготовивъ его, по видимому, вполне для печати.

Текстъ поэмы, писанный на чистоту самимъ Пушкинымъ.

Копія писца съ новыми поправками Пушкина.

1. Мое перо къ тому же дружно.

==

2. нашъ герой
Живеть въ чуланѣ....

==

3. Ни о почіющей роднѣ.

==

4. Что врягъ еще черезъ два
года

Онъ чинъ получить; что рѣка
Все прибывала, что погода
Не унималась, что едва ль
Мостовъ не съмутъ, что ко-
нечно

Парашѣ будетъ очень жаль....
Тутъ онъ развѣжился сердечно
И размечтался какъ поэтъ.

«Женится? чтожъ? Зачѣмъ
же нѣтъ?»

1. Мое перо ужъ какъ то дружно.

==

2. нашъ герой
Живеть въ Коломнѣ.

==

3. Ни о покойницѣ-роднѣ

==

4. Что служить онъ всего два
года;

Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала; что едва ли
Съ Невы мостовъ уже не сня-
ли

И что съ Парашей будетъ онъ
Дня на два, на три разлученъ.
Такъ онъ мечталъ.

И въ самомъ дѣлѣ? я устрою
 Себѣ смиренный уголокъ
 И въ немъ Парашу успокою.
 Кровать, два стула, шей гор-
 шокъ
 Да самъ большой... чего мнѣ
 болѣ?
 Не будемъ прихотей мы знать
 По Воскресеньямъ лѣтомъ, въ
 полѣ
 Съ Парашей буду я гулять;
 Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
 Препоручу хозяйство наше
 И воспитаніе ребятъ....
 И станемъ жить и такъ до гроба
 Рука съ рукой дойдемъ мы оба
 И внуки насъ похоронять
 Такъ онъ мечталъ.

==

5. И пуще, пуще свирѣѣла,
 Приподымалась и ревѣла,
 Котломъ кловоча и клубясь
 И наконецъ остервенясь
 На городъ кинулась....
 ==
 6 волны вдругъ
 Вломились въ улицы, въ под-
 валы,
 Съ Невой слились ея каналы
 И всплылъ Петрополь...

==

7. Мосты, снесенные грозой

 Пожитки бѣдныхъ, рухлядь ихъ,
 Колеса дрожекъ городскихъ,
 Гроба съ размытаго кладбища.

==

5. Погода пуще свирѣѣла,
 Нева вздувалась и ревѣла
 Котломъ кловоча и клубясь
 И вдругъ какъ звѣрь остервѣ-
 вьясь
 На городъ кинулась....

==

6. Воды вдругъ
 Втекли въ подземные подва-
 лы;
 Къ рѣшеткамъ хлынули каналы
 И всплылъ Петрополь...

==

Садки подъ мокрой пеленой

 Пожитки бѣдной нищеты,
 Грозой снесенные мосты,
 Гроба съ размытаго кладбища

==

8. Его стегали, потому
Что было все ему дорогой
И дворъ и улица, но онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушень
Былъ чудной, внутренней тре-
вогой. | 8. Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось — онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушень
Былъ шумомъ внутренней тре-
воги. |
|---|--|

Сверхъ всего сказаннаго, чистая рукопись Пушкина любопытна и тѣмъ, что представляетъ вѣрный образчикъ его правописанія. Вотъ нѣсколько выдержекъ: «Пріютъ убогова Чухонца», «Печалень будетъ мой разказъ», но нынѣ Свѣтомъ и Молвой», «Надъ омрачѣнномъ Петроградомъ»; «Мостовъ несъымутъ»; и проч. вмѣстѣ съ тѣмъ не должно забывать, что для связи нѣкоторыхъ мѣстъ, недописанныхъ или пропущенныхъ Пушкинымъ, въ поэмѣ включены были стихи, ему не принадлежащіе; таковы слѣдующіе:

- а, «И съ распростертою рукой
Какъ будто градомъ любовался»
б, «Предъ дивнымъ Русскимъ Великаномъ
И персть свой на него поднося,
Задумался.»

Но кромѣ этихъ двухъ рукописей въ бумагахъ Пушкина сохранилась, къ счастью, и первая черновая работа его, можетъ быть, столь же важная для изученія поэта, какъ и окончательныя его соображенія по поводу своего произведенія. Именно эта черновая работа и дала намъ возможность сдѣлать тѣ поясненія, которыя находятся въ матеріалахъ для біографіи. Повторимъ здѣсь, что подъ вступленіемъ въ черновой рукописи находится помѣтка 29-е Августа, а подъ окончаніемъ поэмы: «31-е Ноября 1833. Болдино.»

Оканчиваемъ замѣтки указаніемъ одной довольно странной ошибки, вкравшейся въ Современникъ. Въ примѣчаніяхъ къ повѣсти, (Прим. 5) у Пушкина сказано было, что извѣстный Польскій поэтъ заимствовалъ описаніе Петровскаго памятника изъ Рубана. Современникъ напечаталъ по весьма досадному недосмотру «изъ Рыбака», что было совершенной безсмыслицей. Посмертное изданіе сочиненій Пушкина 1838—41, перепечатавъ поэму безъ измѣненій, повторило вмѣстѣ съ тѣмъ и опечатку журнала.

XII.

АНДЖЕЛО.

Эта передѣлка Шекспировой драмы: «Мѣра за мѣру» — находится въ тетрадахъ поэта, принадлежащихъ къ 1833 году и впервые напечатана была въ альманахѣ г. Смирдина: Новоселье на 1834 годъ. Оттуда она перешла въ Собраніе Поэмъ и Повѣстей Пушкина 1835, (часть вторая) и въ посмертное изданіе. Во всѣхъ редакціяхъ она сохраняетъ ошибку въ началѣ V строфы 3-й главы:

«Замыслилъ новую затѣю Дукъ — представить
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать
И казнь остановилъ, а къ Анджело отправить
Другую голову.»

Редакція Поэмъ и Повѣстей Пушкина 1835—сохраняетъ многія особенности его правописанія, при передачѣ этой пьесы. Тамъ встрѣчаемъ: «такова приговору,» «святова уловить,» «грѣха въ томъ никакова; вмѣстѣ съ тѣмъ и формы: душой, идти, «недопускають» вмѣсто «недопускають», а также большія буквы въ словахъ: Законъ, Судія и проч. — совершенно Пушкинскія. Между прочимъ въ томъ же изданіи напечатано (Анджело, часть первая, стр. XI), «Подумай, говорила, а въ посмертномъ: «Помилуй, говорила.» Замѣтимъ также, что въ этомъ произведеніи Пушкина, встрѣчается новое слово: «увѣрчивость»: «Богъ далъ ея рѣчамъ увѣрчивость и сладость.» (Часть 1, стр. VII).

XIII.

ПРОСТОНАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

—

1.

Женихъ.

Сказка напечатана была въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 г., № XIII съ припискою въ заглавіи: «Простонародная сказка.» Приписка сохранилась и въ собраніи стихотвореній Пушкина 1829 г. въ

листкѣ, содержащемъ оглавленіе пьесъ. Оттуда безъ измѣненій, но съ выпускомъ приписки, перешла въ посмертное изданіе 1838—41.

2.

Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди.

Эта первая Русская сказка Пушкина, въ которой старался онъ передать настоящую народную рѣчь, напечатана впервые въ третьей части его Стихотвореній, вышедшей въ 1832 г. Оттуда перешла она въ посмертное изданіе 1838—41, получивъ, какъ и всѣ произведенія Пушкина, то правописаніе, которое принято было изданіемъ и съ которымъ мы уже знакомы по многимъ образцамъ. Однообразное приложеніе книжныхъ условныхъ формъ послужило и здѣсь поводомъ къ измѣненію Пушкинскаго стиха:

Сами шлють гонца другога
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова,

въ стихъ: «Сами шлють гонца другаго.»

3.

О Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ.

Сказка эта дана прежде Сыномъ Отечества 1840, томъ II, № 5, а за тѣмъ уже посмертнымъ изданіемъ 1841. Въ обѣихъ редакціяхъ существуютъ нѣкоторыя несходста съ рукописью, но ни сколько не отнимающія ея достоинства и не вредящія ея общему тону. Подъ сказкой написано въ рукописи: «13-го Сентября,» но года не выставлено, хотя по свидѣтельству современниковъ мы знаемъ его положительно. Она принадлежитъ 1831 г.

4.

О золотомъ пѣтушкѣ.

Сказка явилась впервые въ Библиотекѣ для Чтенія 1835 г. томъ IX, № 16. Въ изданіи Стихотвореній Пушкина 1835 г. (часть четв.)

нѣкоторыя прилагательныя еще сохраняютъ народныя окончанія на *ова*:

«Сына онъ теперь меньшова
Шлетъ на выручку большова;»

что посмертнымъ изданіемъ замѣнено, по обыкновенію, окончаніями на *аго*. Послѣдній стихъ передъ точками, какъ въ журналѣ, такъ и въ Стихотвореніяхъ 1835, читается: «Будто вовсе не бывало,» а въ посмертномъ изданіи: «не бывала. Посмертное же изданіе исправило стихъ: «Въ Сорочинской шапкѣ бѣлой» вмѣсто: «Въ Сарачинской,» какъ было прежде. Другихъ измѣненій противъ двухъ первыхъ редакцій въ немъ нѣтъ.

5.

О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Сказка явилась впервые въ журналѣ: Библиотека для Чтенія 1834 г.. Томъ II, № 2-й и оттуда перешла въ собраніе Стихотвореній Пушкина 1835 (часть четвертая) и въ посмертное изданіе 1838 г.

6.

О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Сказка явилась впервые въ Библиотекѣ для Чтенія 1835 г., томъ X, № 17-й, откуда и перешла какъ въ четвертую часть Стихотвореній Пушкина, вышедшую въ 1835 г., такъ и въ посмертное изданіе 1838 г. Въ рукописи подъ ней стоитъ замѣтка: «14-го Октября 1833 года. Болдино. 18-я пѣсня Сербская.»

XIV.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Пятнадцать изъ этихъ пѣсенъ подъ заглавіемъ: «Пѣсни Западныхъ Славянъ» напечатаны были въ Библиотекѣ для Чтенія 1835 г.,

Томъ ІХ, № 15-й, а 16-я пѣсня «Конь» — тамъ же томъ VIII, 1835 г., № 14, но отдѣльно и съ заглавіемъ: «Сербская пѣсня.» Въ журналѣ всѣ 15 пѣсень находятся безъ предисловія и безъ примѣчаній, которыя къ нимъ присовокуплены уже въ собраніи Стихотвореній Пушкина 1835 г. (часть четвертая) и столь любопытны по письму Мериме, заключающемуся въ первомъ и разсказу его же о Маглановичѣ, находящемуся во вторыхъ. Тогда же и пѣса «Конь» зачислена была въ Пѣсни Западныхъ Славянъ, но посмертнымъ изданіемъ снова напечатана отдѣльно, съ старымъ заглавіемъ: Сербская пѣсня. Мы снова отвесли ее туда, гдѣ помѣстилъ ее самъ Пушкинъ. Посмертное изданіе и тутъ отличается обыкновеннымъ уничтоженіемъ прописныхъ буквъ въ словахъ, которое дошло до того, что оно напечатало и сказочное собственное имя: «Дивъ-Рыба» съ маленькими буквами въ началѣ, уже не говоря о Мамлюкахъ, Кирасирахъ и проч. Гораздо важнѣе этого слѣдующія грамматическія разницы. Согласно правописанію Пушкина напечатано было въ Собраніи его Стихотвореній 1835 г.; «Два могучіе Бей» (2 пѣснь) а въ посмертномъ: «Два могучіе *бей*»; въ той же пѣснѣ: «огонѣчекъ», былъ написанъ въ Библіотекѣ для Чтенія; огонѣчикъ, а въ изданіи 1835 г. огоніочикъ; въ 4 пѣсни Пушкинъ напечаталъ: «*стали баять*», а посмертное изданіе «*стали баять*»; въ 11 пѣсни онъ сдѣлалъ заглавіе: Пѣснь о Георгіѣ Черномъ, а посмертное изданіе: о Георгіи Черномъ. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что Пушкинъ держался выговора народнаго въ своемъ правописаніи и не безъ намѣренія употреблялъ формы: баять, о Георгіѣ и проч. Въ посмертномъ изданіи напечатано также въ 15 пѣснѣ — коня воронаго, вмѣсто: коня *ворнова*.

Другія подробности о Пѣсняхъ Западныхъ Славянъ находятся въ матеріалахъ для біографіи поэта, куда и отсылаемъ читателей нашихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ ПЕРВАГО ОТДѢЛА.)

СТИХОТВОРЕНІЯ СЪ 1831 г. по 1836 г. включительно.

1831 года.

	Стран.
1. Красавица (Въ Альбомъ Г**)	3
II. Клеветникамъ Россіи	4
III. Бородинская годовщина	5
IV. Лицейская годовщина (Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей)	8
V. Эхо (Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ)	10
<i>Примѣчанія</i>	11

1832 года.

1. Родригъ (На Испанію родную)	13
II. Романсъ (Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный)	17
III. Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу	19
IV. А. Д. Баратынской (Когда-то помню съ умильемъ)	19
V. Въ Альбомъ (Долго сихъ листовъ завѣтныхъ)	20
VI. Въ Альбомъ (Въ тревогѣ пестрой и безплодной)	20
VII. Подражанія древнимъ (Чистый лоснится полъ...)	21
VIII. Славная флейта, Θεонъ, здѣсь лежитъ	22
<i>Примѣчанія</i>	23

1833 года.

1. Воевода (Поздно ночью изъ похода)	25
II. Будрысь и его сыновья	27

iii. Гусарь (Скребницей чистилъ онъ коня)	29
iv. Отрывокъ (Однажды, странствуя среди долины дикой)	34
v. Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума	36
<i>Примѣчанія</i>	38

1834 года.

i. М* (Онъ между нами жилъ)	41
ii. Къ Н* (Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ)	42
iii. Д. В. Давыдову (Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою)	43
<i>Примѣчанія</i>	44

1835 года.

i. Полководецъ (У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата) и Объясненіе къ Полководцу со стихотвореніемъ: Передъ гробницею святой.	45
ii. Туча (Послѣдняя туча разсѣянной бури)	50
iii. Пиръ Петра перваго	50
iv. Опять на родинѣ	52
v. Гораций (Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ)	54
vi. ЕVII ода Анакреона (Что же сухо въ чашѣ дно)	55
vii. Изъ Анакреона (Узнаемъ коней ретивыхъ)	56
viii. Богъ веселый винограда	56
ix. Юноша! скромно пируй	57
x. Мальчику (Пьяной горечью фалерна)	57
xi. Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила	57
xii. Отъ меня вечеръ Лейла	58
xiii. Не розу Пафосскую	58
xiv. Подражаніе Арабскому (Отрокъ милый, отрокъ нѣжный)	59
<i>Примѣчанія</i>	60

1836 года.

i. Художнику (Грустенъ и весель вхожу, ваятель..)	65
ii. Подражаніе Итальянскому (Какъ съ древа сорвался пре- датель-ученикъ)	65
iii. Молитва (Отцы-пустынники и жены непорочны)	66
iv. Липейская годовщина (Была пора: нашъ праздникъ мо- лодой)	67
v. Памятникъ (Я памятникъ себѣ воздвигъ)	69
<i>Примѣчанія</i>	71

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Поэмы, повѣсти, сказки, Пѣсни западныхъ Славянъ; Евгеній
Онѣгинъ.

	Стран.
i. Русланъ и Людмила (1817—1820)	75
ii. Кавказскій плѣнникъ (1821)	171
iii. Бахчисарайскій фонтанъ (1822), съ двумя приложеніями	201
iv. Братья разбойники (1822)	227
v. Цыганы (1824)	236
vi. Графъ Нулинъ (1825)	261
vii. Полтава (1828)	275
viii. Домикъ въ Коломнѣ (1829—1830)	333
ix. Галубъ (1829)	347
x. Родословная моего героя (1833)	359
xi. Мѣдный Всадникъ (1833)	365
xii. Анджело (1833)	383
xiii. Простонародныя сказки (1825—1833)	
1. Женихъ	407
2. Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и мочемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди	415
3. Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ	448
4. Сказка о золотомъ пѣтушкѣ	455
5. Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ	463
6. Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ.	482
xiv. Пѣсни Западныхъ Славянъ, съ предисловіемъ (1832—1833)	
1. Видѣніе Короля.	495
2. Янко Марнавичъ	499
3. Битва у Зеницы-великой	501
4. Теодоръ и Елена.	503
5. Влахъ въ Венеціи.	506
6. Гайдукъ Хризичъ.	508
7. Похоронная пѣсня Іакинфа Маглановича.	509
8. Марко Якубовичъ	514
9. Бонапартъ и Черногорцы	518
10. Соловей	520
11. Пѣсня о Георгіѣ Черномъ	521

	Стран.
12. Воевода Милошъ	523
13. Вурдалакъ	524
14. Сестра и братья	525
15. Явышъ-Королевичъ	529
16. Ковъ	532
<i>Примѣчанія ко второму отдѣлу.</i>	535
